

С Новым
годом,
дорогие
ребята!

КОСТЁР

1 ЯНВАРЬ 1976

18.01.76

Фото
В. Денисова

Время... Сколько нынче собратьев у этого слова! Темпы, ускоренный ввод, предпусковой период, сокращение сроков... В этих энергичных словах ощущается усиленное бие-ние времени. Время — главное богатство каж-дого человека. Время — огромная ценность и для всей страны.

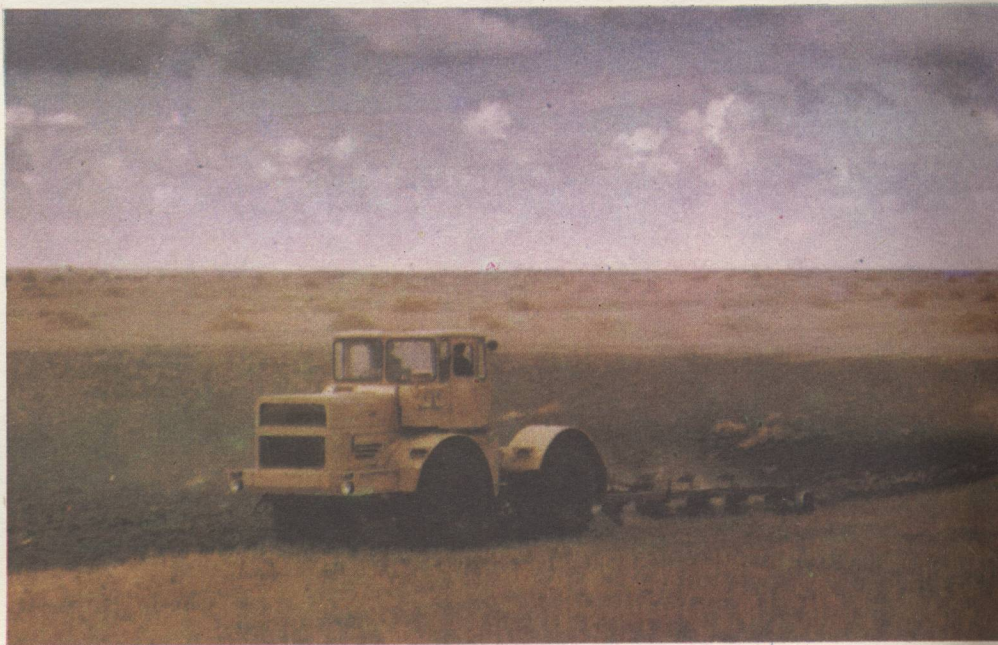
Только один день жизни нашей Родины — это километры свежепроложенных железных дорог, новые корабли, новые тракторы... Мы уплотняем время, чтобы скорее приблизить бу-дущее.

На знаменитом объединении Кировский за-вод в Ленинграде еще работают люди, кото-

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1976

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1976 г.

рые собирали первые советские тракторы — маленькие, слабосильные «Фордзоны-Путиловцы». А теперь посмотрите на эти фотографии — какой шаг сделала наша промышленность, какие великолепные машины мы создаем! Не случайно многие работники Кировского завода награждены высокими правительственными наградами. С большой трудовой победой — созданием степного богатыря трактора К-701 их поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Сейчас наша страна готовится к большому событию — вскоре начнет свою работу XXV съезд КПСС. Он поставит новые задачи перед партией и всем нашим народом.

ЛЮБИТЬ ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ

**СЕГОДНЯ У НАС В ГОСТЯХ
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА ТОКАРЬ ЗАВОДА
СТРОИТЕЛЬНЫХ МАШИН
ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ МОРЯКОВ**

— Евгений Николаевич, ребята, мечтая о том, кем они станут, когда вырастут, перечисляют разные профессии, в том числе и профессию токаря. А как Вы стали токарем?

— К труду я приучился рано. Во время войны мы, мальчишки, переправляли в лодках людей через Волгу.

В заволжском поселке, где прошло мое детство, была заводская доска почета. Мы с волнением смотрели на портреты наших родителей, знакомых, соседей и очень ими гордились.

Я тоже был романтиком и мечтателем, когда дядя привел меня на Выборгский завод «Электроинструмент». Было мне тогда чуть больше четырнадцати. Начальник отдела кадров подышал на печать и, приложив ее к моему заводскому документу, сказал: «Ну, вот и все, моряк! Поздравляю, теперь ты почти рабочий!» И стал я токарем.

— «Талант», «творчество»... обычно эти слова стоят рядом с такими, как «актер», «писатель», «конструктор»...

— Профессия токаря тоже требует таланта, так же как и профессия актера. Но профессия актера имеет много поклонников, а наша, токарная, и при таланте имеет поклонников меньше. Я думаю, что это временное явление. Без токаря, без фрезеровщика, без сталевара невозможны ни полеты в космос, ни открытия в области техники.

В нашем механическом цехе на видном месте висит плакат, на котором большими буквами написаны слова Горького: «Надо любить то, что ты делаешь, тогда труд, даже самый грубый, возвышается до творчества». Я перечитываю эти мудрые строки и непроизвольно поворачиваюсь в сторону фрезерного участка, где работает мой товарищ Петр Павлович. Веревкин. Не о нем ли эти слова? Разработанный им способ обработки ножей к машинам для резки высокопрочных арматурных сталей получил широкое распространение. Среди фрезеровщиков появилось даже выражение «веревкинская технология».

На международной выставке, проходившей за рубежом, инженер нашего завода Роберт Карлович Путрайм давал пояснения к советским экспонатам. Один из иностранных предпринимателей, прочитав информационный проспект о пневмопробойнике, который прокладывает в земле кабели, сказал: «Не может быть, чтобы все, что здесь написано, — правда! Невозможно заставить «механического крота» проложить канал внутри насыпи и выйти точно в определенное место. Он все равно где-нибудь наткнется на препятствие и отклонится от курса».

Роберт очень волновался, когда устанавливал в траншее «крота» — ведь большого опыта обращения с машиной у него не было. Каково же было изумление всех присутствующих, когда рукотворный землекоп пробуравил несколько десятков метров и вышел в нескольких сантиметрах от центра круга, который нарисовал тот самый скептик!

Аппарат угодил в самое «яблочко»!

А вот еще пример. Во Франции у одного из фермеров заболел сын.

Врачам удалось его спасти только благодаря тому, что им доставили советский аппарат для сшивания сосудов, который в это время демонстрировался в советском разделе выставки.

И пневмопробойник, и медицинский аппарат были созданы руками советских рабочих. Сделаны они были талантливо.

— Часто ребята говорят: «Зачем токарю образование! Придешь на завод — там и научишься», Евгений Николаевич, что вы думаете об этом?

— Достаточно посмотреть справочник токаря, чтобы убедиться, что неграмотному человеку на токарном станке теперь работать невозможно. В крайнем случае будешь «вкалывать» на таком оборудовании, где делают самую простенькую работу. Сейчас на предприятиях огромное количество очень сложных станков.

И все же, когда я выступаю перед школьниками, никогда не рассказываю им, что придет такое время, когда у токарного станка ты будешь стоять и держать руки в карманах, а все остальное за тебя будут делать механизмы. Я думаю, что это время еще наступит не скоро. Говоря ребятам о своей профессии, я говорю о трудностях. Не хочу обманывать. Рабочий — нелегкая профессия. Да и не бывает легких профессий. Когда стоишь за станком, руки обжигает стружка и рубашка брызгает потная. Но там, где трудно, там ведь интересно! Недаром знаменитый московский рабочий Ермилов назвал свою книгу «Счастье трудных дорог». А мы, взрослые, хотим, чтобы наши дети были счастливы. Дороги к счастью идут через работу.

Больше десяти лет на нашем заводе существует школьный участок, на котором учащиеся трех школ овладевают основами рабочих знаний. Это не

игра в работу, а все по-настоящему, все взаправдашнее: у ребят есть план, доска почета, оплата труда. Школьники выпускают очень нужные детали, из которых собирают строительные машины. И мы заметили: ребята, затеяв на своих комсомольских собраниях обсуждение чего-либо, перенимают нашу, рабочую, требовательность к себе и к товарищам. И при этом чувствуют и коллективную ответственность, привыкают к самостоятельности, к уважению друг друга.

Вот что значит — рабочий коллектив!

— Наша страна вступила в новую, десятую пятилетку, которая будет пятилеткой качества. Какое значение придается качеству в рабочем коллективе?

— Уважающий себя рабочий человек может трудиться прекрасно, может хорошо, но для него совершенно неприемлема плохая работа.

Настоящий советский рабочий понимает: он не просто токарь, слесарь или фрезеровщик — он строитель. Строитель новой жизни, нового, коммунистического общества. Быть передовиком пятилетки — значит быть ударником строительства коммунизма. Заботы десятой пятилетки во многом лягут на плечи молодого поколения. Каким будет будущее, зависит и от каждого из ребят, которые еще учатся. Их выбор жизненного пути тоже будет решать судьбу пятилетки.

Но, пожалуйста, не подумайте, что я хочу, чтобы многие сегодняшние школьники обязательно стали токарями. Я знаю: большинство мечтает о космосе. Только будут ли они все космонавтами? Нет. Нам пока еще не надо столько космонавтов. Пятилетке нужны инженеры и врачи, ученые и художники. А в первую очередь Пятилетке нужны рабочие. И это главное! И токарь Евгений Николаевич Моряков добавит к этому может только одно: токарь — счастливая профессия!

ПОРТФЕЛЬ

ПОВЕСТЬ
Иван САБИЛО

ДЛЯ НАСТЕНЬКИ

Рисунки А. Слепкина

Бабушка

Я иду по улице. За мной — моя бабушка. Я спрашиваю:

— Бабушка, ты не потерялась?

— Нет.

— Ну и хорошо, — говорю я и иду дальше.

Странно, мне тринадцать лет, а бабушке шестьдесят пять. Она старше меня ровно в пять раз. А город, в котором она прожила всю жизнь, я знаю лучше... Неужели и я когда-нибудь таким буду? Нет, я всегда буду таким, как сейчас.

У меня плохое настроение. Сегодня целым классом ушли с немецкого. Впереди неприятности. Может, даже педсовет вместе с родителями. Сказать об этом бабушке или нет?

Подходим к перекрестку.

— Бабушка, тебе помочь?

— Нет, сама перейду. Не старая.

Слева машина. Далеко еще. Пока подъедет, можно два раза — туда и обратно — перейти дорогу.

Я пошел. А бабушка ждет, пока машина проедет. И другая проехала. Бабушка стоит.

«И хватает же терпения. С ее выдержкой можно шпионкой работать. Даже самый проныцательный контрразведчик ничего не заподозрит».

Третья машина подъехала с другой стороны и остановилась. Красный свет.

Бабушка переходит дорогу. А я смотрю на нее и думаю: «Мне тринадцать лет, а бабушке в пять раз больше. Нужно меня, Кешу и еще троих из нашего класса соединить вместе, что-

бы получилась она. А дорогу я перехожу быстрее и не боюсь машины. Да и что бояться? Машина же не слепое чудовище. В ней же человек сидит, шофер.

Идем к магазину. Оборачиваюсь — бабушки нет. Смотрю, она и вместе с нею какая-то женщина помогают встать мужчине. Его я видел раньше. Думал, пьяный.

— Бабушка, — говорю, — магазин закроют.

— Постой, — говорит она. И спрашивает у мужчины: — Сердце?.. Может, «скорую» вызвать?

— Нет, нет, спасибо. Я уж теперь дойду. Я тут, рядом.

И он пошел. И бабушка с ним. Держит под руку.

Я постоял, постоял, и тоже за ними. Взял мужчину под другую руку...

— Бабушка, магазин закрыли. Мы опоздали.

— Что ж, магазин откроют завтра опять. Завтра ходим.

Мы поворачиваем назад.

Странно, мне тринадцать лет, а бабушке скоро семьдесят. Я знаю в сто раз больше нее. Я бегаю шестьдесят метров за восемь и одну десятую, могу целый час плыть не отдыхая, могу решить любую задачу, рассчитанную на восьмиклассника... И почему я должен ей подчиняться? Но особенно трудно понять, что это она отвечает за меня, а не я за нее.

И вообще, что у нее есть? Одна скука, если не считать, что у нее есть дочь — моя мама. И зять — мой папа. И я, Вовка — семиклассник. И мои две сестры — Оленька и Наташка. А дела? В магазин ходит, в садик сестер отведет, в квартире уберет. Вот жизнь! Даже негде споткнуться. А тут, что ни день — одни неприятности.

Правда, когда бабушка ходит по улице, с нею здороваются люди. И она всем отвечает: «Здравствуйте!», «Добрый день». И у каждого что-нибудь спросит: «Как здоровье?», например, или: «Как дочка учится?», или: «Квартиру дали?» — «Дали». — «Ну и живите с миром».

Такой уж она любопытный человек. Все ей надо знать, чтобы как раз вовремя сказать такое слово, от которого собеседник улыбнется и скажет «спасибо»... И вот ведь ни капли не боюсь ее — ну что она мне сделает? А рассказать не могу. И не знаю почему.

Мы идем дальше. Внук и бабушка. Бабушка старая, и у нее нет никаких тайн, не то что у меня. Она идет медленно, еле-еле. И не будь ее, я бы сейчас галопом промчался по этой улице. Но она рядом, и я спрашиваю, чтобы не скучать:

— Бабушка, ты не потерялась?

— Нет.

Поворачиваюсь и хочу взять ее под руку. Но не тут-то было, не соглашается.

— Иди, иди, — говорит, — я не потеряюсь. Тебе стыдно ходить со мной по городу?

— Что ты?! Дай я возьму тебя под руку. Пусть те, у кого бабушек нет, завидуют.

А бабушка сама берет меня под руку. И мне прямо до смерти хочется рассказать, что сегодня мы всем классом мотали немецкий. Но я молчу. Я боюсь. И понимаю, что сразу после моего рассказа у бабушки испортится настроение.

Бабушка смотрит далеко вперед и спрашивает:

— Вова, а ты хочешь в старости быть таким, как твоя бабушка?

— Хочу.

И чувствую, сказал это вяло, неубедительно.

— Конечно, хочу! Я и буду таким, как ты.

— Ну, тогда не потеряешься, — говорит бабушка и смотрит на меня, хитровато склонив голову. Будто что-то знает.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Так себе, — говорит. — Жду, когда расскажешь, отчего в душу твою мороз вошел?

«Вечно она со своей пронизательностью. Вот хотел же рассказать, так нет, не дала. Никакой чуткости. Старая и все».

Дома

На столе, рядом с голубым конвертом, я увидел письмо.

«Бабушка и внук, — было написано рукой мамы, — сегодня мы уже купили билеты. Со скучилились по вас так, что сил нет. Только и делаем что задаем друг другу вопросы: «Как они там? Что с ними?..» Оленька и Наташка забыли все обиды. Называют тебя «хороший», «ласковый», «братик». Торопят нас домой. Так что ждите, скоро будем с вами... Вот пишу вам это и чуть не плачу — так соскучилась.

Мама».

Дальше папа:

«Учти, Владимир, приеду уже совсем скоро. Готовь дневник. И не вздумай «выводить» двойки: обнаружу. А дальше — сам знаешь... Мама, вы за ним проследите. Целую.

Отец».

Вот так родной папочка. Мама так хорошо написала: «хороший, ласковый, братик». А тут — «учти... дневник... проследите...». Когда я вырасту и у меня будет сын, я с ним никогда не буду разговаривать грубо.

Вот бы нам поменяться с тобой, хотя бы на недельку или на месяц.

Ты пришел из школы, и в твоем дневнике кишат двойки. Я беру дневник, листаю страницы и, видя эти самые кишашие двойки, не обращаю на них никакого внимания.

После этого мы оба смеемся, а у тебя, у моего сына, по щекам слезы текут, слезы любви и радости.

Или другой вариант: ты в школьном буфете расколотил стекло. Боролся, не заметил, толкнул и — вдребезги. Приходишь домой, долго не решаешься сказать об этом — а потом рас-

сказываешь и смотришь на меня — «что делать?» А я глажу тебя по голове и говорю:

«Молодец, что признался. Только так поступают смелые, а главное, честные люди. Вот деньги, отнеси в школу и заплати за разбитое стекло. И в будущем будь осторожнее, потому что с каждой разбитой витриной наше государство становится беднее...»

И все! И не нужно вытаскивать из брюк ремень.

— Бабушка, а скоро они приедут?

— Дня через два. А то и раньше. Соскучился?

— Ага. Без девчонок скучно. Не пишит никто, не плачет. Тетрадки целые. Может, дневник мой порвали бы...

— Вот я и говорю, что не дом без них, а церковь.

Я уплетаю картофельные оладьи и поглядываю на бабушку. Чувствую, что сегодня не расскажу. Потому что ей и так грустно.

Наелся и лег. Несколько минут рассматри-

вал белые пупырышки на потолке и слушал, как бабушка мыла на кухне посуду и пела:

*На Варшавском перронном вокзале
Станционный смотритель прошел...*

Грустная песня. Я много раз слушал ее и всякий раз, когда бабушка ее пела, мне хотелось плакать. Вспоминались обиды. Какие-то большие грубые люди выстраивались в моем сознании толпой. Каждый шел на меня, пугал или пытался ударить. Будто все, что в мире было плохого, коснулось и меня. А песня продолжалась.

*...Офицер бросил Надю и тоже
Поспешил в пассажирский вагон...*

Большее всех было жалко девушку Надю. Она стояла на коленях перед офицером и просила не бросать ее.

Но офицер неумолим.

Обидно, когда слышишь о несправедливости, а помочь не можешь. Вот взять бы войти в бабушкину песню и вызвать этого белогвардейца на дуэль. Чтобы раз и навсегда отбить ему охоту издеваться... Или даже в историю, в любой век — куда хочешь!.. Мы бы им с Кешкой тогда показали и за Спартака, и за Жанну д'Арк, и за Коперника! Мы бы этим инквизиторам и прочим рабовладельцам!..

И тут в моей голове кто-то сказал слово «спать»...

Сочинение

Пишет весь класс. Кроме меня. Я смотрю в окно на облысевшие деревья, на мокрый блестящий асфальт, на облепленные глиной и грязью бока самосвалов и думаю о нашей учительнице русского языка Валентине Васильевне.

Раньше я никогда не сомневался в том, что она — самая лучшая учительница в мире. Но разве я мог предположить, что когда-нибудь она даст писать сочинение на тему: «Как я провел вчерашний день?». Не сочинение, а объяснительная записка, из которой всем станет ясно, как и почему класс ушел с урока немецкого языка. Ведь не все же догадаются об этом не писать. А найдутся и такие, кто специально только об этом и напишет. И самое главное — никто не виноват, таково задание. Не выполнил — получи двойку...

Интересно, это она сама придумала или директор подсказал?

Поворачиваюсь к Кеше. Он намахал уже полстраницы. Так увлекся, что даже язык высунул. Будто в данный момент, кроме сочинения, ничего другого для него не существует. То есть, конечно же, это так. И нужно совершенно не знать Кешу, чтобы не понимать, насколько это увлеченный человек.

Читаю:

«Как только проснулся, выглянул в окно

Вижу, идет шпион. Сигару курит. Э, думаю, меня не проведешь — это у тебя не сигара, а фотоаппарат. Сейчас я тебя словлю и — в милицию».

— Зачем ты врешь? — шепчу.

— Не приставай. Пишу, как утром шпиона поймал. И ты пиши. День большой, можно роман написать.

Смотрю на Таньку Ворохову. Одной рукой пишет, а другой, двумя пальчиками, себя за шею трогает. Она всегда делает так, когда думает. Интересно, что она пишет?

— Володя, почему ты не работаешь?

— Я, Валентина Васильевна, обдумываю, с чего начать.

— Начинать и учиться думать на бумаге.

И я начал:

«Вчера утром позавтракал и пошел в школу. До гастронома шел вместе с бабушкой. Она торопилась купить свежей сметаны, а я торопился, чтобы вовремя поспеть.

Четыре урока все было нормально. А потом договорились не пойти на немецкий. Ну, раз все, значит, и я. Только Саня Пяткин сморщился и говорит: «Я — против».

Кеша тогда и спрашивает: «Почему?»

Ну, он и ответил, что в техникум собирается. А для этого нужна характеристика.

— Все хотим поступать. Всем нужны, — сказала Танька Ворохова.

— Вот и не ходите, раз нужны...

Тут я не удержался и дал ему по шее. Рука сама как выскочит из кармана и — треск Пяткина по воротнику. Он и захныкал. Даже из класса выбежал. Я думал, к директору помчится. Такие не сами дают сдачи, а делают это чужими руками...

И вот тогда я не знал, за что его стукнул, а теперь знаю. И совсем не за то, что он отказывался мотать немецкий, а за то, что выгадывал. Мне всегда противно, когда я вижу, как Пяткины сознательно выбирают то, что для них выгодно.

Мы пошли в парк и стали играть в футбол. Все вместе — мальчишки и девчонки. Ворота были папки и портфели, и в наших воротах стояла Танька Ворохова. Это благодаря ей мы выиграли со счетом 2:0. Правда, малость недоиграли. И виноват Петька Пронин. Забыв, что в воротах всего лишь девчонка, резанул своим коронным правым. И подбил ей глаз. А все игроки его команды закричали: „Ура-а, 2:1“...»

— До звонка осталось двадцать минут, — это голос Валентины Васильевны.

«Может, еще успею?»

— Кеша, как дела? — шепотом.

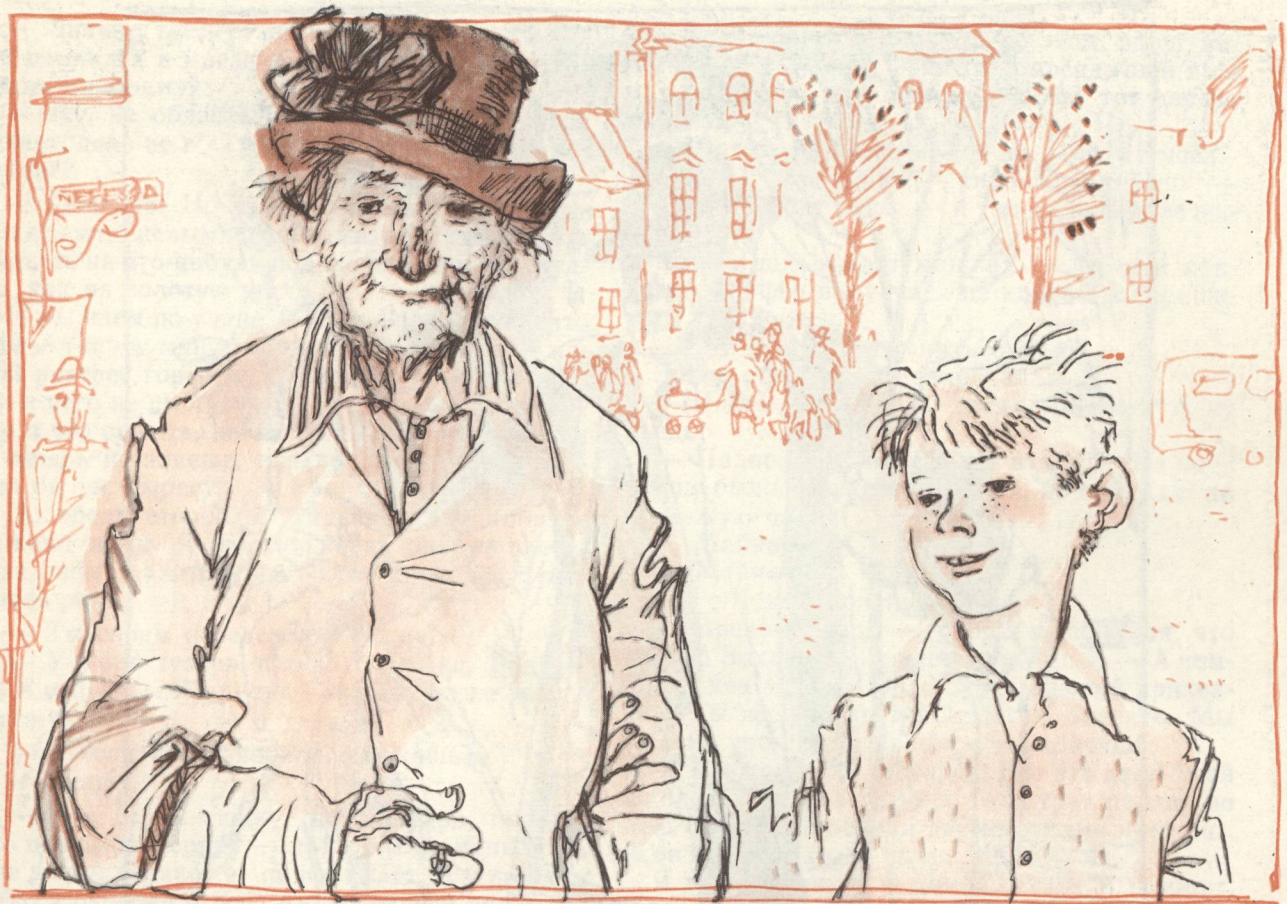
— Отлично! Сейчас поймаю шпиона и я — орденосец...

— Мальчишки, в чем там дело?

— Ничего, Валентина Васильевна. Это мы с Вовой делимся впечатлениями о работе.

— Никаких впечатлений. Написали — сдавайте.

Я взглянул на Таньку. И заметил, как она

поменялась со своей соседкой по парте тетрадями.

«Все ясно: сейчас Дубцова станет водить ручкой над Танькиным текстом — будто пишет, — а Танька исправит ей ошибки».

И стал писать дальше.

«Пока ребята разбирали ворота, я смотрел на Таньку. Она поднесла к носу платочек, несколько секунд держала. Потом отняла и смотрит на красное пятно. Но даже не разревелась...»

Тут в коридоре позвонили ручным звонком.

«Опять электрический не работает».

— Все. Сдавайте. Я ухожу. На чем остановились, на том и сдавайте...

По дороге из школы

Я иду по улице. Рядом со мной — Кеша. Он что-то вешает о Мюнхенском чемпионате и о том, что бразильцы не сказали там своего последнего слова и что они еще докажут миру.

Я слушаю, что он говорит; иногда соглашаюсь, иногда говорю свое. Но всякий раз, когда я что-нибудь говорю о спорте, понимаю, насколько слабы мои утверждения по сравнению с Кешиными. И, если сказать честно, то хоть с ним я иногда и спорю, но стоит кому-нибудь в школе или во дворе завести разговор о фут-

боле или о хоккее, я обязательно тут же вспоминаю Кешины слова. И говорю то, что говорил он. И вижу, как слушатели становятся внимательными и даже не пытаются спорить со мной, а только соглашаются.

Но стоит высказать мне какую-нибудь свою драгоценную мысль, и все начинают спорить, говорить, что я сужу примитивно, как ремесленник, и все такое. Будто чувствуют, что это я не Кешины слова говорю, а свои...

Теперь я плохо слушал Кешу. Во-первых, все о Мюнхенском чемпионате мы с ним обговорили раньше, во-вторых, футбольные дела совсем не то, о чем можно говорить каждый день, а в-третьих, я шел и думал о Таньке. Даже не столько о ней, сколько о ее фамилии. Мне нравится, когда хороший человек носит неудачную фамилию. Вот Танька, всегда такая аккуратная, а фамилия — Ворохова. А мой сосед по дому — метр с шапкой, а фамилия — Верзилов...

Мне хочется, чтобы у людей были простые и обязательно древние фамилии. Или вообще чтобы не было фамилий. И чтобы людей друг от друга отличали по характеру. Чтобы фамилию человеку давали не при рождении, а, например, в десятом классе вместе с аттестатом зрелости, когда проявится характер. Смешные бы тогда фамилии: Умнов, Недоспашкин, Лодырьман...

А Таньке присвоили бы какую-нибудь самую

красивую фамилию на свете. Например, Матросова. Или Космодемьянская. Или пусть остается Вороховой? А то как-то даже не представить — Танька — и не Ворохова...

— Ты про что в сочинении написал? — спросил Кеша.

— Все, как было.

— Ну и осел.

— Понимаю.

— Тогда зачем писал?

— Я написал правду.

— Ладно, есть идея. Давай на каждый наш дурацкий выкидон что-нибудь порядочное делать? Случится вывих — и тут же вылечили... Будто черную краску белой замазали. Годится?

— В жизни так не бывает, — сказал я. — Это тебе не двойка, которую ты можешь пятеркой закрыть. Да и то средний балл выводят.

— В жизни все стихийно. А тут мы сами, поня?

— Значит, треснул кого-нибудь по шее, и тут же помчался в магазин, купил сто грамм «Тузика» и дал ему?

— Ну, не обязательно «Тузик». И вообще, может, дело не в «Тузике», а в порядочном поступке?

— Понятно. Но ты не учишь, что неприятности целыми вагонами подкатывают, а напасть на что-нибудь порядочное так же трудно, как на золотую жилу.

И мы идем по улице. Оба молчим, потому что думаем в эту минуту об одном и том же. А какой интерес говорить о том, что известно обоим и чего не смогут решить ни тот, ни другой? Да и что решать, когда ты влип по самые уши и теперь не знаешь, как все обернется... Скорей бы уж вырасти.

По обоим сторонам улицы садовые рабочие сажают липы. Я люблю, когда пахнут цветущие липы. Кажется, что через город течет медовая река.

— Ты своим о педсовете скажешь?

— У меня теперь только бабушка. Родители в отпуске... Я думаю, Серафима уже позвонила ей.

— А если не позвонила, скажешь?

— Скажу.

— И я своим скажу. Для Захара, правда, это ножом по сердцу — не любит он меня в такие дни. А главное — не понимает. Я у него однажды спросил: «Как жить, если не понимать молодое поколение?» А он хмурится и говорит, что от моих неприятностей у него жизнь ломается, представляешь? У меня, говорит, ничего подобного в детстве не было, потому как еще совсем пацаном пришлось стать бойцом революции. Зато теперь, говорит, смотрю на тебя и радуюсь. Хоть и старый я, а смотрю на тебя и будто всякие твои радости беру и на место в свое детство вставляю. Туда, где они должны были быть и где их не было... Только тебе этого не понять, — говорит. — У тебя за плечами морем каша манная разливается... Вот я ему и скажу, у внука бойца революции — педсовет. Пусть идут вместе — твоя бабка и он.

— Моя бабка твоего деду не любит. Она говорит, что он — болтун. Говорит, что у нее после разговора с твоим дедкой через три минуты голова разламывается. Больше двух минут выдержать не может.

— Все правильно. Просто они разного характера и воспитания. Мой дедка — человек веселый, широкий, а твоя бабка — соня. Она даже по улице ходит и спит, я сколько раз видел. Человек она неплохой, но все-таки ей далеко-о до моего Захара.

Активный дед

Кеша мне это говорит, а я слушаю и думаю о том, что среди всех моих знакомых два человека самых интересных. Это Кеша и его дед

Захар. И только я подумал об этом, вдруг вижу Захара. Стоит с лопатой у посадочной ямы и командует крановщику, чтобы тот дерево опускал.

— Глянь, Кеша, твой дед на работу пошел.

— Он с ума сошел, — тихо сказал Кеша. — У него инфаркт будет — и так на валидоле живет.

К яме подъезжает машина — деревья привезла. Шофер высунулся из кабины и спрашивает у Захара:

— Эй, дед! Куда сымать будем?

Захар обернулся и закричал:

— Зачем на панель въехал. Зачем? А ну съеди!

— Ладно, дед, откуда ты взялся? Без тебя лучше было, — шофер смеется, но съезжает на проезжую часть.

— Майна?

— Майна!

Мы с Кешей пошли дальше.

— Вредный дед, — говорю я, понимая, что люблю Захара не меньше, чем Кеша. — А помнишь, как зимой он нас перед школой прихватил? Ты все сосульки предлагал обивать. Мы уже на урок опаздываем, а ты кричишь:

— Смотрите, во сосулька! Вот это да-а! Всей школе сосать хватило бы. — И трах палкой по ней. Сбил, еще поднял двумя руками и — в рот. А он выходит из-за угла...

Я потом прихожу домой, а дед и говорит, чтобы родители слышали:

— А ну-ка, покажи свой дневник, Иннокентий. Чтой-то я в него давненько не заглядывал. Может, за это время египтяне там пирамиду построили.

— Не, говорю, не построили. Совсем наоборот, разрушили.

— Эт-тоже любопытно, говорит, и руку тянет, мол, давай. Даю. А там — то же, что у тебя: «Ваш сын опоздал на урок физики. Примите меры». Отец ходит взад-вперед по комнате, молчит — это он так меня ругает. А Захар и говорит ему как бы между прочим:

— А что, позвольте спросить, ему не опаздывать?

Идут с Володькой сытые, одетые, и вижу — сосульки сбивают. Я им: «Мальчики, давно в школу пора». А они мне: «Не твое дело, дед. Ты уже свою школу закончил». Им в школу пора, а они сосульками увлекаются.

И давай пылить: распустились, говорит, бесстыдники, не та молодежь, что в наше время. Только кино им подавай и телевизор.

Настенька плачет

В разговорах мы подошли к дому, в котором живет Кеша. В парадной увидели маленькую девочку. Плачет.

— Кажется, подходящий момент, первоклашка плачет, — сказал Кеша. — Попробуем?

— Давай, — сказал я.
— Что с тобой, Настенька? — Он наклонился. — Ай-ай, нехорошо. Ты посмотри вокруг — никто не плачет, одна ты.
Я спросил:
— Ну, что ты, потеряла сто рублей?
Посмотрела на меня. Всхлипнув, проговорила:
— Мы с девочками пошли на Неву. А там были мальчишки. Они выхватили у меня портфель и стали бросать. Я только подбегу, а они перебрасывают другому. И уронили в воду. Я бежала по набережной, а он заплыл под мост и утонул.
— А ребята? — спросил Кеша.
— Разбежались...
Кеша повернулся ко мне и тихо сказал:
— Мать у нее... Лупит, как сидорову козу.
— Настенька, — сказал Кеша. — Мама на работе?.. А когда приходит?
— В полседьмого.
— А теперь половина третьего. Иди пока домой.
Она ничего не поняла. Смотрела заплаканными глазами.
Кеша взял ее за руку, и мы стали подниматься. На втором этаже он сказал:
— Из дома ни шагу. Какие у тебя книжки были? «Математика» была?
— Была. И «Родная речь». Ручка и четыре тетради.

— Все?
— И стерка чернильная.
Когда она закрыла дверь, Кеша спросил:
— У тебя деньги есть?
— Копеек тридцать.
— Давай.

Дома у Кешы была мама и соседка Варвара Андреевна. Увидев нас, Кешина мама спросила:

— Вы деда не видали?
— Видали, — сказал Кеша. — Иди заведи его, а то прямо на тротуаре у него сердце остановится.

Мы с Кешей вошли в его комнату. Кеша — к телефону. Пока набирал номер, я слышал, как его мама говорила соседке:

— Совсем наш Захар на ладан дышит. Надо в местное путевку ему попросить, может, в санаторий отправлю...

Стукнула дверь, и они ушли. А Кеша в это время:

— Витя? Привет! Деньги есть? Рубль? Неси сюда... тут объясню. И к Борьке зайти. Пусть и он тащит, сколько есть. А по дороге — к Таньке Вороховой. Понимаешь — беда... Так, есть один. Теперь другому.

Кеша положил трубку и тут же раздался звонок.

— Алло?..

Он быстро повернулся ко мне, закрыл микрофон и прошептал: «Серафима...»

— Да, это я. Не, нету. Скоро придет... Хорошо, Серафима Григорьевна, передам. А если ее не будет, то деду...

Он положил трубку и сказал:

— Проскочили полустанок, едем дальше.

— Кеша, пока ты будешь звонить, я домой сбегаю.

— К Воробьеву заскочи. По двадцать пончиков на день покупает...

Почему ж не дать

— Добро пожаловать, Вовочка, — сказала бабушка, открывая дверь и пропуская меня вперед. — Сегодня ты позднее обычного.

— Дай скорее чего-нибудь перекусить, из школы не звонили?

— А про что должны звонить?

— Всегда ты что-нибудь подозреваешь!

— Да что ты, милый? Я только хотела спросить, как дела в школе, как отметки, что нового?

«Из школы пока не звонили».

— Ничего дела, — сказал я. — Даже чуть пятерку не поставили. Ответь я на последний вопрос, и пятерка была бы обеспечена. А так «три»... Да, бабушка, у нас сегодня педсовет, вместе с родителями. Ты пойдешь?

— Что ж ты раньше-то молчал?

— Бабушка, мне нужны деньги.

— Мой руки и садись обедать.

Я вымыл руки и сел к столу с умным лицом. Обедать с умным лицом меня приучил папа.

Сам он всегда обедает с умным лицом. Он никогда за столом не меняет выражения лица. Даже если суп очень горячий, то все равно он сидит с умным лицом — ждет, когда остынет... Да и вообще, мой папа умный. Так говорят о нем все. Они говорят «умный специалист». А мне они говорят: «Вот хороший пример для тебя, постарайся, когда вырастешь, стать похожим на отца».

А я и без них знаю, что отец мой умный, но, по-моему, не очень интересный. То есть, может быть, там, среди взрослых, он и умный и интересный. Но что касается меня, так я считаю, что дед Захар куда интереснее.

Я сидел за столом и ел сырники с компотом. Бабушка что-то делала на кухне. И тут зазвонил телефон — будто сразу сто пчел ужалили меня.

Я вылетел в прихожую, но бабушка успела раньше.

— Дай, это мне! — закричал я. Но она уже сказала: «Да?»

Я медленно вернулся к столу, и у меня пропала охота есть.

— Ну, Вовочка, дружок, почему же ты вчера ушел с урока немецкого языка? — спросила бабушка. Она притворно улыбается и так же притворно щурит глаза. Будто ее только что обрадовали или поблагодарили за хорошее воспитание внука.

Она сложила руки на груди и смотрела на меня. Ждала, что я начну отпираться, говорить, что вообще это неправда, что учительница ошиблась. И что на самом деле я не уходил ни с какого урока, а просто учительница забыла, кто ушел, и назвала мою фамилию.

Но вместо этого дурацкого приема я встал и сказал:

— Бабушка, сначала перестань притворно улыбаться. Будто не я убежал с урока, а ты. И не волнуйся. Так получилось. Зато знаешь, как теперь обо всем думается! Я еще никогда так хорошо не думал... Вот сама посуди.

Бабушка слушала меня, и на лице ее была прежняя улыбка. Но я знал, что эта улыбка скоро исчезнет, а бабушка станет совсем другой — ворчливой, не моей, а чужой.

Когда разговор заходил о моем поведении, бабушка становилась неузнаваемой. Она много говорила, то и дело морщила и без того морщинистый лоб, а голос ее становился звонким, как у девчонки. Она старилась прямо на глазах. И мне в эти минуты совсем не хотелось шутить, я делался глупым и серьезным.

— А сегодня мы с Кешкой решили, что отныне все свои дурные проступки будем исправлять чем-нибудь хорошим. Логично?

— И что же вы делали, сбежав с урока? — спросила бабушка, пропустив мимо ушей наше с Кешкой начинание.

— Ничего не делали. Играли в парке в футбол.

— А нужно ли было из-за футбола убежать с урока? Для этого есть другое время.

Я прервал бабушку:

— А еще одной девочке подбили мячом нос. И вот тогда я и сам пожалел, что все это случилось.

Бабушка присела на краешек стула. Потрогала мои волосы, потянула легонько за ухо и стала говорить.

— Чего вам не хватает?.. Мы вас и кормим, и одеваем, и деньги даем, чтобы не хуже, чем у других людей. А вы с урока бегаєте, носы друг другу бьете. Да если бы мне на твое место, знаешь, как бы я училась!

— Так же, — буркнул я. Но мне стало жаль бабушку. Любую неприятность, случавшуюся со мной, она воспринимала, как ужасную трагедию. Все ей казалось, что я теперь окончательно пропал и уже никогда не смогу стать хорошим, а навсегда останусь только плохим и никчемным, как она говорила, человеком.

— Ладно, я больше не буду, — сказал я. — Обещаю. Ничего в этом страшного нет. Ну, ушли с урока, ну, больше не уйдем. Ну, подбили нос хорошей девочке, ну, больше не разобьем... Зато все сразу поняли, что она не просто хорошая вообще, а она... все время хорошая... Другая бы нюни распустила, пищать начала, а она — ни звука. Представляешь, какой пример?! Дай денег, мне уже надо идти, а то они там соберут без меня.

Бабушка медленно встала со стула. Достала из шкатулки старый кошелек и высыпала на ладонь деньги. Ее руки бережно удерживали мелочь, и вся она внимательно рассматривала монетки.

— И по сколько же вы собираете?

— Ой, да кто сколько даст, — сказал я. Но испугавшись, что бабушка даст мало, добавил: — Чем больше, тем лучше. Это ведь такое дело, добровольное. Можно и совсем не давать.

— Ну, почему же не дать, если есть, — сказала бабушка, словно уже кто-то обвинил том, что она не дала.

Положила на стол металлический ящик и двинула ко мне. Пересчитала в руки и положила рядом.

Я ждал, не торопясь, чтобы моя радость, чтобы даже, не знаю, чтобы что я не очень спешу.

— Вот еще двадцать сем...

— Можно было бы и...

Но и на том от всего нашего дела я уже шло спасибо. Приходишь к бабушке, — сказал я, — и открываешь дверь, побежал к бабушке.

«Ах, ну что у тебя за чудесная! Развешивай, бабушка? Конечно, развешивай ее. Она уже не кабан».

Я встал и вылетел.

Воробей, кошка и собака

Дверь открыла его сестра.

— Воробей дома?

— Дома. Кошку пугает. Надоели вы, как черти.

Я вошел в комнату. Воробьев сидел на полу. Рядом с ним — белая плюшевая собака. Напротив, в углу — испуганная серая кошка. От ошейника собаки к руке Воробья тянулся желтый шланг.

Воробей сжимал какую-то грушу на конце шланга, и плюшевая собака дергалась и двигалась вперед, к кошке.

Бедная кошка! Она отступила в самый угол, встала на задние лапы, а передние подняла так, словно хотела показать, что она вовсе никакая не кошка, а боксер самого высокого разряда.

— Животных мучаешь?

— Не зудит, — сказал Воробей. — Зачем пришел? — спросил он, продолжая пугать кошку.

— За деньгами.

— Что-о?

— Постой, Воробей. Не торопись рыть окопы и делать вид, что не дашь. Дело серьезное.. Ты Кешку знаешь?

— Кешку?

— Ну да.

— Тебя что, трактор по дороге задел?

— Погоди, Воробей... Ты Кешку знаешь или нет?

— Ну, знаю. Дальше?

— А Настеньку, соседку его, знаешь?

— Не хватало заботы. Девчонка. И вообще, что ты из меня жилы тянешь? Я тебе что-нибудь плохое сделал?

— Какие-то придурки бросили ее портфель в Неву.

— Портфели не тонут, — сказал Воробей. — Я свой старый специально хотел утопить, так он плавает, как дурак, крутится на одном месте, а тонуть не тонет.

— У выдающегося человека и вещи всегда выдающиеся. А вот у нее утонул. Кеша говорит, ее мать лупит за все так, что ужас. Ну, так что? Не дашь?

— Не дам.

— Ну и пошел ты... Без тебя обойдемся.

И я направился к двери.

— Ты это... постой, — сказал Воробей. — Уж и пошутить нельзя. Я ему в шутку, а он меня пнул и пошел...

Он полез в карман, достал полтинник и подал мне.

— Ты бы видел ее. Вся в слезах, даже платье мокрое, — сказал я, опуская полтинник в карман.

— Стой, вымогатель. Ну, держи еще один, — сказал Воробей и протянул еще один полтинник.

— Может, со мной пойдешь?

— Нет. Нужно отца дожидаться. Ты на педсовет идешь?

— Не пошел бы, да надо, — сказал я и открыл дверь.

Портфель

Я спустился на улицу и побежал специально мимо гастронома, чтобы посмотреть, там Захар или нет? Если там, попрошу и у него денег.

Но Захара на улице не было. Только крановщик копался в моторе — видно, не мог завести.

— Скажите, пожалуйста, вы тут дедушку Захара не видели?

— Захара Сергеича? Конечно! Вместе работали, — сказал крановщик и вытер о карман большой палец.

Я вернулся к Кешке. Позвонил. И снова открыла его мама.

— У вас что, классное собрание на дому? — спросила она.

А я подумал, что она уже все знает, и ляпнул:

— Нет, педсовет. В семь часов.

Кешина мама засмеялась. Я — мимо нее, и в Кешину комнату. А здесь уже человек пять. И Танька Ворохова! Я как увидел ее, даже растерялся.

— Ну, покажи, — сказал Кеша. — Принес?

Я выложил деньги на стол.

— Два двадцать семь!

— К Воробьеву заходил?

— Да. Полтинники его.

— Молодец Воробей! Итого, восемь сорок три. Хватит?

— Если не хватит, я добавлю, — сказала Танька. — Мама даст, я ей все объясню.

Мы вышли на лестницу. Спустились на второй этаж. Кеша позвонил еще раз. Никто не открыл. Мы побежали на улицу во двор. Настеньки и там не было. Искали повсюду: на улице, в соседних парадных, даже на угол бежали.

— Просили же, просили — не уходи, будь дома. Ну что за дура! Ушла и все, — быстро говорил Кеша и смотрел на Таньку.

— А она и не нужна, — будто оправдываясь, сказала Танька. — Купим без нее.

Мы всей кучей двинулись к магазину школьных принадлежностей. По дороге мне хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил о педсовете — нужно же было выработать программу, что говорить. Но как назло, говорили о чем угодно, только не об этом. А самому начать такой разговор я не решился. Во-первых, подумали бы, что я боюсь, а во-вторых, как-то стыдно выработать программу, когда ты неправ.

Посмотрел на Таньку. Она тронула нос платочком и спросила:

— Синяк, да?

Что я мог сказать? Конечно, синяк. И тут же сказал:

— Знаю одного пацана, так он каждое утро специально носом в стену бьет — вместо зарядки. Чтобы воспитать нос. Это он в боксеры себя готовит.

Танька сказала «глупо», улыбнулась и покачала головой. И еще сказала:

— Завтра мне в драмкружок, что я скажу?

— Скажи там, что будешь играть Бабу-Ягу, — предложил Кеша.

В магазине, куда мы пришли, не было школьных портфелей. Только желтые, и такие громадные, что и взрослому не унести.

Пришли в Гостинный двор. Здесь были разные портфели.

— Этот вроде похож. Кажется, такой у нее был, — сказал Кеша. — Берем?

— Берем!

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит такой портфель? — спросила Танька у продавца.

— Три семьдесят.

Мы забрали портфель и пошли в Дом книги. К нашей радости, там было все, что нужно. И «Родная речь», и «Математика», и тетради. Потом мы еще купили авторучку и несколько резинок — чернильных и карандашных.

— Теперь по домам, — сказала Танька. — А в семь... Ох, что-то будет, мальчишки, — она опять потрогала свой нос. — А знаете что? Давайте еще до педсовета извинимся перед немкой? Все-таки мы обидели ее, правда ведь? А?

— Можно.

— А по-моему, она этого не заслуживает, — сказал я.

— На месте решим, — сказал Кеша. — А вообще, тебе, как пострадавшей, ничего не будет. А вот нам с Вовой как высплут — будь здоров!

И хотя от Кешиных слов у меня защемило в груди, я спокойно так сказал:

— Посмотрим. Там тоже люди...

И что за народ

Дверь нам открыла Настенька. Мы даже растерялись. Это была вроде и прежняя Настенька, но совсем другая: радостная.

И Кеша, не понимая, чему она рада, голосом взрослого человека сказал:

— Вот тебе портфель, кроха. Не нужно плакать. Улыбайся и думай о том, что жизнь прекрасна. — Он с деловым видом раскрыл портфель, чтобы показать покупки.

— Ой, а у меня уже все есть, — сказала Настенька.

— Что у тебя есть?

— Все есть. Портфель, и книжки, и тетради.

— Так... — сказал Кеша. — Где взяла?

— ...Не велел он говорить.

— Вот те и раз, — сказал я.

— Я пообещала, что не скажу.

— Ладно, — сказал я. — Не говори. Но, может быть, ты покажешь нам свой портфель?

Настенька повела нас в комнату и показала черный портфель с белым замком.

— Три семьдесят? — спросил Кеша.

— Три семьдесят, — радостно повторила Настенька и погладила маленькой ладошкой черную шершавую кожу. — Ладно, скажу: мне его дед Захар купил. Я на улицу вышла, опять заплакала. А он подошел и повел меня покупать.

— Ну, дед! — сказал Кеша. — И здесь ушел.

Наши приехали

Дед Захар сидел на кухне и ел суп.

— Ну, как дела, дед? — таинственным голосом спросил Кеша. — Как погодка?

Захар отложил ложку, вытер бороду и кивнул.

— Все. Кончили. Двадцать два тополя.

— А у меня в школе неприятности, — вздохнул Кеша. — Сегодня педсовет, промотали немецкий. И, между прочим, твой внук виноват больше других — это он всех подговорил... Ты, случаем, не зайдешь? Раньше ты к этому терпимо относился.

— Я никогда к твоим выходкам терпимо не относился, — сказал Захар. — Я вот смотрю, что мне в свое детство из твоего и вставлять будет нечего.

— Конечно. И не будет. Если портфели раньше нас девочкам покупать. Ты скажи, как это получилось?

Захар хотел ответить, но вдруг закрыл глаза, и рука его медленно поднялась на грудь, где сердце.

— Деда, плохо тебе? Плохо?..

— Валидол, — прошептал Захар.

Кеша бросился в комнату, а я налил в чашку воды, поставил рядом, вскочил на подоконник, открыл форточку.

— Деда, выпей. Скорей!

Захар открыл глаза. Дрожащей рукой взял из коричневой бутылочки таблетку и сунул в рот. Подождав, тихо сказал:

— Ничего. Я еще на следующий год марафон «Пушкин — Ленинград» побегу...

Мы с Кешей вышли на лестницу.

— Боюсь я за деда, — сказал Кеша.

— И я боюсь, — сказал я, думая о Кешинем Захаре, о своей бабушке и о том, что мне тринадцать лет, а ей уже шестьдесят пять, и о том, что сегодня педсовет, и о том, что с каждым днем моя жизнь делается все сложнее.

На улице начинало темнеть, но, подойдя к своему дому, я увидел, как из такси выходят мои родители и сестры. Папа уже заметил меня и, улыбаясь, развел руки в стороны. И, чуть не заревев от радости, я бросился к нему на шею...

БАРАБА!

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ "КОСТРА"

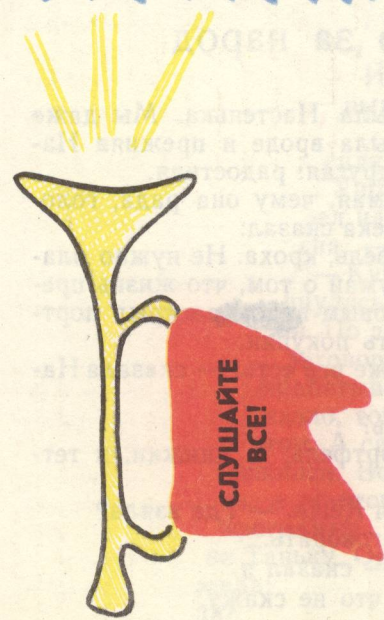
Оформление Г. Ковенчука

Начался новый год!
Поздравляем тебя,
дорогой читатель!
Пусть этот год
будет добрым для тебя,
твоих друзей, твоих родных!
Пусть успешно продолжится
самое важное дело
твоей школьной жизни —
путешествие в Страну знаний!

XXV

В каждом звене, отряде, дружине идет соревнование за право подписать рапорт Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина XXV съезду КПСС.

XXV

Самые активные пионеры, отличники учебы, организаторы интересных трудовых начинаний на Марше будут награждены значком Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации «ЗА АКТИВНУЮ РАБОТУ», занесены в Книгу почета Всесоюзной, республиканской, краевой, областной пионерской организации, станут делегатами VII Всесоюзного слета пионеров нашей страны, который намечено провести в Артеке в августе этого года.

ТБИЛИСИ ШКОЛА НОМЕР 37
МЫ РАПОРТУЕМ ТЕБЕ ЗОЯ
ПОД ТАКИМ НАЗВАНИЕМ ПРОШЕЛ СБОР
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЗОИ КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ СОЮЗА
ОТВАЖНОЙ ПАРТИЗАНКИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

МОСКВА ШКОЛА НОМЕР 398
ВСЕ ОТРЯДЫ И ЗВЕНЬЯ СОРЕВНУЮТСЯ ЗА ПРАВО
РАПОРТОВАТЬ О СВОЕЙ УЧЕБЕ И ТРУДОВЫХ ДЕЛАХ
XXV СЪЕЗДУ КПСС

САХАЛИН ОБЛАСТНАЯ ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
УЧАСТВУЯ В ОПЕРАЦИИ МИЛЛИОН—РОДИНЕ ПИОНЕРЫ
СОБРАЛИ СТОЛЬКО МАКУЛАТУРЫ ЧТО ХВАТИТ ДЛЯ
ПРОИЗВОДСТВА 25 МИЛЛИОНОВ УЧЕНИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ

ЛЕНИНГРАД
ШКОЛА НОМЕР 297
СТРОИТЕЛЯМ БАМА
ВЫСЛАЛИ
ТРИ ПОСЫЛКИ
С КНИГАМИ

ФОТОКОНКУРС „БАРАБАНА“ В 1976 ГОДУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В нашем школьном КИДе работают ребята со второго по десятый класс. И всем здесь интересно! Мы участвуем в митингах солидарности, проводим экскурсии по нашему музею имени Эрнста Тельмана. Не раз участвовали в международных олимпиадах. Это позволяет нам лучше и лучше знакомиться с жизнью наших ровесников за рубежом.

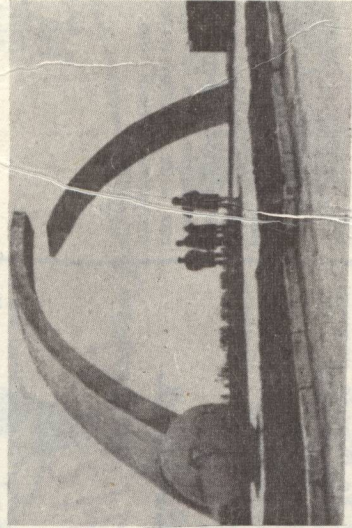
*Аня Казарина,
Ленинград, школа № 206*

Нашему отряду 7 «а» класса шестые вручили переходящее красное знамя. Это большая радость для нас: дружба будет еще крепче. Наш председатель совета отряда сказал: «Постараемся оправдать доверие и будем держать знамя как можно дольше!»

Мы часто бываем у шефов на фабрике, помогаем им чем можем, вместе участвуем в субботниках.

У нас в отряде есть фотоаппарат. Это наши шефы организовали фотокружок. В классе висит стенд «Мы и шефы», а на фабрике — «Мы и наши подшефные». Я сам видел!

*Сергей Крушина,
Мурманская обл.,
город Ковдор*

„РАЗОРВАННОЕ КОЛЬЦО“ (Памятник на берегу Ладоги)
Фото Игоря Зайцева,
Ленинград, Дом пионеров Ждановского района

ЮНЫЕ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТЫ! Самые важные темы пионерской жизни ждут вашего внимания: работа на Марше, охрана родной природы, жизнь нового дома или целого района в вашем поселке или городе, спортивные события, сдача норм ГТО твоими товарищами, экскурсия за город, поход дружбы в сельскую школу, забота о живом уголке, занятия в кружке юных техников — да разве перечислишь все темы!

Редакция готова оказать помощь каждому, кому нужен совет опытного фотокорреспондента.

Ждем ваших снимков!

Про наших взрослых

Новый этап Марша начался и для нашего пионерского отряда. Свой первый сбор мы посвятили встрече коммунистов трех поколений. Помогли нам провести сбор рабочие управления «Ленгаз». Они всегда помогают нам в важных делах. У нас с ними дружба давняя.

*Коля Гаврилов,
Ленинград, школа № 218*

Как брать пример с лучших людей, если на комсомольские стройки нас все равно не пускают? Каждый день у нас самый обычный. Школа, дела дома, в кружке занятия...

Спросил я об этом у отца — он ведь коммунист. Отец сначала удивился, потому что я раньше у него больше всего про спорт спрашивал. Отец сказал, что, по его мнению, настоящий коммунист — тот, кто для людей живет. „Понимаешь, — сказал он, — трудность, беда какая — он не бережет себя, идет туда, где труднее. Ну не обязательно, чтобы беда. Главное, что за чужие спины не прячется“.

*Коля Проскурин,
Свердловск, школа № 72*

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

Крепнет дружба пионеров СССР и Кубы.

По приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева гостили в Советском Союзе лучшие ученики гаванской школы-интерната имени Ленина.

В течение целого года юные кубинцы боролись за право поехать в СССР. И вот эта поездка состоялась.

Кубинцы побывали в Москве, Одессе, Ворошиловграде, Ленинграде и Всероссийском лагере «Орленок».

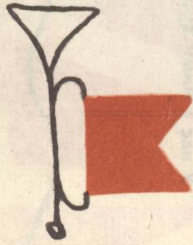
Нью-вис Пику:

— Я давно мечтала увидеть родину великого Ленина, чье имя носит наша школа. Мечта сбылась. Эти дни я запомню навсегда.

Мануэль Агилейра:

— В СССР я второй раз. Меня здесь много друзей. Стныло их еще больше!

«Барабан» ждет писем от ребят, которые успели пообщаться с кубинскими пионерками!

ТВОЙ

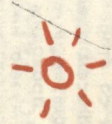
ЗАРУБЕЖНЫЙ

РОВЕСНИК

Участники детского международного фестиваля в Артеке обратились ко всем пионерам социалистических стран с призывом вести интернациональную работу под девизом «Берем с коммунистов пример!».

В Обращении говорится:

«Будем учиться у коммунистов трудолюбию, стремлению постоянно овладевать знаниями, честности, благородству, мужеству, коллективизму, товариществу. Жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, выдающихся деятелей коммунистических и рабочих партий всегда будут для нас путеводным маяком».

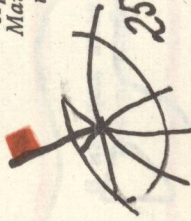

Как исправить ошибку?

Мне однажды удалось услышать, как двое мальчиков собираются убежать из дому. Они собирались «сорваться» куда-нибудь на комсомольскую стройку или на Северный полюс. Они накопили денег 25 руб. 21 коп.

Я все рассказала учительнице. А она высмеяла их перед всем классом. А теперь они меня презирают! Что мне делать?

*Ира Носова,
Магнитогорск,
школа № 5*

25 руб 21к.

В МОЕЙ ШКОЛЕ

Когда я иду в школу, мне очень весело. Мне очень нравятся учителя: по истории Надежда Георгиевна и по математике Надежда Ивановна. Когда Надежда Георгиевна рассказывает, то кажется, что она рассказывает сказку, даже непослушные мальчишки и те слушаются. Мы все уважаем и любим ее. Еще у нас есть классный руководитель Таисия Васильевна. Она пожилая, но кажется, что она совсем не старая. Она никогда на нас не кричит. Если кто-нибудь ее не слушается, то она так посмотрит на непослушного, что тому стыдно становится и он готов провалиться сквозь землю. Она рабо-

**Спасибо тебе,
БАРАБАН!**

Мы тебе жаловались, что в классе просто вражда какая-то идет между мальчишками и девчонками. А когда твой ответ получили, задумались: мы жаль-

*Лена Е.,
Кемеровская обл.,
город Мыски*

луемся, а что сами сделали, чтобы «холодная война» прекратилась? Сам-то мы не постарались что-нибудь предпринять.

А сейчас у нас отношения налаживаются! Может быть, мы стали друг другу доверять, а скорее всего потому, что мы (как ты советовал) затеяли интересные дела. Вместе сходили в поход, съездили за цветами. Дружно собирали металлолом, вместе работали на пришкольном участке.

И сейчас у нас в классе хорошая обстановка.

А в твоём отряде есть «конкурс бережливых»? Ты участвуешь в операции «Книги, книги»!

А НУБЛЮ КНИГИ

Я очень люблю книги. Буду их читать в нашей сельской библиотеке. Наша библиотека большая и красивая. Здесь не только много книг. На всех окнах цветы. Они украшают нашу библиотеку. Я всегда помогаю нашему библиотекарю Надежде Александровне: подклеиваю книги, расставляю их по полкам, помогаю октябрь там выбрать интересную книжку. Мне разрешают записывать книги в формуляр, когда бывает очень много читателей.

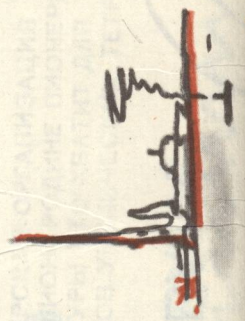
И дома у меня есть библиотечка. «Приключения Тома Сойера» М. Таена — моя любимая повесть.

*Галия Позднякова,
Брянская обл.,
село Пеклино*

ло, хохоча, пошла рядом с Тамарой.

Здесь же, недалеко от меня на толстом льду собралось много людей. Дети катались на коньках, а на берегу стояли родители. У промруби столпились много народа, чтобы посмотреть на закаленных «моржей». Они были только в трусах, и от красной кожи на морозе струился легкий пар.

*Алла Попова,
Ленинград,
школа № 55*

тает в школе с тех пор, как была молода. Ее бывшие ученики часто приходят, чтоб увидеть любимую учительницу...

*Люда Евдокимова,
Якутск*

**Насавица
НЕВА**

Однажды в воскресенье мы с сестрой пошли гулять. Мы так заговорились, что даже не заметили, как оказались у Невы.

Нева была еще не вся покрыта льдом, а в некоторых местах был еще тонкий лёд.

Сначала я говорила, а потом стала поздравлять от радости и страха, когда стала прыгать по льдинам. На одной скользкой льдине я поскользнулась, но быстро вскочила, отряхнулась и, весе-

Тяня говорит: «Мама, открой боржомину!»

Прислала
Натasha Тянько
из Красноярского края

Петя говорит Саше: «У нашей сосны шишенята выросли».

Прислал
Слава Иванов
из Челябинска

КТО СЕБЕ ДАТЪ?

Аркаша зашел в класс и кинулся к своей парте. Вокруг шумели ребята, визжали девчонки, но все внимание Аркаши было приковано к парте.
«Ну да! Так и есть! — подумал он. — Опять что-то написано».

Вот уже пятый день Аркаша на своей парте видит надписи и рисунки.
Он принялся читать новую надпись. На углу парты мелкими буквами было написано: «Кто здесь сидит?»

Аркаша усмехнулся, а про себя подумал: «Грамотей!» и вынул перочинный ножик. Нож был блестящий, со множеством приспособлений. Его только неделю назад подарил Аркаше папа. Исправив ошибки, Аркаша задумался. Затем снова достал нож и уверенно, крупными буквами вырезал: «Как не стыдно писать на парте!»

Тяня Павленко,
Харьков,
школа № 12

Палочки, какой-то ты неусидчивый!
— Как это неусидчивый? Второй год в этом классе сижу!

УРОК ЖЕВАНИЯ

Иванов плаваться любит, только этим и живет, вырвет лист из книги школьной и жует, жует, жует...

Остальные все ребята от него не отстают — с громким треском и жуют, жуют, жуют...

— Иванов, какие бывают ветры, назови!
Иванову подсказывают: «бр... бр...», но о бризах он никогда не слышал, а потому кричит: «Брянские!»

Толя Борисов
из Горьковской области

КАК ХОДИТ СОБАКА

На уроке зоологии Петя сказал: «Собака ходит на четырех костях».

Таня Рычажкова
из села Казанцево

НОВОСТИ ГРАММАТИКИ

Одна девочка отвечала на уроке так: «Имя существительное — это предмет, сделанный из стекла, дерева, кирпича и других строительных материалов. Например, стакан, стол, дом...»

Д. Верютина
из Курска

— Витя, назови сложносочиненное слово.
— Кот.
— А полнотью?
— Кошка.

Саша Паневина
из Белокурихи
Алтайского края

КНИТО НОШИ

Смук

в дверь. На пороге появляется хозяйка. Перед ней — белобрысая светлоглазая девочка.

— Я тебя слушаю.
— Вы как-то просили повесть. Я принесла.
— Неужели? — радуется хозяйка. — Вот спасибо.
— Достала. И еще могу предложить.

Девочка раскладывает стопку книг.

— Беру вот эту и эту...
— Спасибо.

— Тебе спасибо, девочка. Мне некогда в магазин сбегать. Поступят новые книги — принеси.

— Обязательно, — отвечает девочка и спешит дальше. Ей предстоит обойти еще несколько домов.

Июстина Ропот
Молдавская ССР,
село Пепены

ТВОЙ СОВРЕМЕНИК

ТРИ ДЕТАЛИ

Б. Вахрамеев

Оформление
Н. Андреева

Фото Ю. Щенникова

В Ленинградском университете шли приемные экзамены. Каждый жил своим волнением.

Волновался и Сережа Агапов, когда оставлял документы в комнате с непомерно высокими древними шкафами, когда делал торопливые записи на консультациях. В общем-то как раз он мог чувствовать себя спокойнее. Он учился всегда без натуги. К вступительным экзаменам готовился без лихорадки, испытывая скорее интерес, чем страх.

Но за день до первого экзамена Сергей забрал документы из комнаты с высокими шкафами и отправился с ними на завод.

Что же случилось? Сергей поступал вместе со своим школьным другом. Они реши-

ли: или поступим оба, или — ни один.

Друг недобрал несколько баллов. Но Сергею ничего не сказал: зачем портить жизнь человека из-за своей неудачи? Агапов сам посмотрел списки принятых и не нашел там знакомой фамилии. А потом забрал свои документы и поехал на завод.

С тех пор прошло пять лет. Агапов стал знаменитым человеком. Он — лауреат премии Ленинского комсомола. Получал ее в один день с Александрой Пахмутовой. Пахмутова получала премию за песни, Сергей — «за выдающиеся достижения в области производства».

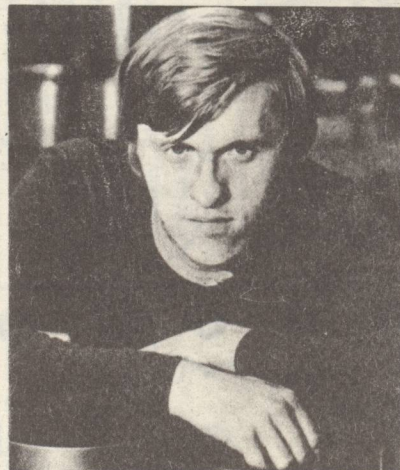
— Ну и чем ты отличился? — часто спрашивают школьные товарищи, знакомые. — Сложная работа? Кто-то другой не догадается, как подступиться?

Работа у Агапова такая, про которую иногда говорят: «Одуреть можно». Одинаковые технологические операции. Изо дня в день надо делать одно и то же. Массовое производство...

— И «массовка» кому-то нравится, — говорят на заводах. — Вот женщины любят вязать.

Сергей не из тех, чье призвание — беречь себя на спокойной, как тихий прибор, работе. Он пробует делать так, потом иначе. Что лучше?

Менял скорость работы станка. Мастерил приспособ-

Делегат XVII съезда ВЛКСМ
Сергей Агапов

ления. И вот — 80 деталей в смену.

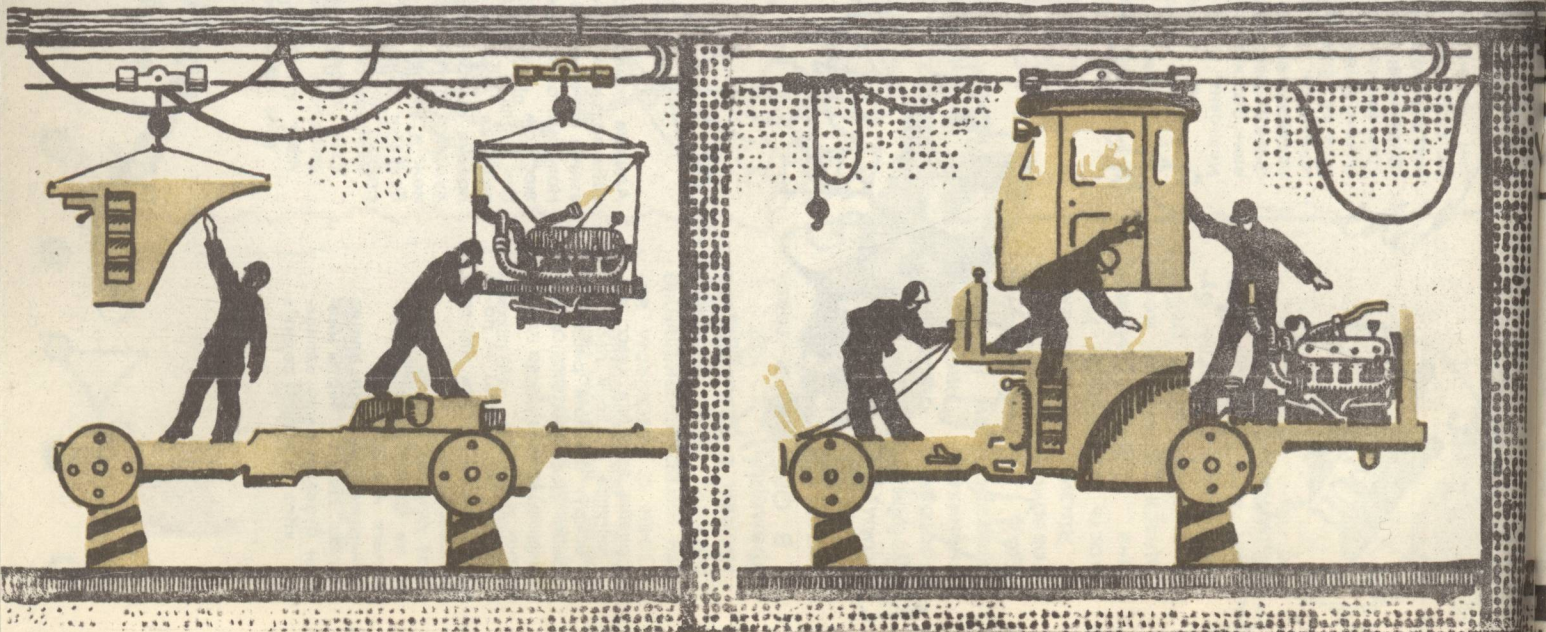
— Неплохо, — сказал мастер.

А потом Сергей догадался чуть наклонить резец. И однажды показал мастеру две сотни деталей.

Есть рационализация. Но, наверное, не она главное в его работе. Работу делают люди. И они — разные. Не смотри на них равнодушно, как на винтики-гаечки, и душа будет так полна, что никогда не покажется скучным цех.

Одни люди сразу понравились, от других дохнуло холодком, с третьими он решил бороться.

...Раннее утро. Хорошо в этот час на реке, в лесу. Но и в цехе не настоялся пока запах эмульсии. Чистые, прибранные станки готовы ожить.

Переговариваются свежие голоса. Помалкивает на участке только токарь — единственный станочник среди слесарей. Единственный и незаменимый.

— Вот кто нам пример подает! — говорит кто-то из молодых слесарей.

— А что? Не подаю?

— Подаешь. Мы вот все не налюбujemyся на твой пример. Красиво. Как цветок базарный.

— Непонятно намекаешь. Мастера может сюда призвать — для ясности?

— Не грози. Мастер тоже тебя знает!

Мастер знает все. Знает, что никто на участке не может стать за токарный станок, кроме одного человека. И мастер терпит, когда опытный станочник работает небрежно. А куда денешься?

Но вот токарь однажды не явился в цех, когда работы было очень много. Тогда к станку подошел Агапов. На какой-то момент главным для него было — не показаться смешным. Благородным Дон-Кихотом, неловко включающим суппорт. А ведь бывает, что плохо зажатая болванка срывается со станка. Или бывает, что удушливый запах потянется от сгоревших обмоток двигателя.

Так Агапов стал токарем, а его предшественник ушел с участка насовсем, как только убедился, что перестал быть незаменимым.

У Сергея лицо много ду-

мающего и строгого к себе человека. Но бывают минуты, когда оно преобразуется почти неправдоподобно: вдруг узнаешь мальчугана, который на уроке в школе может запустить бумажный самолетик.

Я спросил Сергея, пригласил ли бы он в рабочие какого-нибудь знакомого, кто сейчас учится в школе?

— Не каждого пригласил бы. Да и что значит «пригласить»? Я бы не пригласил, а рассказал, что такое завод. Это же очень непростая штука. Рабочую специальность иногда рекламируют, как конфету. «Полезно, питательно, сладко». А бывает очень не-сладко.

...Штамповка долго капризничала, потом, наконец, хлынула ее продукция на участок, где работает Сергей, как река из скальной теснины.

250 деталей для вентилятора обточил в тот день Сергей, и все как одна пошли в брак.

Агапову оплатили работу сполна. Виноват был другой, тот, что штамповал заготовки износившимся штампом. Но Сергей чувствовал себя как после пощечины. А на другой день опять стоял за станком и опять должен был отдать все, что мог. Что же, однако, отдавать, если на душе у тебя со-сухая пустота? И вот ожил в памяти рассказ знакомого шофера.

Осенняя степь. Дождь вперемешку со снегом. И горой — невывезенное зерно.

Дороги раскисли вконец. Буксует, стонет разбитый за уборочную страду грузовик. А «Кировец», с прицепами, груженными зерном, идет по хлябям и хоть бы чуть участились выхлопы богатырского двигателя. Эх, побольше бы таких машин!

Оскорбительным был для Сергея минувший день, и теперь в руках — вялость. Но чем виновато степное зерно и люди, которые его растят? Есть им дело до твоих обид? К концу смены Агапов обточил 253 детали. На три больше, чем вчера.

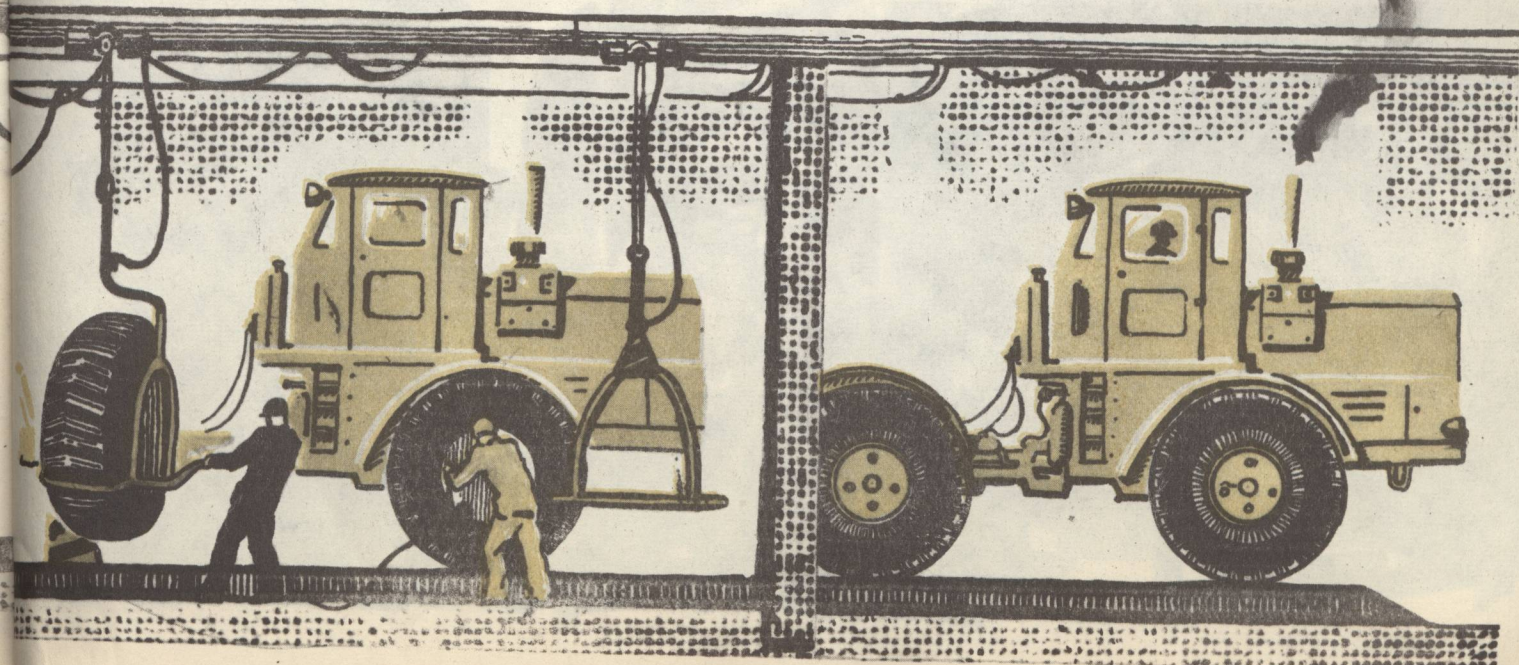
В конце рабочей недели Сергей идет в «Субботу». Руководитель этой молодежной театральной студии Ю. А. Смирнов-Несвицкий напомнил однажды, что на праздниках в старой русской деревне для артистов и зрителей была одна лавка.

— А по высшему счету для чего это у нас все — репетиции, споры, муки? — спросил у своих Смирнов-Несвицкий.

— Чтобы заколотилось сердце, даже если оно из льда! — прозвенел девичий голос. — Не смейтесь. Мы должны прокричать о своем сердце. Но так, чтобы резонировал зал.

Встал Сергей.

— Хорошо. Ты прокричишь. Растопишь этого, который всегда с холодным носом. У него забьется сердце. Но оно может забиться для себя. А надо — чтоб для людей.

ЖИЗНЬ КОМИССАРА

Герман ГОПPE

Рисунки А. Гетманского

Есть мудрость в том, что на строгих надгробьях Марсова поля начертаны только одни имена.

Ни должностей, ни званий, ни наград. Солдаты Революции, отдавшие жизнь за нее...

Все равно не вместить гранитным строкам высокие взлеты коротких жизней молодых-молодых командармов, комиссаров, чекистов.

Только имена. Остальное в наших сердцах, в нашей благодарной памяти.

Но вот надпись — Н. Григорьев. Что я знаю о нем?

Центр Марсова поля.

*Стою в окружении плит.
Здесь за каждой строкою*

*к поэме дорога стремится.
Почему же вот эта строка на граните*

молчит.

*В книге славных имен
мне одну не откроет страницу?*

*Смотрит прямо в глаза
и упреком темнеет строка.*

А над вечным покоем

огня беспокойная стая.

...Я узнаю, как жил,

как погиб ты,

Григорьев Никандр.

Я пройду твой жизнью,

я сердцем ее прочитаю.

В сентябре 1941 года у Пулковских высот перед самой последней и самой отчаянной попыткой фашистов ворваться в Ленинград, нам, безусым и необстрелянным, рассказывал комбат Григорьев о том, как на этих высотах остановила врага Красная гвардия Октября. Может быть, он говорил и о своем отце? Может быть, его отец и есть комиссар Н. Григорьев?

Но комбата не спросишь. Он остался на Пулковских. Смертельно раненный, умирал он спокойно. «Всё, всё...» — повторял он. Но это «всё» относилось не к нему, не к последним мгновениям его жизни — «...Всё — выдохлись фрицы!»

А каким был Никандр Григорьев?
Музей революции... Я смотрю в задумчивые
глаза.

Под фотографией надпись — «Один из пер-
вых комиссаров Красной Армии».

За стеклом раскрыты пожелтевшие страни-
цы фронтовой тетради. Мне разрешают при-
коснуться к ним.

В архиве разбираю полустершиеся строки
его рапортов, приказов, писем и... стихов. Ко-
миссар был поэтом. Одним из первых поэтов
Революции.

Я читаю письмо Никандра, письмо, написан-
ное стихами. Оно вырвалось из политической
тюрьмы к друзьям по борьбе.

Какое пронзительное ощущение грядущего
живет в этих строчках, пророческих строчках
из декабря 1916 года:

Уходит старый...

В Новый год

*глядим с надеждой мы —
он опрокинет царский гнет
и... скрипнет дверь тюрьмы!*

Вглядываясь в старые документы, не пере-
стаешь удивляться — как спрессовано время
его жизни, еще не комиссара Никандра Гри-
горьева, а просто мальчишки — Ники.

*Время глядит с фотографий,
А мне никогда не взглядеться
В лицо твое юное, Ника,
В лица друзей твоих.
Среди пожелтевших карточек
Где твои снимки из детства?
Не сберегли их годы,
А может, и не было их?
А документы помнят.
Лишь до поры молчаливы,
Они языком чеканным —
Захочешь — заговорят.
Атакой нахлынут годы,
В которые быстро росли мы,*

*Мальчишки Рабочей России,
Красных ее баррикад.
Здесь мужество аттестаты
Казацким нагайкам раздолбе.
Здесь мужество аттестаты
На зрелость рано дает.
А я, наполняя сердце
Давно отболевшей болью,
Вхожу в твою юность, Ника,
Вижу лицо твое.*

В четырнадцать лет Ника за типографским
станком.

В пятнадцать партия доверяет ему печатать
нелегальные листовки.

Семнадцатилетнему Никандру жандармский
офицер, сам того не ведая, дал высочайшую
оценку: «Неисправимый социалист!»

А вот вехи только двух последних лет его
жизни: октябрь 1917 — октябрь 1919.

Винтовка прислонилась к наборному станку.
В подпольной типографии Григорьев печатает
призыв партии: «К оружию!»

В ночь на 25 октября по приказу Ленина ра-
бочий патруль под командованием Никандра
стоит на охране Троицкого моста.

Лейб-гвардии Семеновский полк, тот самый,
что в 1905 году залил кровью московские бар-
рикады, может вновь ударить в спину Рево-
люции. Никандр во главе маленького отряда
печатников разоружает полк!

У новой власти очень много неотложных дел
и очень мало времени, чтобы справиться с ни-
ми. Революция требует от своих комиссаров
предельного напряжения сил. И комиссар Гри-
горьев в круговороте событий побеждает уста-
лость. Ночью и днем он нужен Смольному.

*Приказы, приказы, приказы
Тебе, Григорьев, приказы.
Страницы желты не от солнца —
Временем опалены.*

Приказывает Революция —
Сердце твое и разум.
Дни бесконечно долги
Октябрьской твоей Весны.
Как будто под гимнастеркой
Твоей — железные плечи,
Как будто стальные нервы
Ведут по дорогам крутым.
Днями захвачены ночи,
Об отдыхе нет и речи,
— И все-таки трудно представить:
Как успеваешь ты?

Задание следует одно за другим: обезвредить тайную офицерскую организацию, провести обыск в квартирах у подозрительных лиц, обеспечить силами дружины печатников охрану важных для революции объектов, разогнать контрреволюционную демонстрацию, пресечь попытки грабежа продовольственных складов.

...Подушка согреется.

Снова

Разбудит Никандра приказ:
— На митинг!

Крылатое слово —

Важнейшее дело сейчас...

— И как тебя, Ника, хватает? —

Не раз удивятся друзья.

А он улыбнется:

— Не знаю.

Но знаю —

иначе нельзя.

В руках врагов еще остается могущественное оружие — печать. Буржуазные газеты наполнены злобой и клеветой, призывают к контрреволюционному перевороту. Военно-революционный комитет обращается с призывом: «Это оружие из рук врагов можете выбить только вы, товарищи печатники, и к этому мы вас призываем».

Григорьев обследует многие типографии, конфискует антисоветские листовки, закрывает буржуазные газеты. Он, комиссар типографии, переданной в государственную собственность, создает Первый партизанский отряд печатников, сам, без помощи военных специалистов, организует обучение бойцов.

Стремительна дней вереница,
Как в ленте к патрону патрон.
Германцы под Красной столицей.
Григорьев ведет батальон.
Над первой Красной столицей
Тревожным сигналам кружить.
И надо к победе пробиться,
До первой победы дожить.
А нет еще Армии Конной,
Чапаев еще не комдив.
И Щорс не возглавил колонны.
Все это пока впереди.
А чтобы свершилось такое,
Историей стало для нас,
Сегодня —

«Оружие к бою!» —

По ротам Никандр передаст.

Раненный разрывной американской пулей в левое плечо, он не покидает строй. Убегает из госпиталя. Лечиться не время.

Петроград голодает. Посланец Военно-революционного комитета Н. Григорьев словом, а иногда маузером убеждает кулаков. И в красный Питер идут вагоны — тысячи пудов хлеба.

Снова Петроградский фронт. За несколько месяцев проходит путь от рядового бойца до комиссара 6 дивизии.

Юденич разглядывает в бинокль Петроград. Ему приготовлена белая лошадь для парадного въезда на Дворцовую площадь.

А в это время особый отряд Григорьева совершает героический рейд по вражеским тылам. Захватывает тяжелую батарею, наводит панику в белогвардейских частях.

Окрепшая под его руководством дивизия переходит в наступление.

Гордый рапорт о разгроме вражеских штабов, о бегстве отборных офицерских частей. Длинный перечень освобожденных населенных пунктов. Но комиссар есть комиссар: неизмеримо большую радость испытывает он, когда его большевистское слово возвращает Республике обманутых Юденичем солдат.

Силу комиссара хорошо знали царские генералы. Не победив его в открытом бою, искали они подлых убийц, предлагая за голову Григорьева 25 тысяч золотом.

За несколько часов до своей гибели он сказал ординарцу: «Сил у нас должно быть на десять жизней. Одна жизнь — это для Революции мало!».

Вчитываюсь в дневник его ординарца Саши Петрова, в записки его брата Федора Григорьева, в свидетельства его боевых друзей.

Я снова и снова задаю им вопросы: каким он был, как выглядел?

И они отвечают мне.

Внешне? Да обыкновенный он был. Поставь в строй — от других не отличишь.

Усы — так почти у всех они тогда были. Одевался как все мы.

А мы его и так узнавали, в обычной одежде. Где комиссар? А вон он — впереди.

Так что вроде ничего в нем такого и не было, и все же, наверное, что-то было, иначе откуда взялась легенда, что заговорен комиссар от белогвардейских пуль.

Многим казалось, что ему совсем не трудно первому вставать под любым огнем, а на самом деле ему было трудно, очень трудно идти, расправив плечи, впереди уставшей колонны, выхватывать маузер и бежать в атаку: каждый шаг, каждое, даже нерезкое, движение отдавало мучительной болью в простреленное плечо. Но никто, кроме ординарца, не знал об этом.

И вот свидетельство его боевых друзей... Одного из многих.

Комиссар был прирожденным оратором.

Он не только знал, он чувствовал силу слов, и они приходили к нему — единственно нужные

именно для данного момента — то задорные, веселые, от которых отступала спутница солдата — смерть; то возвышенные, крылатые, когда саму жизнь не жалко было отдать за красные зори победившей коммуны.

Но сейчас, может быть, впервые в жизни, комиссар искал и не находил нужных слов.

Что скажет он красноармейцам, отступающим несколько дней подряд по размытым дорогам, уставшим той смертельной усталостью, когда уже не слышат, не воспринимают гудящие над головой снаряды и даже близкие разрывы не заставляют пригнуться к земле?

Что скажет он им, когда короткий привал свалил их там, где был сделан последний шаг, и, кажется, нет таких сил, которые смогли бы поднять их с земли хотя бы для того, чтобы продолжать отступление.

А ему, комиссару, нужно не просто поднять их, нужно поднять... в наступление, нужно поведи по тем же самым дорогам, по которым они только что прошли, нужно объяснить, что настал тот самый последний момент, когда можно вырвать победу!

Комиссар стоит перед ними, всматривается в изможденные, почерневшие лица, слышит хриплое, прерывистое дыхание, видит сквозь рваные башмаки окровавленные ноги, видит и понимает, что даже трижды главное слово бес- сильно здесь.

Никандр молча смотрит в лица своих бойцов.

Кто-то впервые замечает, что их комиссар вовсе не заговорен от пуль. Разодранной гимнастерке не скрыть окровавленного бинта на левом плече.

Кто-то замечает, как почернело его лицо и слышит его хриплое, прерывистое дыхание.

Кто-то первым прочтает в его глазах слова, не произнесенные комиссаром...

Потом, когда белогвардейцы были смяты и отброшены внезапной атакой, бойцы дивизии, вновь и вновь переживая победу, будут говорить о своем комиссаре.

И многим покажется, что в тот страшный момент комиссар произнес речь.

А Никандр Григорьев будет думать о том, какая сила выросла в этих людях, какой верой зажжены их сердца, какое счастье, что оказались ненужными слова, что в каждом из них живет комиссар.

Я снова листаю старые документы.

Да, жизнь прочитана вся, и все-таки — не до конца.

История, даже самая добросовестная, не ходит по пятам за своими героями, не сохраняет каждую деталь, каждую подробность пути, отмечая скупым пунктиром то, что было живой, яркой линией жизни.

Приказы, донесения, письма, страницы из дневников — как отрывочны и сдержанны эти сообщения, но как точно отразилась в биографии одного человека биографии Революции.

Я листаю старые газеты. Я боюсь открыть номер, где будет сообщение, что комиссар Никандр Григорьев погиб на двадцать девятом году жизни 9 октября 1919 года.

Я знаю, что так оборвалась его жизнь, и не могу верить этому, потому что не умирает человек, если живо дело, которому он служил.

*Григорьев, Григорьев, Григорьев —
Звучит как начало песни
Обычная из обычных
Фамилия земляка.
Листы «Петроградской правды»,
Листы Всероссийских «Известий»
Гремят девятнадцатым годом,
Молчат о тебе пока.
И значит в дивизии энской
На фронте под Петроградом
Еще не погиб ты. Над картой
Склонился в глухой ночи.
Чадит на столе копилка,
И верный маузер рядом...
О гибели нет сообщения.
Сердце твое стучит.
Но только я знаю, я помню,
Где жизни твоей граница.
Она девятнадцатым годом
В камень впечатана твой.
Все тяжелей листаю
Гражданской войны страницы.
Все меньше страниц и все ближе
Твой самый последний бой.*

Ты встретил его так же, как и жил. Ты не раз говорил: «Тот не комиссар, для кого собственная жизнь дороже жизни своих бойцов». И ты утверждал это до последнего вздоха, до последнего патрона в своем маузере. Отражая неожиданное нападение белых, ты успел приказать ординарцу — отходи! Ты прикрыл его своими пулями, своей грудью.

ЗАМОРСКИЕ ВСТРЕЧИ

Игорь ЧЕРНЯК

Рисунки В. Топкова

В ЗМЕИНОМ ХРАМЕ

В малайзийском порту Пананг мы едем на экскурсию в знаменитый Змеиный храм.

В группе моряков, решившихся взглянуть на этот зага-

дочный храм, и наша буфетчица Катюша Чижова.

В Ленинграде Катя работала монтажницей на большом судостроительном заводе, но,

глядя на хрупкую фигурку и перевязанные тесемкой косички нашего «чжирика», так команда зовет буфетчицу, трудно представить ее высоко

над стапелем за сборкой многотонных частей корпуса океанского корабля.

Вот и сейчас, пока ожидаем такси, матросы дружелюбно подтрунивают над девушкой:

— Смотрите, ребята, и «чижик» едет! Ничего не боится! Питоны там знаешь какие?

Но вот мы за городом.

На каменных ступенях храма — ряды торговцев сувенирами и чудодейственными снадобьями, всевозможными амулетами из змеиных хвостов и зубов. За распахнутыми настежь дверями дурманящий дым фимиама плавает облачками под деревянными сводами. А кругом — на полу, столах и полках стоят какие-то полусохшие растения.

— А где же змеи? — разочарованно спрашивает Катюша.

— Здесь, мисс. В этом храме, — шепчет, словно закливание, старик малаец. И заученным движением экскурсовода снимает с ветки метровую гадюку. Только теперь мы замечаем, что все торчащие из горшков ветки и сучки обвиты змеями. Змеиные тела свисают с резных карнизов, стен, выступов храма.

— Они не опасны сейчас, — продолжает старик, — дым одурманивает их.

Малаец снимает одну за другой чуть шевелящихся змей. Затем бережно развешивает их по своим местам.

— Потрогайте шкурки священных змей, и вас оставят все болезни.

Мы легонько, кончиками пальцев прикасаемся к желто-зеленым сухим шкуркам.

— Сейчас здесь всего несколько десятков змей, но каждый раз в Новый год сотни змей приползают в храм и,

пробыв в нем два-три дня, вновь возвращаются в джунгли, — продолжает свой рассказ старик.

Прежде чем перейти в другой зал, он начинает грустно говорить о финансовых затруднениях храма, о том, что сейчас очень мало туристов. Молча, протягивая нам глиняную тарелку, рядом с ним стоит женщина с застывшим, будто маска, лицом.

— Уважаемые дамы и господа! Теперь мы переходим в самый интересный зал, — говорит служитель и ведет нас на открытую террасу, где на ветках небольших деревьев уютно устроились змеи с ярко-красными головами. — Здесь вы можете получить редкий снимок змеи, обвивающей ва-

шу шею! Не бойтесь, — подбадривает старик. — У них вырваны все зубы. Смелее!

Мы нерешительно переглядываемся. И вдруг Катюша делает шаг вперед. Старик удивленно посмотрел на нее и стал навешивать ей на плечи, на шею, на голову зеленых змей. То ли от человеческого тепла, то ли выполняя свои обычные обязанности, змеи начинают медленно шевелиться.

Щелкают фотоаппараты, стрекочет кинокамера. Зажмурив глаза, «чижик» позирует.

— Страшно было? — спрашиваю потом у Кати.

Она радостно смеется и, посмотрев в сторону служащих храма, говорит вполголоса:

— А вдруг у какой-нибудь змеи остался один зуб?

НА СОБСТВЕННЫЙ СТРАХ И РИСК

На острове Святой Елены нет глубоководных причалов и суда становятся на якоря в маленькой бухточке Джеймса. Отвесные горы — их вершины цепляются за облака — здесь расступаются. На дне узкой долины, за куполами высоких

деревьев виднеется шпиль церкви и белые квадраты домиков Джеймстауна. Это единственный город на острове.

Едва шлюпка отошла от борта теплохода, я понял, что не зря в лоции Южной Атлантики есть предупреждение об

опасности, подстерегающей моряков при высадке на остров. Наша шлюпка то проваливается, словно в пропасть, между валами океанской зыби, то вновь, натруженно гудя дизелем, взбирается на водяную громаду, откуда видны

вспененные валы, с глухим ревом бьющие в каменные плиты набережной.

Я потуже затягиваю ляжку спасательного нагрудника и вопросительно смотрю на старпома, сидящего на руле.

— Видишь, правее обломка скалы ступени в воду? Подойти можно, волну бы только подходящую поймать, — кричит мне на ухо старпом, показывая рукой на буруны.

И когда мы в очередной раз взлетаем вверх, командует:

— Приготовиться к высадке! Выбросить кранцы по пра-

вому борту. Прыгать только по моей команде. Будем подходить на полном ходу...

Берег вырастает стремительно. В последний момент успеваю заметить, что волна, схлынувшая в океан, обнажила мокрые ступени, покрытые скользкой бахромой водорослей. Вижу торчащие из нее острые ракушки. Слышен яростный стук двигателя, скрежет днища о камни, шум воды, и вдруг отчаянный старпомовский крик:

— Самый полный назад!! Прыгай...

Мы летим за борт. И лишь оказавшись на суше, среди толпы местных жителей, которые одобрительными жестами и возгласами по достоинству оценили эти лихие маневры, осознаем весь смысл объявления, прикрепленного к выщербленной стене:

«Любое лицо, вступающее на эту территорию, делает это на свой собственный страх и риск. Правительство острова Святой Елены не несет никакой ответственности за ущерб, повреждения или ранения, полученные при высадке...»

ОБЕЛИСК НА ОСТРОВЕ

Остров Фернанду ди Норонья лежит в двухстах милях от бразильских берегов, и лишь небольшой пароходик доставляет раз в месяц сюда продовольствие из порта Натал да экспедиционные суда изредка нарушают тишину острова грохотом якорных цепей.

С моря остров похож на доисторическое чудовище с высоко поднятой над волнами ма-

ленькой головой. Вблизи эта голова оказалась вершиной горы.

Миллионы лет назад извержение подводного вулкана подняло над бескрайними просторами Атлантики этот крохотный клочок земли. По преданию, остров был пристанищем пиратов, затем бразильское правительство превратило его в каторжную тюрьму...

Поблагодарив гребца, мы

выбрались из полузатопленной лодки и, проваливаясь по щиколотку в мокрый песок, бодро зашагали в глубь острова.

Остров невелик. Пробираясь через заросли гигантских кактусов, мы видим временами оба его берега, неглубокие бухточки и белую полосу прибрежья среди нагромождения базальтовых глыб.

За одноэтажными домиками небольшого поселка обелиск

из темного гранита. Из надписи, выбитой на его основании, я понимаю лишь то, что он установлен в честь каких-то авиаторов в 1922 году. Но какие самолеты могли залететь сюда полстолетия тому назад?

Недалеке от памятника группа мальчишек и среди них девочка с забинтованной рукой. Белый гипсовый ком оттягивает повязку.

Я улыбаюсь, девочка отделяется от своих товарищей и подходит к нам.

— Садись, — приглашаю я ее.

Она отрицательно качает головой и быстро начинает говорить. Я понимаю только одно, что ее зовут Люсией...

— Но компрэндэ! Не понимаю!

Девочка удивленно смотрит на меня. Ее левая рука беспомощно покоится на груди, но кончики пальцев, выглядывающие из-под марли, шевелятся. Потом она оборачивается и что-то кричит своим босоногим друзьям. Они тотчас обступают нас со всех сторон и разом говорят. Девочка от досады хлопает здоровой рукой по коленке и опускается на песок.

— Мы не понимаем по-пор-

тугальски, — пытаюсь втолковать я огорченной до слез незнакомке. — Я немного говорю по-испански. Если хочешь, давай попробуем?

— Испаньол?

Она с надеждой смотрит на меня слегка раскосыми, цвета морской воды глазами и, встав на колени, прижимает к груди гипсовый ком.

— Что это? — показываю я на обелиск и пытаюсь расспросить Люсию. — Монументо?..

Люсия поняла и, сделав знак «ждать», убегает.

Она возвращается с мужчиной в полувоенной тропической форме.

Он знает английский, и разговор быстро завязывается. Этот офицер уже видел нас — в день прихода советского судна был на нем вместе с другими чиновниками.

— Монументо? О! Это целая история. — И он переводит надпись. — «Воздадим почести Фернанду ди Норонья, острову, ставшему свидетелем славы победы авиации».

— Да, да! Синьоры! Наш остров тоже знаменит, — продолжил офицер, заметив удивление на наших лицах. — Если синьоры желают, я могу кое-что рассказать об этом перелете.

Мы дружно киваем головами.

Для наглядности бразилец рисует прутиком на песке Европейское побережье Атлантики, Африку и Южную Америку. Затем он проводит через океан пунктирную линию, которая соединяет Лиссабон, острова Зеленого Мыса, Фернанду ди Норонья и Рио-де-Жанейро.

Рядом с линией пишет — «8400 км» и многозначительно поднимает кверху указательный палец.

— Гаго Кутиньо и Сакадура Кабраль. 1922 год. По тем временам это был нелегкий путь, синьоры, хотя их маленький гидросамолет с мотором мощностью в 350 лошадиных сил сопровождал португальский крейсер «Республика» и два вспомогательных судна.

— Они прилетали сюда? Перелетели через океан? — спрашиваю я.

— Попали на корабле, — отвечает офицер. — Их самолет для заправки горючим был вынужден сделать посадку у мрачных скал острова Святого Павла и погиб. Но тогда «Республика» доставила из Португалии новый самолет к нашему острову. Летчики вновь подня-

лись в воздух и возвратились к островам Святого Павла. Сделав круг почета, они легли на обратный курс. За триста километров от Фернанду ди Норонья из-за неисправности в моторе летчики посадили самолет в штормовой океан. Исправив повреждение, летчики делают отчаянные попытки взлететь, но перегруженный бензином самолет падает в волны. Его обломки и летчиков поднимают на палубу крейсера. В Португалии и Бразилии начался сбор денег на покупку нового самолета. Лишь на третьем самолете им удалось долететь до бразильской столицы. Всего они пробыли в воздухе 62 часа 26 минут и летели со средней скоростью 134 км в час.

Мы благодарим Клаудио, так зовут офицера, за рассказ.

— Синьоры! — говорит Клаудио. — Здесь можно купаться. Акул не бойтесь — на людей они не нападают...

В сопровождении ребят и офицера мы идем к берегу, к пляжу, куда скоро подойдет за нами шлюпка.

— Руссо! У тебя есть дети? — спрашивает Люсия.

— Да. Такая же девочка, как ты.

— Ты живешь Ленинградо? Москва? Я видела в кино город Рио. Это очень большой город. Больше, чем весь наш остров, — добавила она для убедительности.

— Москва больше, чем Рио-де-Жанейро, — неосторожно говорю я.

В широко открытых глазах Люсии удивление и восторг одновременно.

— Больше, чем Рио? — повторяет она растерянно и смотрит на Клаудио.

Он утвердительно кивает головой. Девочка умолкает. В ее воображении не укладывается тот огромный мир, который лежит за океаном, и та далекая страна, в которой есть города больше, чем Рио-де-Жанейро.

Подходит наша шлюпка, и мы прощаемся.

Позади остается белый песок, девочка с повязкой на груди и черный камень, поставленный в память о мужественных людях, трижды летевших через океан.

Посмотри на карту нашей Родины. От Балтики до Урала, от берегов Ледовитого океана до южных границ Брянской, Орловской и Свердловской областей раскинулась Нечерноземная зона РСФСР. Огромный район, который специалисты называют районом больших возможностей. Ведь если улучшить здесь плодородие почв, урожай резко повысится. А если заодно увеличить размеры полевых участков, на поля придут мощные тракторы и комбайны.

Но можно ли изменить облик такого большого района?

Это сделать можно и нужно на основе последних достижений науки и техники. Чтобы труд земледельцев и животноводов стал трудом промышленным, индустриальным и не зависел от капризов природы.

Сегодня Нечерноземная зона — Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

О делах и заботах участников этой стройки — тружениках Ленинградской области — рассказывают наши корреспонденты.

ЧИНАРА, УВЕРТЮРА И ДРУГИЕ...

— Ну вот, девочки, — сказала преподавательница, — сейчас я покажу вам ферму. Работать вы будете на огромных животноводческих комплексах.

Белое здание фермы сияло чистотой. Мастера были одеты в белые крахмальные халаты и белые косынки.

Надя снова вспомнила дом. Отец ее тоже работает на ферме, но разве сравнишь ту и эту!

Чтобы научиться управлять механизмами, им и предстоит пробыть здесь, в Мичуринском училище, три года.

— Хочу работать в хорошем совхозе, — шепнула ей Валя Гранатур.

НЕЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ

Диспетчерская — это центр информации. Пойдешь к дверям, прислушаешься — голоса звучат. Откроешь дверь — одна женщина за пультом сидит, нажимает кнопки, сразу разговаривает по трем телефонам.

Справа от дверей карта. Разной краской расцвечены на ней земли вошедших в фирму совхозов, раскинувшиеся на пятнадцать тысяч гектаров. Тут и линия железной дороги. Пересекают ее автострады, проселочные и грунтовые пути.

Прямо перед диспетчером, непрерывно мигая лампочками, светится коричневым лаком доска.

Точно можно узнать, какие работы и где ведутся, что закончено, а что еще осталось выполнить. С любой фермой может соединить вас диспетчер, с бригадирами и агротехниками, зоотехниками и животноводами, комбайнерами и трактористами, с теми, кто трудится в парниках и теплицах. Даже с бегущей по полю машиной налажена у диспетчера связь. Потому что в каждой машине установлена рация.

Звучат голоса в диспетчерской. Не видя друг друга, решают различные вопросы люди. И ощущение такое, будто все они рядом.

С кем же мы соединимся в первую очередь? Конечно, с агрономом.

Надежда Петровна Зайцева — Герой Социалистического Труда, всю жизнь работает в

Надежда Петровна Зайцева

сельском хозяйстве. Была трактористкой, потом стала овощеводом, теперь — агроном. Вот остановила Надежда Петровна свой газик у самой кромки капустного поля. Со-

Возвращались они вместе. Надя спросила:

— А ты корову когда-нибудь доила?

— Козу, — засмеялась Валя. — У нас дома много всякой животины, а вот коровы нет.

— А я доила, — похвасталась Надя. — Только это не пригодится. Здесь ведь кругом аппараты.

И полетели дни: занятия, практика. Химия, биология, физика. В кабинетах было такое множество приборов, что не хочешь — все равно будешь знать. И еще удивляло Надю — ленивых здесь не было.

На первом же собрании Надю Серкову избрали старостой, и грусть по дому начала улетучиваться. Слишком много появилось забот.

Вот коровы... Попались с характером! Их у Вали — 19. И каждую надо знать «в лицо». А они все черно-белые, одного роста. Имена только у всех разные — одно красивее другого: Планета, Чинара, Увертюра...

У Нади сплошь молодые коровы. «Публика» тяжелая — воспитывать надо! Стоило свое запомнить не могут и во время дойки спокойно не стоят.

Кем только не перебивали девочки за время практики — и пастухами, и учетчиками, и доярками.

В июле кончилась практика, кончился и первый курс.

Собирая чемодан в дорогу, Валя внимательно слушала, как весело болтали третьекурсницы Надя Рослякова и Светлана Петрунина, вспоминая теперь уже их совхоз «Пригородный». Они получили туда назначение, а сейчас были там на практике. Все прошло отлично. В конце даже показали им будущее жилье — комнату в многоэтажном доме.

За практику Валя получила деньги и теперь аккуратно перекладывала купленные подарки: маме и сестре — по блузке.

Через несколько дней Надя Серкова и Валя Гранатур сидели за праздничными столами в кругу своих родных. Одна — в Калининской области, вторая — в Архангельской.

Родители удивлялись: всего только год учатся, а про ферму рассказывают, как зоотехники!

Е. ШВЕЦОВА

Ленинградская область,
Мичуринское СПТУ

брались вокруг агронома люди. Проверяет Зайцева, как убрана с поля капуста, как уложена в ящики.

— Все хорошо, дорогие мои, — говорит. — Но наружных два листика вы у кочана оставьте и кочерыжку тоже поберегите.

И берет Зайцева у бригадира нож, быстро обрезает кочан и, подняв его на ладони, показывает. Все у нее получается ловко, быстро.

— Ясно?

Подошла к газу, за дверцу взялась.

С семи утра до темноты объезжает хозяйство Надежда Петровна Зайцева.

Ты видел, как делают из болота пашню? Не видел? Там, где работает ПМК, это можно увидеть.

Наблюдал, как копают многокилометровые траншеи? И роет эти траншеи тоже ПМК.

Лес и кустарник росли на болоте. У болота ни конца ни края. Бросовая, неиспользованная земля. Приехала ПМК — подвижная механизированная колонна. Спилела леса, выдергала кустарник, выкорчевала кряжистые пни, выкопала завязшие в болоте камни, прорыла по болоту глубокие траншеи, заложила в них пористые керамические трубки и перепахала осушенную землю.

И стало болото пашней. Взойдут на ней отличные урожаи.

Л. ПОТАПОВА

ДЕРЕВЕНСКИЕ

ЭТАЖИ

Довелось мне недавно побывать в деревне Шелейки Подпорожского района.

Онежское озеро, как огромный драгоценный камень, сверкает густым синим цветом. Над озером высится деревянная церковь — памятник русского зодчества XVII века. И та-

кими же памятниками казались деревенские избы, на столетия срубленные из мощных сосновых бревен.

Приютившая меня добрая женщина Ефросинья Никитична мастерски управлялась с домашним хозяйством, скотиной и огромной рус-

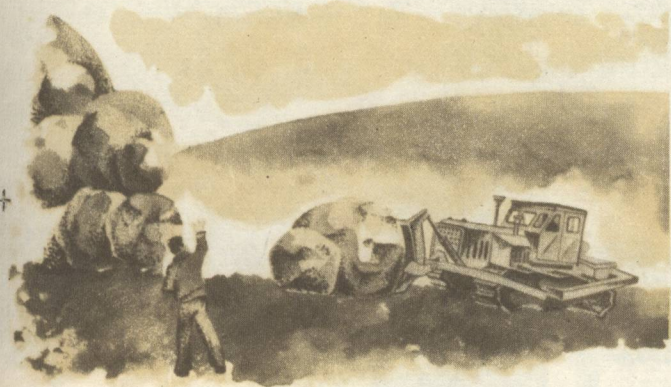

Таким будет центр совхоза „Агротехника“

ской печью, в которой неподражаемо вкусными получаются пироги.

Но просторная изба, рассчитанная на большую семью, казалась одинокой. По ночам ворчливо гудела печной трубой, кряхтела половицами, как бы жалуясь на судьбу.

Таких наполовину или полностью опустевших изб оказалось в деревне большинство. Молодежь переезжает в крупные совхозы, на птицефабрики. Даже красота окружающей природы не в состоянии удержать здесь полных сил молодых людей. Они мечтают о больших делах, а в Шелейках

найти таковые трудновато. Но еще труднее улучшить условия жизни в таких деревеньках. Не станете же сооружать клуб, магазин или комбинат бытового обслуживания, если населения всего двадцать—тридцать человек.

Какой же предлагается выход?

А такой: строить крупные красивые поселки с магазинами, кинотеатрами, стадионами. Пусть люди села живут так же удобно, как горожане.

Сейчас в сельских районах Ленинградской области 4143 населенных пункта. А останется 610, но зато самые крупные, красивые и нужные.

Д. ДЫМОВ
Рисунки
Ю. Иванова

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

Как художник, я очень люблю рисовать сказки. Ведь в сказках самая настоящая живая жизнь переплетается с самой причудливой фантазией — то-то простор для рисовальщика: переноси на бумагу что подсмотрел в жизни, что засело в твоей художнической памяти, и обогащай это самым безудержным воображением! Я много сказок проиллюстрировал: от незамысловатых крошечных народных побасёнок до целой книги-сказки «Золотой ключик» Алексея Толстого.

Но есть особенные сказки, которые стали главной работой моей жизни. Это сказки Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.

Салтыков-Щедрин жил и работал в одно время с такими гигантами русской художественной литературы, как Лев Николаевич Толстой, Федор Михайлович Достоевский, Николай Алексеевич Некрасов, но даже эти величественные фигуры не заслонили его, потому что он шел своим путем в литературе. Что же это за путь? Это путь сатиры.

Как и другие писатели земли русской, Салтыков-Щедрин горячо любил отечество, всей душой сострадал бесправному народу, но его оружием в борьбе с косностью, тупостью, жестокостью самодержавного строя был прежде всего смех.

Очень смешно писал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, но смех его был грозным смехом. Вот как вспоминали о действии щедринской сатиры современники: «Явление, за которое он брался, не могло выжить после его удара. Оно становилось смешным и позорным. Никто не мог отнестись к нему с уважением, и ему оставалось только умереть».

Отступали под натиском гневной сатиры великого писателя «дикий помещик», «верный Трезор», «карась-идеалист», «премудрый пискарь» — персонажи «Сказок» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Нет более трудной и увлекательной задачи для художника, чем попытаться вместе с великим сатириком изобразить смешных и страшных типов, копошащихся во тьме прошлого, чтобы ни под какой личиной не смогли они пролезть в наш сегодняшний день.

«Сказки», над иллюстрированием которых я работал и продолжаю работать вот уже три десятилетия, одно из последних и, на мой взгляд, вершинных произведений Салтыкова-Щедрина. Они были так же опасны для царского самодержавия, как революционные прокламации, как оружие в руках встающего на борьбу народа.

НИКОЛАЙ МУРАТОВ,
художник

„Орел-меценат“

„Карась-идеалист“

„Как один мужик двух генералов прокормил“

„Медведь на воеводстве“

„Верный Трезор“

НАШ ПИОНЕРСТРОЙ

«Кто хочет купаться, плавать разными стилями, нырять?» — неожиданно спросил Женя Гаврилов, мальчишка из школы № 21. Ребята, которые собрались в Доме пионеров Василеостровского района из разных пионерских дружин, невольно посмотрели в окно и пожалы плечами. Осенний ветер гнал по мокрому асфальту желтые листья. — «В любую погоду, зимой и весной, плавать в своем собственном бассейне! — как будто дразнил оратор. — Приходите. Мы приступаем к строительству. Работы хватит всем!» Женя явно гордился своей миссией.

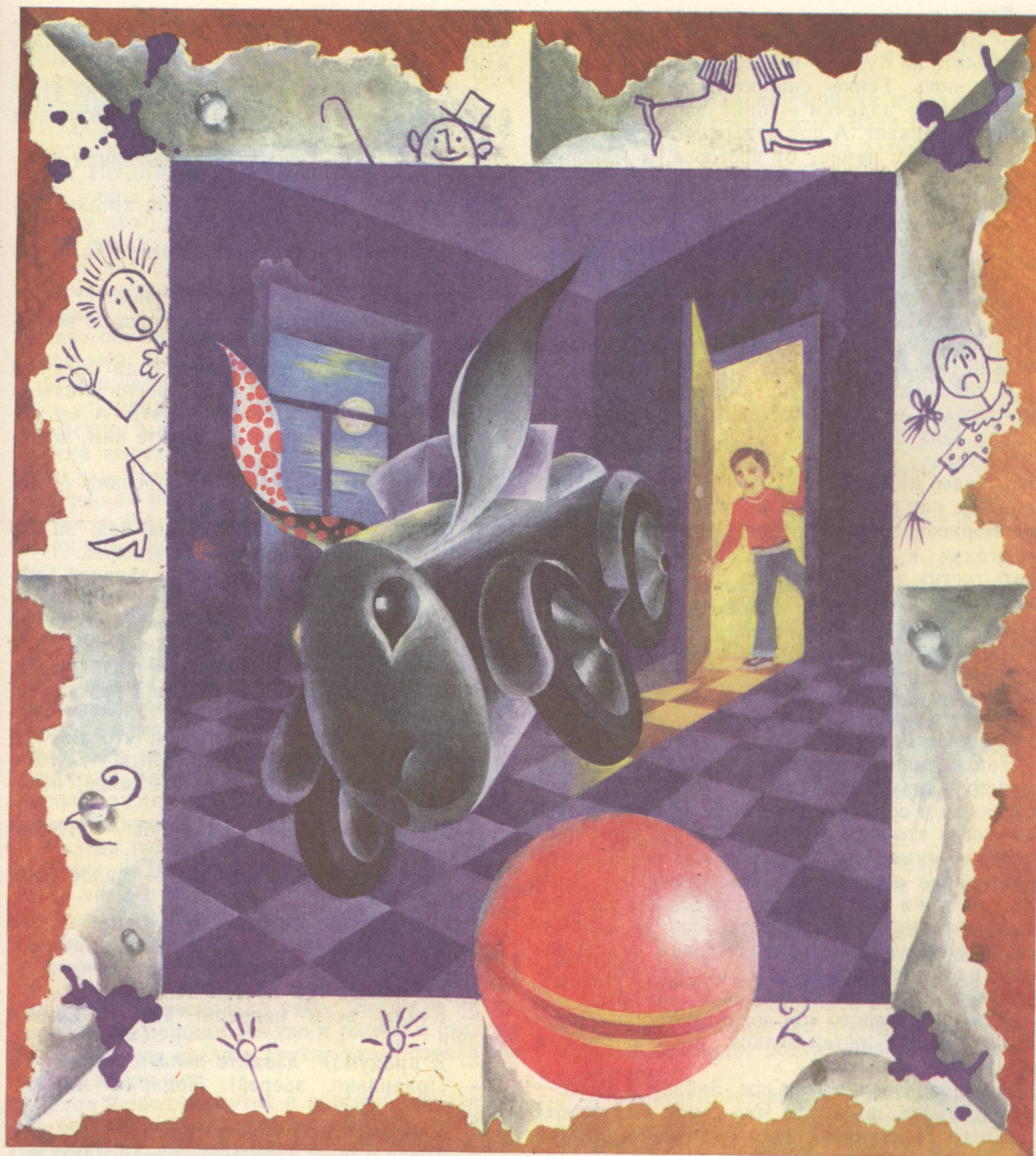
Еще бы! Думаете, это просто — добиться разрешения на строительство зимнего бассейна в центре города, в школе, которой 130 лет? Вместе с учителем физкультуры Леонидом Семеновичем Заславским ребята ходили сначала в разные районные организации. Были на приеме у председателя Ленинградского горисполкома. Заинтересовались их идеей проектировщики. Архитекторы 12-й мастерской Ленпроекта сделали проект бассейна бесплатно, в дни Ленинской трудовой вахты. Наконец-то есть проект, есть деньги — можно начинать!

...Телефон в 21-й школе трещал без передышки. Свою помощь предлагали добровольцы из соседних школ — 27-й, 35-й, 24-й. «Когда нам выходить на субботник?» — спрашивали члены районного штаба «Пионерстроя». Ребята во главе с Леной Васильевой считали своим долгом не только других организовать, но всем штабом поработать на стройке. А летом из школы № 27 явилась целая строительная бригада старшеклассников.

Вот будет радости, когда чаша бассейна наполнится водой!

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото И. Колтуна

ЗАЙЦЕМОБИЛЬ

РАССКАЗ

Юрий ДРУЖНИКОВ

Рисунок Ю. Клыкова

Вечером случилось нечто такое, чему поверить было трудно.

К Усову забежал Гарик.

— Я, собственно говоря, хотел тебя предупредить: задача ни у кого не получается, даже у меня. Ты можешь спокойно ее не делать.

Завтра что-нибудь придумаем. О погоде поговорим.

— О погоде можно, — согласился Генка. — Только задачу я решил. Спиши — и все.

— Не может быть! А с ответом сходится?

— Сходится.

Гарик долго глядел в тетрадку.

— Молоток! Чувствуется моя школа! Но списывать не буду — нарушение принципа.

Всю ночь Генке снилось, что он решает сложнейшие задачи — одну за другой, как орешки щелкает. А потом выходит к доске отвечать. Класс немеет от восторга, и Аллочка Борисовна стоит с разинутым ртом. Ай да Усов! Сонкина, величайшего математика всего четвертого «б» обошел!

На другой день выяснилось, что, кроме Генки, задачу действительно не решил никто. Генка скромно сидел и молчал, к нему подходили, просили его вызваться отвечать, Генка был на все согласен. Синяя птица, пятерка, можно сказать, была уже у него в руках.

К сожалению, Аллочка Борисовна, которой предстояло пятерку поставить, еще этого не знала. Она понятия не имела ни о том, что Усов задачу решил, ни о том, что весь остальной класс надеется на Усова. И стремительно вбежав, как всегда, в свой четвертый «б», Алла Борисовна сказала, боясь об этом забыть: «Сегодня к нам в класс должны пожаловать гости». Сразу начались догадки, вопросы, пересуды. Класс, ухватившись за соломинку, целеустремленно оттягивал роковой момент. Время шло, Генкина пятерка принимала форму нолика, нолик постепенно превращался в облачко. Облачко выпорхнуло в окно, растворилось в дальней морозной высоте. И никто этого не заметил.

Тем временем делегаты солидно шли по коридору парами, взявшись за руки. Они с достоинством осматривали школу. И лишь изредка, когда кто-нибудь, опаздывая на урок, проносился мимо них со скоростью света, гости растерянно останавливались, натываясь друг на друга, и в испуге втягивали головы в плечи. К таким скоростям делегаты явно не привыкли и, разинув рты, вопросительно оглядывались на воспитательницу. Та щурила глаза. Дескать, идите-идите, еще и не то увидите.

Возле четвертого «б» воспитательница велела делегации остановиться, подравняться и подтянуть колготки.

— А ты, Вова, вытри нос. Зайдем в класс — ты и будешь шмыгать! Что о нас подумают?

Света Мельникова шла из буфета, доедая булочку с повидлом.

— Ой вы мои миленькие, хорошенькие! — запрчитала она. — Как вы сюда попали? Давай я тебе носик вытру.

Она вынула из фартука платок и бухнулась перед Вовой на колени.

— Девочка, ты из четвертого «б»? — спросила воспитательница. — Скажи учительнице, что мы пришли.

Мельникова влетела в класс. Урок уже шел.

— Алла Борисовна! Там вас грудные спрашивают, из детского сада...

Алла Борисовна побежала к двери приглашать гостей.

Делегаты выстроились у доски. Весь класс их разглядывал с особым удовольствием, по-

тому что домашнее задание становилось таким же ненужным, как пятое колесо у телеги или хвост у человека.

— Ну как, гости дорогие, — радостно затараторила Аллочка Борисовна. — Нравится вам у нас в школе?

— Нравится, — несвязно проговорили делегаты.

— Вот и хорошо. А что вы им хотели сказать?

— Здрассте, — растерянно ответили делегаты.

— Здрассте — само собой. А еще?

И Аллочка Борисовна посмотрела на воспитательницу.

— У нашей группы детского сада большая к вам просьба, — произнесла воспитательница. — Ребята очень любят играть. А вы все мастера — умелые руки. Сделайте нам, пожалуйста, что-нибудь. Ладно?

— А что? Что сделать? — спросила Мельникова.

— Да уж что сможете! А мы вам за это скажем... Что мы скажем? Три-четыре!..

— Спа-си-бо! — недружно заявили малыши.

Воспитательница взяла крайнего Вову за руку и повела к двери. И делегаты ниточкой, толкая друг друга, потянулись за воспитательницей. Света догнала Вову и еще раз вытерла ему нос.

— Давайте быстро подумаем, что мы можем сделать для наших подшефных, — сказала Аллочка Борисовна, — и займемся, наконец, математикой.

— Ясно! — сообразил Гаврилов. — Игрушки, конечно!

— Игрушки разные бывают, — философски заметил Усов.

«Что-то Усов разговорился, — отметила про себя Алла Борисовна. — Не иначе как домашнее задание не приготовил и тянет время».

Класс между тем продолжал спорить.

— Куклы всем надоели! Их у каждого полно!

— Я придумал: давайте делать зверей.

— Правильно, зверей! Подарим им зоопарк!..

— Каждый сделает по зверю.

— Тогда я буду делать лису — у мамы мех остался от воротника.

— А я зебру — у меня платье полосатое, старое. Я из него выросла.

— Одному подарим лису из меха, другому — зебру из старого платья, — возразил Гаврилов. Они же перессорятся, Алла Борисовна?

— Решайте сами — вы у меня самостоятельные, — заявила Алла Борисовна. — Что ты предлагаешь, Гаврилов?

— А вот что. Старик Хоттабыч подарил футболистам двадцать два мяча, чтобы не ссорились. И нам надо всем дарить одинаковых зверей, чтобы без обиды! И делать легче.

— Если надо одинаковых, — Света обвела всех глазами, — давайте делать зайцев.

— Правильно, зайцев! — поддержали Мельникову девочки. — Мордочку сшить и туловище. Ватой набьем, глаза нарисуем, уши пришьем — и можно дарить.

Алла Борисовна к всеобщей радости так и не успела из-за этих зайцев заняться математикой. Но домашнее задание все же записала.

На улице шел снег, такой большой, что навстречу друг другу двигались по тротуарам люди, похожие на сугробы. В двух шагах ничего не видно.

Дома, первым-наперво, Генка вытащил бабушкино шитье и свои инструменты.

Заяц обязан быть летом сереньким, а зимой беленьким. Но ни серой, ни белой материи у бабушки не было. Зато была розовая — осталась от распашонок, которые бабка шила для соседского малыша.

Гена вырезал из нее туловище, голову и одно ухо. На другое ухо материи не хватило.

Швейная машина у бабушки была открыта. Нитки в ней заправлены черные, но шпульку вставлять Усов не умел и решил шить черными.

Усов прострочил зайцу живот. Вытащил его из-под лапки, но оказалось, что живот пристрочился к рукаву Генкиной рубашки.

Генка взял ножницы и, чтобы не портить зайцу живот, отрезал его с частью рукава. Теперь надо набить живот ватой. Но как набить, когда со всех сторон застрочено? Пришлось разрезать, наложить в отверстие ваты и снова зашить. Живот получился первого сорта. Только видно, что зайцу сделали операцию аппендицита.

Голова шилась легче. На этот раз он застрочил не все, оставил отверстие, натолкал туда ваты и хотел зашить, но раздумал. Это же рот! Настоящий рот! Ну, подумаешь, из него вата торчит!

Голову Генка пришил к туловищу и занялся ушами. Первое ухо вышло замечательно длинное, но несколько узкое, похожее на чулок. Генка пришил это ухо к голове и стал думать, из чего сделать другое ухо. Розовая материя кончилась.

Усов нашел лоскуток в красный горошек — от блузки, которую бабушка матери шила. Из него Генка выкроил второе ухо. Пришил его, нарисовал чернилами глаза, но заяц получился безжизненный. Ему не хватало усов.

Из чего их сделать? Конечно, из проволоки. Стал Гена искать проволоку и нашел батарейку. Тут уж идея сама собой пришла.

Распорол он снова зайцу туловище, вату вынул, засунул батарейку и вставил в глаз лампочку от карманного фонаря. Глаз у зайца загорелся. Теперь другое дело! Надо бы и в другой глаз вставить лампочку, но больше лампочек нет.

Заяц стоял, помахивая ухом в красный горошек, светил одним глазом и не шевелился. Чего-то в нем еще не хватало. Усова посетила еще одна мысль, и он помчался во двор. Возле песочницы играли малыши. В два счета

Гена обменял фонарик без батарейки на заводной автомобиль без ключа и вернулся обратно.

Гена оторвал от автомобиля кузов так, что осталась рама с колесами. Взял плоскогубцы и завел ими пружину. Заяц затрещал и, как бешеный, помчался по комнате, светя впереди себя одним глазом. Он ударился в стену и повернул обратно. Так он мчался до тех пор, пока завод не кончился.

Генка отсоединил провод от лампочки, чтобы не села батарейка, завернул зайца в бумагу, засунул вместе с плоскогубцами в портфель. Задание было выполнено. Гена так увлекся, что про задачки, которые Алла Борисовна велела дома решить, и не вспомнил.

На другой день четвертый «б» тащил в школу свертки, и только и разговоров было, как пойдут после уроков в детский сад. Гаврилов проверял, кто что сделал, и ставил в списке плюсы.

Генка вынул из портфеля сверток и сунул Гаврилову под нос.

Мишка не стал разворачивать, нашел Усова в списке и поставил плюс, когда в класс вбежала учительница.

— Кто не приготовил домашнего задания? — на ходу спросила Аллочка Борисовна. — Вчера целый урок проболтали...

На этот раз задачи решили все, и все молчали. А Гена решил, что речь идет о зайцах. Заяца он, как известно, сделал.

— Гена Усов, прошу, с тетрадкой!

— Я лучше с зайцем! — предложил Усов.

— А задачи?

— Вчерашнюю задачу можно?

— Так... — возмутилась учительница. — Значит, не сделал? О причинах я ничего даже слышать не хочу! Двойка!..

Если бы не заяц, который лежал в парте и которым Генка собирался всех удивить, день можно было бы считать неудачным.

После уроков всей оравой двинулись в детский сад. Девчонки под ручку парочками, а мальчишки сзади, подталкивая друг дружку в сугробы.

— Ребята! Быстрее допивайте компот и выходите строиться! — обрадовалась воспитательница.

Никто не стал доедать компот. Все выбежали строиться. Генка с грустью смотрел на обилие оставшегося компота. Он очень любил компот и мог съесть кастрюлю в один присест.

Гаврилов вышел вперед, откашлялся солидно и набрал в легкие побольше воздуха, чтобы произнести: «Дорогие дети! Уважаемая воспитательница!» Но в это время уважаемая воспитательница сказала:

— Сейчас шефы подарят вам игрушки!

И все испортила. Никакой торжественности не получилось, а просто все бросились к малышам и стали разворачивать и показывать подарки.

Света стояла возле маленькой девочки с большим бантом. Девочка проверяла, все ли

у зайца на месте. Он был симпатичный, Светкин заяц, только косоват немножко. Но ведь заяц и должен быть косым.

Гарик сделал огромного зайца из воротника своего старого пальто. Заяц был темноват, потому что воротник был из кролика, и его можно было принять за кролика. Но это тоже ничего. Заяц и кролик как-никак родственники.

Генка увидел, что маленький Вова стоит в стороне и к нему никто не подошел. Генка молча протянул Вове сверток.

Вова стал немедленно разворачивать.

— Это кто? — спросил он.

— Это зайцемобиль.

Гена подсоединил проводочку к батарейке, и глаз у зверя загорелся. Потом он вынул из кармана плоскогубцы, завел пружину и поставил зайца на пол. Заяц нервно вздрогнул, тряхнул ухом в красную горошину, от чего лампочка замигала. Едва Усов отпустил руку, заяц затрещал и лихорадочно помчался прямо на Вову.

Испугавшись, Вова сперва отступил на шаг, но тут же бросился догонять игрушку.

— Зайцемобиль! — радостно закричал он. — У меня зайцемобиль!

Зайцемобиль остановился, мигая глазом. Вова схватил его, тут же рассмотрел, как он устроен, погладил и принес Генке.

— Заведи еще!

Ребята побросали своих зайцев и столпились вокруг Усова.

— Теперь мне дай! — потребовал рыжий мальчик.

— И я хочу зайцемобиль! — сказала толстощекая девочка. — А просто зайца не хочу...

Усов снова завел игрушку и вернул Вове. Но у Вовы ее тут же вырвали. Заяц затрещал в воздухе, зашипел и замигал одним глазом. Его выпустили из рук, и он шлепнулся на пол. Тут на него навалилось человек десять. Понесся рев. Воспитательница с Аллой Борисовной бросились разнимать дерущихся.

Гаврилов стоял посреди комнаты, очень сердитый, и все еще держал в руках открытую тетрадку с речью.

— Так я и знал! — воскликнул он. — Опять Усов! Если сам не дерется, так из-за него драка. Я говорил — нужно делать всем одинаково, а ты?

— Что — я? — спросил Гена. — Пускай зайцемобиль будет общий.

Но Гаврилов уже вынул ручку и записал себе в тетрадь: «Усова обсудить на совете отряда».

— Усов, Усов! — повторяла Алла Борисовна. — Усов, Усов!..

— Я уже одиннадцать лет Усов, — пробурчал Гена.

Но настроение у него после двойки и после драки не испортилось. «Ну, не везет, подумаешь, невидаль, — размышлял он. — Всегда ведь не везет. Выходит, если мне не везет, значит, все в порядке».

Автопортрет

ПУТЕШЕСТВИЕ

ЛЕОНАРДО

Бьют часы на башне Флорентийского собора, серебристо перекликаются многочисленные колокола. Раннее утро. Крепко спят ученики знаменитого скульптора и живописца Андреа Верроккио. Спит и сам мастер, но в его полутемной мастерской уже кто-то есть. Там юноша-ученик, склонившийся над незаконченным рисунком. Кто он? У него мягкие, спокойные черты лица, ни следа усталости, хотя, судя по остаткам масла в плосках, он провел в мастерской всю ночь. Его друзья и соученики — Перуджино и Боттичелли — видят уже третьи сны, а он даже и не ложился еще.

Кто же этот юноша, трудолюбиво и мастерству которого удивлялся его учитель, старый Андреа Верроккио? Это — Леонардо да Винчи... Великий Леонардо!

Небольшой пыльный городок Винчи, неподалеку от Флоренции. Здесь 15 апреля 1452 года в семье нотариуса родился Леонардо. Здесь

прошло его раннее детство, отсюда семья переехала во Флоренцию...

Богато убранный кабинет нотариуса Пьетро да Винчи. Нотариус — толстый цветущий человек, в собольей безрукавке, шапочке малинового бархата, пытается втолковать своему пятнадцатилетнему сыну основы судейского дела. Но худенький мальчик с длинными светлыми волосами рассеян, он не слышит, что ему говорит отец. Его взгляд прикован к трещинкам на мраморном столе. „До чего они похожи на паутинку, — думает мальчик, — и... на морщины старого Лодовико, соседа, хозяина меняльной лавки. Как интересно!“

— Ты куда смотришь, бездельник?! — раздается гневный голос отца.

— Посмотрите, батюшка! Вот трещинка... — мальчик водит по мрамору пальцем. — Видите, вот лицо старого Лодовико. И по цвету похоже, белое, сероватое, с синими жилками.

— Не болтай глупости! — еще больше гневается Пьетро. — При чем здесь этот скряга Лодовико? Это обыкновенная мраморная доска! Ничего из тебя не выйдет, бездельник! — И, захлопнув книгу, Пьетро выгоняет мальчика из кабинета. А маленькому Леонардо только это и нужно. В саду он внимательно рассматривает цветы, деревья, листья, камни.

„Не повезло мне с сыном, — вздыхает Пьетро, глядя в окно на Леонардо, нюхающего цветок, рассматривающего сквозь стеклышко лист дерева, крыло бабочки, — настоящий бездельник! И кому я оставляю свой дом, свои деньги?“

Однажды отец увидел, что мальчик рисует.

В МИР ПРЕКРАСНОГО

ДА ВИНЧИ

— Нашел себе занятие! — рассердился Пьетро. — Все эти художники бездельники и шалопаи!

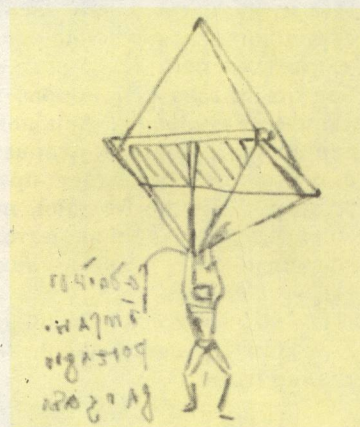
Он велел сыну показать ему свои рисунки.

„Хм! Совсем неплохо. Во всяком случае, похоже, — подумал Пьетро, рассматривая листы, на которых были нарисованы цветы, деревья, люди, животные. — У мальчишки есть способности, из него может выйти толк. Андреа Верроккио — человек солидный, всеми уважаемый, отведу-ка я Леонардо к нему, может быть, он возьмет его к себе в ученики“.

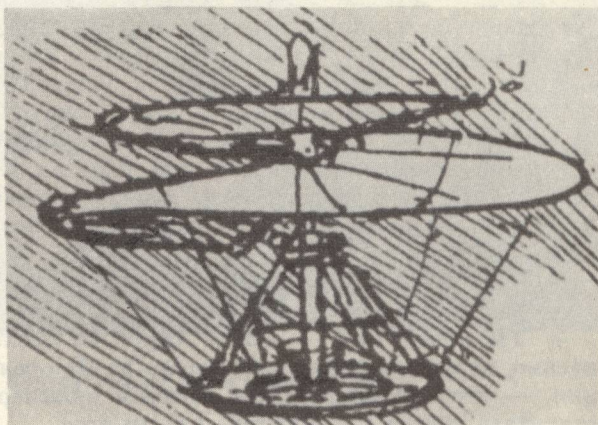
И вот они в мастерской. Пока знаменитый мастер разговаривал с Пьетро, рассматривал рисунки Леонардо, мальчик с удивлением оглядывался вокруг. Все ему здесь показалось необычным — запах краски, гипсовые головы, а особенно — озорные, перепачканные мальчишки-подмастерья, украдкой показывающие ему язык. Леонардо стало страшно, захотелось домой, но тут рука Андреа Верроккио ласково погладила его по голове.

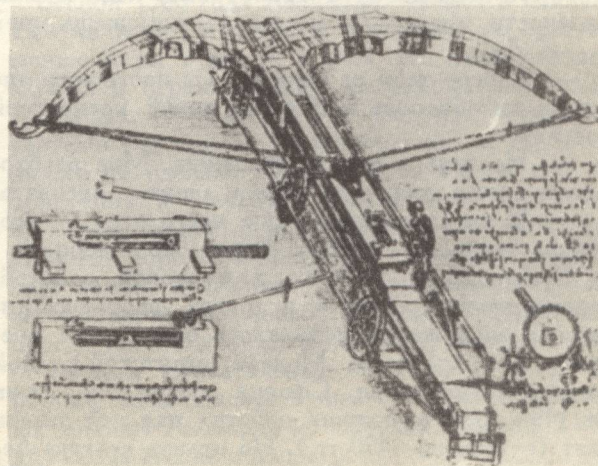
Проект танка

Проект парашюта

Проект геликоптера

Проект гигантского самострела

— Ты останешься здесь, мальчик, — сказал живописец, — из тебя выйдет большой художник...

Прошли годы, Леонардо возмужал. Это был уже не робкий, перепуганный мальчик, впервые переступивший порог мастерской, а молодой человек с длинными волосами, расчесанными на прямой пробор, зрелый художник, превзошедший в мастерстве не только своих однокашников, но и самого учителя — Андреа Верроккио. В 1480 году Леонардо уже имел собственную мастерскую, выполнял заказы. Но его интересует многое: математика, инженерная наука, медицина, физика. Он пишет научные труды, изобретает машины, приборы, мечтает создать механические крылья, при помощи которых человек сможет, наконец, оторваться от земли. Свои проекты он предлагает правителю Флоренции герцогу Лоренцо Медичи, но тщетно. Проекты Леонардо, которые внимательно изучают наши современники: ученые, инженеры, конструкторы, — казались тогда дикими и непонятными.

В 1482 году оскорбленный Леонардо уезжает в Милан, где поступает на службу к герцогу Лодовико Моро.

Длинная, мрачная зала в палаццо Лодовико. Холодный каменный пол. Стрельчатые окна. Два человека молча изучают друг друга. Высокий, с длинной, красиво расчесанной бородой — Леонардо, спокойно, без всякого страха смотрит на могущественнейшего герцога Лодовико Моро. Герцог одет на испанский манер — во все черное. Жесткое, болезненное лицо, орлиный нос, большой лоб и умные пронизательные глаза.

— Ты... художник? — спрашивает он тихо.

— Да, — отвечает Леонардо.

— Ты писал мне, — герцог берет со стола письмо, полученное им от Леонардо из Флоренции, — что еще искусен как военный инженер, строитель мостов и крепостей. Так ли это?

— Так.

— Я веду войну с французами. Мне нужны крепости, мне нужны мосты. Ты поможешь мне?

— Да.

— Я беру тебя на службу. Ты построишь мне мост, ты обнесешь мой город новой крепостной стеной.

— Но ведь я еще и художник. Мне необходимо время, для того чтобы лепить, рисовать.

— И ты сделаешь статую моего отца, — добавил герцог, — статую Франческо Сфорца.

У Леонардо, занятого инженерной работой, возведением крепостей и других фортификационных сооружений, оставалось очень мало времени для творчества. Модель гигантской конной статуи Франческо Сфорца появилась лишь в 1490 году, художник работал над ней десять лет (с 1480 по 1490 гг.). Но отлить статую Леонардо не удалось. Французы, занявшие в 1499 году Милан, повредили глиняную модель. Един-

ственное, что дошло до нас, это подготовительные рисунки к памятнику.

Леонардо очень любил гулять по улицам Милана ранним утром. В этом городе, окруженном со всех сторон горами, его пленяла мягкая дымка, окутывающая по утрам предметы, дома, улицы, придающая им таинственность. Леонардо пытался найти сочетание красок, при котором можно передать эту дымку в картине, но тщетно... получалось совсем не то, чего он добивался.

Но вот однажды, гуляя по улицам, Леонардо вдруг остановился, как зачарованный. Что же так поразило его? В окне одного из домов он увидел женщину с ребенком на руках, с любовью глядящую на свое дитя. Эта чарующая картина была окутана той самой неуловимой дымкой. Леонардо поспешил в свою мастерскую. День и ночь не выходил он оттуда, один за другим рождались рисунки, этюды, наброски... и вот, наконец, картина, волшебная, исполненная покоя, готова. «Мадонна Литта», та самая, что находится у нас в Ленинграде, в Эрмитаже.

В Милане Леонардо написал и свою знаменитую фреску «Тайная вечеря» для монастыря Санта Мария дела Грация. К сожалению, эта фреска дошла до нас в испорченном виде... из-за ошибки самого Леонардо. Он работал над ней не только как живописец, но и как ученый-химик, он хотел, сочетая две совершенно различные техники — масло и темпера, — создать новую, а стену, прежде чем накладывать краски, не загрунтовал...

С болью замечал Леонардо, как гибла фреска, как проступали на ней пятна сырости...

Неудача потрясла художника. В Милане он не мог больше оставаться и в 1500 году возвратился во Флоренцию. На родине художник был принят плохо, целых три года не получал никаких заказов.

В детстве Леонардо подолгу с удивлением рассматривал птиц.

«Почему, — думал мальчик, — взрослые люди, такие умные, умеющие изобретать, строить города, дома, мосты, писать картины, лепить статуи, не могут подняться в небо? А птицы могут! Какая сила скрыта в их маленьких крылышках?» И вот теперь, спустя много-много лет к Леонардо вновь вернулись детские мечты. Дни и ночи просиживает он в своей мастерской, изучает строение птичьих крыльев, тщательно их зарисовывает, вся мастерская завалена какими-то металлическими приспособлениями, кожей...

Часто по вечерам горожане собирались у мастерской Леонардо. С недоверием они относились к этому странному высокому человеку. Церковники, ненавидевшие Леонардо, всячески раздували ненависть к нему, говорили, что художник знает с дьяволом, и как бы подтверждая это, из трубы дома по ночам вылетали снопы искр, валил густой дым, а в окне мелька-

ла огромная тень с перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями...

— Дьявол, дьявол! — перешептывались обыватели. Никто из них и подумать не мог, что Леонардо работает над созданием крыльев, при помощи которых человек сможет взлететь над землей.

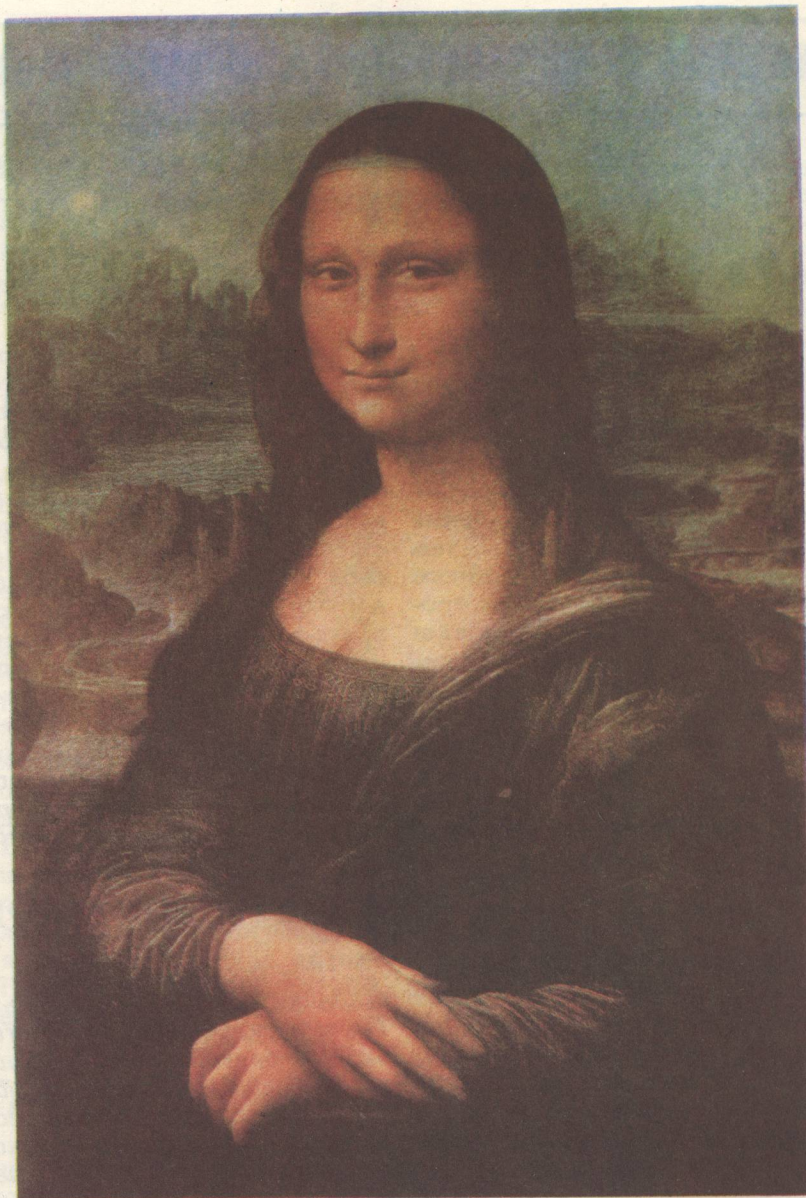
Ранним утром летнего дня 1503 года Леонардо и человек, нанятый им для испытания летательного аппарата, пришли в тихую безлюдную местность в окрестностях Флоренции. Испытания окончились трагически. Человек этот едва избежал гибели.

Это еще больше настроило флорентийцев против Леонардо.

Целыми днями проводил он у себя в мастерской без заказов, ведя полунищенское существование (перед смертью Пьетро да Винчи разорился и ничего не оставил своему сыну). Лишь один заказ получил Леонардо. В 1503 году некий флорентийский патриций попросил художника написать портрет его жены — Моны Лизы. По свидетельству современника Леонардо, составителя биографий художников Возрождения Джорджо Вазари, Мона Лиза была женщиной слабого здоровья, позировала неохотно, лишь повинувшись прихоти своего мужа. Леонардо с огорчением всматривался в лицо сидевшей напротив него женщины.

„Нет! Так я ничего не добьюсь! Надо чем-то заинтересовать ее, развлечь“. А Леонардо был еще и искусным музыкантом, прекрасно играл на арфе, лютне, виоле и на инструментах собственного изобретения. Им он придавал самые причудливые формы — то это был лошадиный череп со струнами внутри, то искусно сделанная из черного дерева голова арапчонка с перламутровой инкрустацией, то какое-нибудь диковинное животное. Однажды он достал из старинного сундука, который повсюду с собой возил, эти инструменты и с превеликим искусством исполнил для Моны Лизы мелодии им же сочиненные.

Ее, жену богатого человека, трудно было чем-нибудь удивить, но эти инструменты и музыка были столь необычны, что глаза ее оживились, а на губах заиграла слабая улыбка. Так, рассказывают, родилась «Мона Лиза», или «Джоконда», одно из наиболее совершенных творений

Портрет Моны Лизы („Джоконда“)

мирового искусства. Находится она в Париже, в Лувре.

Весной 1506 года Леонардо уезжает в Милан. Там он живет недолго и затем едет по приглашению папы Льва X в Рим. Но папа, человек глупый и ограниченный, не оценил искусства Леонардо. Просмотрев его рисунки, эскизы и чертежи, он бросил презрительно: «Увы, этот ничего не делает. Он думает о конце, еще не приступив к началу». Обиженный Леонардо, 64-летний старик, покидает Рим и едет во Францию, где король Франциск I дарит ему небольшой замок. Живописью и скульптурой он уже не занимается, по заказу короля он составляет проект нового дворца в Амбуазе, разрабатывает систему оросительных каналов, но тоска по родине, обошедшейся с ним столь несправедливо, доводит Леонардо до тяжелой болезни. 2 мая 1519 года его не стало...

Д. НОРИН

О ТОМ, КАК ЛЕНИНГРАДСКИЕ УЧЕНЫЕ, ИНЖЕНЕРЫ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ ВСТРЕЧАЮТ XXV СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

СТАЛЬНАЯ ТОЛКУШКА

Самый сильный в мире пресс построил ленинградский изобретатель А. Н. Силичев. При своих компактных, «комнатных» размерах он — рекордсмен: мнет огромные болванки, будто толкушка вареные картофелины! Между тем классический пресс подобного же усилия своим весом проломил бы любой пол, да вдобавок потребовал бы для себя просторного цеха.

Представьте себе круглую конторскую печать. Можно изо всех сил ударить ею по бумаге, но оттиск получится все-таки слабый, да и печать

может расколоться. А теперь, слегка прижав кружок к столу, осторожно его покачайте. Убедитесь сами: оттиск в этом случае — четкий!

Как видите, простейшая вещь! Интересно узнать, чувствовал ли кто-нибудь из вас себя изобретателем, когда держал в руках обыкновенное пресс-папье, обтянутое промокашкой? А вот Александр Николаевич Силичев, механик Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе, почувствовал. Первый вариант его «толкушки» напоминал округ-

лую модель, специалисты удивились: и как это такое нехитрое решение не приходило им в голову!

„МАЛЫШ“ НЕ БОИТСЯ БУРИ

«Матушка-рожь кормит всех сплешь» — это поговорка еще древних русских пахарей. Впрочем, этот злак и сейчас в чести: половина его мировых посевов приходится на нашу страну. Но доля этой культуры в житнице уменьшается. Почему?

...«Вот так рожь уродилась — всадника на коне не видать». Такое восклицание для крестьянина — большая похвала. Считали, что чем выше поднялось хлебное поле, тем богаче предвидится и урожай. Но высокорослые хлеба при ветре и ливнях сильно полегают. Уборка и обмолот «долговязой» ржи весьма затруднительны, теряется много зерна.

В девятой пятилетке ученые встали перед труднейшей задачей: чтобы спасти рожь, ее стебель следует укоротить. Тучнеть и наливаться у злака должен только колос.

Как же ее решили?

Ленинградский ученый Владимир Дмитриевич Кобылянский создал удивительную рожь с могучим колосом. Сорт называется «малыш».

— На помощь мне пришла мировая коллекция Всесоюзно-

го института растениеводства, — вспоминает ученый. — Три тысячи образцов, собранных со всего света, заняли на экспериментальном поле не-

сколько гектаров. В этом живом музее я и обнаружил два растения высотой в пояс — одно из Болгарии, другое — среди гибридов отечественного происхождения.

Так было положено начало родословной «малыша». Даже после скрещивания с великана-

ми ржаного царства новички не льнули к земле. Все их потомство было из породы ванек-встанек.

Теперь из Ленинграда ежегодно во все селекционные центры страны и за рубеж ухо-

дят сотни пакетиков с семенами.

Но... не все так просто. И у коротышей есть свои беды. Они ближе к земле — их больше греет солнце, меньше продувает ветер. А это уже предпосыл-

ки к поражению некоторыми видами грибов. И потом надо добиться, чтобы колос «малыша» чуть-чуть склонялся вниз — тогда около зерен после дождя не будет застаиваться вода. Исследования продолжаются...

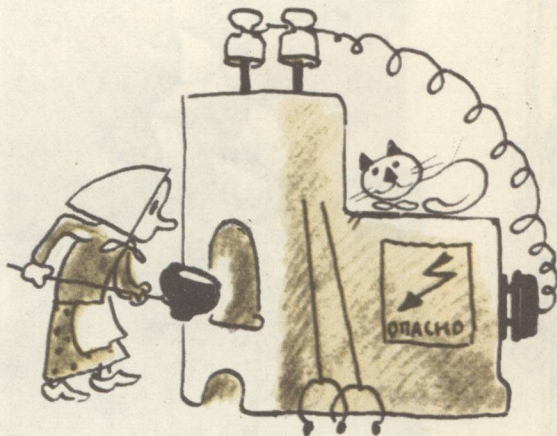
ДОМ ДВУХТЫСЯЧНОГО ГОДА

Если вы спросите в «Заре», как пройти к электрическим домам, никто не удивится. Почему? Есть, оказывается, такие в этом зверосовхозе, где выращивают норок и песцов. Авторами «электродомов», полностью изменивших условия жизни многих тружеников, стали ленинградские ученые.

...Мама попросила дочку вскипятить чай. Та поставила чайник на плиту, повернула пластмассовую ручку и... отвернулась. Нет, это не начало еще одного «противопожарного рассказа». И дочка не допустила оплошности. Просто плите не нужны спички — она электрическая.

А как работает электропечь? Она постоянно раскалена. Достаточно воздуху в комнате охладиться ниже заданного уровня, как сам по себе включается особый вентилятор. Нагретый за ночь почти до семисот градусов блок из огнеупорного кирпича моментально отдаст часть своего тепла. Точно так же за ночь нагревается и необходимая для жителей вода.

Есть еще электрические духовки для приготовления жаркого, электросушилки для белья, электроподогреватели для идущего с улицы холодного воздуха... Словом, полный электрокомфорт!

Специалисты называют электродома «домами двухтысячного года».

СТРАДА КАМЕННАЯ

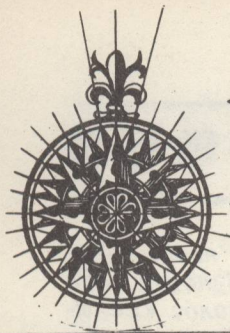
Деловито урчит трактор. Из-под колес вздымаются шлейфы пыли, и в кузов идущей рядом машины гулко падают камни. Уборочная страда? Да, хотя и не совсем обычная: с пашен северо-запада страны удаляются валуны. Занесенные сюда

еще в далекий ледниковый период, они доставляют много хлопот хлеборобам. Камни занимают большую часть полевых площадей — урон от этого огромный!

Устроен комбайн-каменуборщик так. К колесному

трактору прицеплена большая стальная гребенка. Ею тракторист и прочесывает поле на глубину до сорока сантиметров. Мелкие булыжники и крупные валуны по транспортеру отправляются в кузов самосвала.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
О. Зуева

Год издания 20-й

ЧЕМ СЛАВЕН ЭТОТ ГОРОД?

Если спросить тебя, чем славен и знаменит Ленинград, ты, наверное, ответишь: это город Революции, город Ленина. Еще добавишь: Ленинград — город морской славы.

Ну, а чем еще славен город на Неве?

Есть одно знаменитое судно. Оно носит имя великого вождя Революции. Это — ледокол «Ленин». Никакие самые тяжелые льды не могут остановить его. А построен ледокол «Ленин» был в Ленинграде.

...Заглянем немного в историю.

Самый ходкий и маневренный парусный корабль русского флота «Ингерманланд» где был сработан? На невских верфях!

А «потопленное судно» Ефима Никонова, первая в мире подводная лодка? Тоже здесь, на Галерном острове, в секретном сарае...

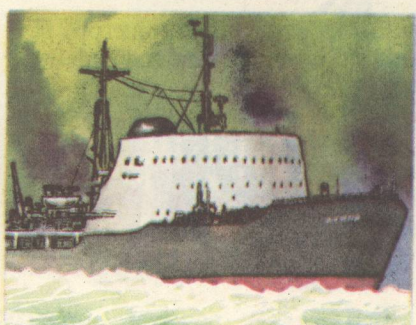
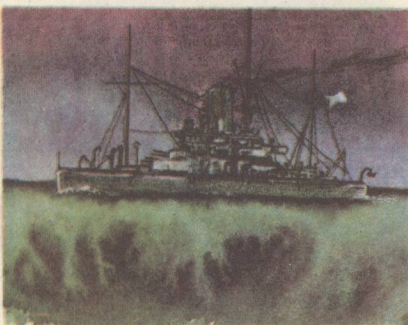
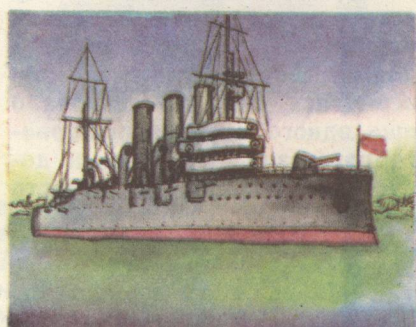
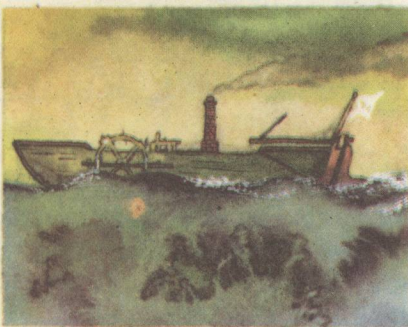
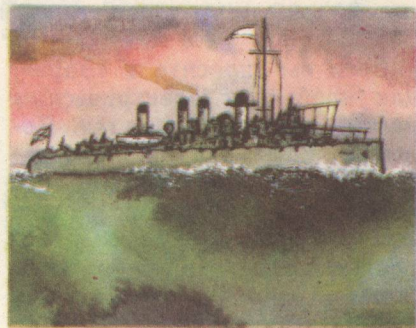
Первый русский пароход «Елизавета»? На невских верфях.

А самый мощный в свое время броненосец «Петр Великий»? Тоже здесь!

Ну, а самый быстроходный эсминец «Новик»? На верфях нашего города был построен и спущен на воду этот корабль...

Нет на земле человека, который бы не слышал о крейсере «Аврора». А ведь построен-то был крейсер тоже на берегах Невы...

Вот какой еще это город — строитель самых знаменитых кораблей!

КОМПАСНЫЙ ЗАЛ

В Ленинграде, на самом берегу Невы стоит старинный дом. В доме — классы, но классы особенные. Зайдешь в одни, и будто попадешь в штурманскую рубку корабля, зайдешь в другой — и ты словно в открытом море, под звездным небом... В этом доме — Высшее Военно-морское училище имени Фрунзе, а в классах курсанты постигают разные морские науки...

Приходит день, и тем, кто окончил училище, адмирал торжественно вручает диплом, офицерские погоны и кортик — символы знания, чести и мужества. Курсанты теперь уже не курсанты, а офицеры советского флота. И дороги их — на моря и океаны...

Но прежде чем уехать на корабли, молодые офицеры приходят в круглый зал этого старинного дома. Пол в зале — громадная картушка морского компаса.

Стрелки румбов указывают все стороны света! В центре картушки — цифра «1701». Это год, с которого училище — бывшая Навигацкая школа — ведет свою родословную. Зал так и называют — Компасный. Здесь, в разные годы, стояли Иван Крузенштерн и Николай Бестужев. Павел Нахимов и Алексей Крылов, Леонид Соболев и Магомед Гаджиев. Они тоже были совсем молодыми офицерами, и все у них было в будущем. Крузенштерн стал первым мореплавателем вокруг света, Бестужев — декабристом, Нахимов — героем Севастополя, Крылов — академиком, Соболев — знаменитым писателем, Гаджиев — отважным подводником, Героем Советского Союза...

И все они, прощаясь с Компасным залом, думали об открытиях и сражениях, путешествиях и дальних плаваниях. И картушка Компасного зала указывала им дороги. Каждому свою. К морям и океанам. И к славе своего Отечества...

„СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ“

Случилось это в первые месяцы Великой Отечественной войны. Построенный на Черном море большой ледокол решили провести в дальневосточный порт, где он был очень нужен... В Эгейском море уже крейсировали фашистские корабли... Однако наши моряки пошли.

Шли ночью, днем отстаивались в бухточках. Фашисты все-таки выследили безоружный ледокол. В атаку помчались торпедные катера. Ледокол с трудом увернулся от торпед. Тогда с катеров застрочили пулеметы. Но пули не пробивали толстые борта ледокола. Катера вызвали подмогу: самолеты-торпедоносцы. От этих не увернешься... Подлетает один самолет, нацеливается. И вдруг — что такое! — с ледокола ударили по самолету чем-то белым, дымящимся... Торпедоносец взмыл вверх, а торпеда шлепнулась в воду и ушла в сторону. Пошел в атаку второй торпедоносец. Но и этому навстречу ударила белая струя. Вторая торпеда была сброшена куда попало, а пилот передал по радио: «Внимание! Ледокол вооружен секретным оружием...»

А это моряки ледокола включили гидромонитор, из которого размывают тяжелые льды. Гидромонитор —

настоящая водяная пушка. На десятки метров достает упругая струя. Пилоты торпедоносцев не поняли, что это такое, и решили: страшное секретное оружие.

Так и ушел ледокол от фашистов.

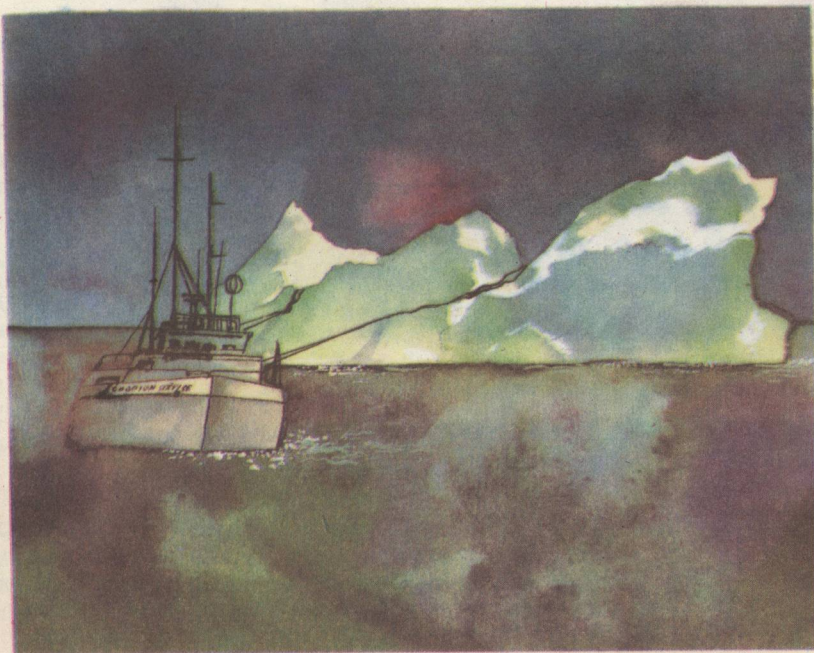
Г. ГУСЕВ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

У канадского буксира «Гудзон Сервис» самая удивительная в мире работа. Он буксирует... айсберги!

Кочующие айсберги — грозная опасность для буровых судов, которые добывают нефть со дна океана близ Ньюфаундленда. Как только поблизости замечают айсберг, буксир тотчас направляется к нему. Обходит вокруг ледяной горы и сбрасывает в воду толстенный канат с поплавками, чтобы канат не тонул. Канат петлей охватывает айсберг. К буксировке все готово. Винты буксира вспенивают воду, и вот уж айсберг двинулся в путь...

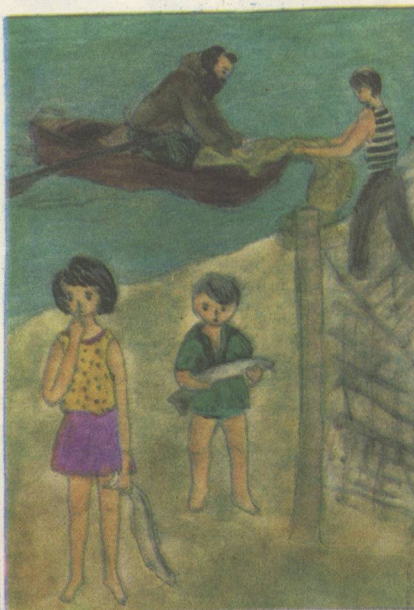
ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Наш клуб действует всего лишь год. Но кое-чему мы уже научились. Мы знаем азбуку Морзе, флаги, вяжем морские узлы. Мы аккуратно ведем судовую журнал нашего клуба. Наш клуб не единственный в Перми. Здесь ребятами затеяно несколько морских клубов.

Мы стараемся во всем походить на настоящих моряков. А после школы мечтаем поступить в морские училища...

Член морского клуба Витя Лыков

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

„УЛОВ РЫБАКА“
Наташа Стулова,
г. Горький

ТРИ ИМЕНИ У ОДНОГО ОСТРОВА

У многих островов в океанах не одно, а два или даже три названия. Скажем, Гаити прежде называли островом Сан-Доминго, а еще раньше — Эспаньолой. Порой — разные названия — результат путаницы или какой-нибудь загадочной истории. Так Шпицберген на многих средневековых картах назывался Гренландией.

В этом году «Морская газета» расскажет — откуда у островов и морей имена. А про Шпицберген и Гренландию вы сможете прочитать в ближайших выпусках. На этот вопрос ответит известный советский историк, профессор Михаил Иванович Белов.

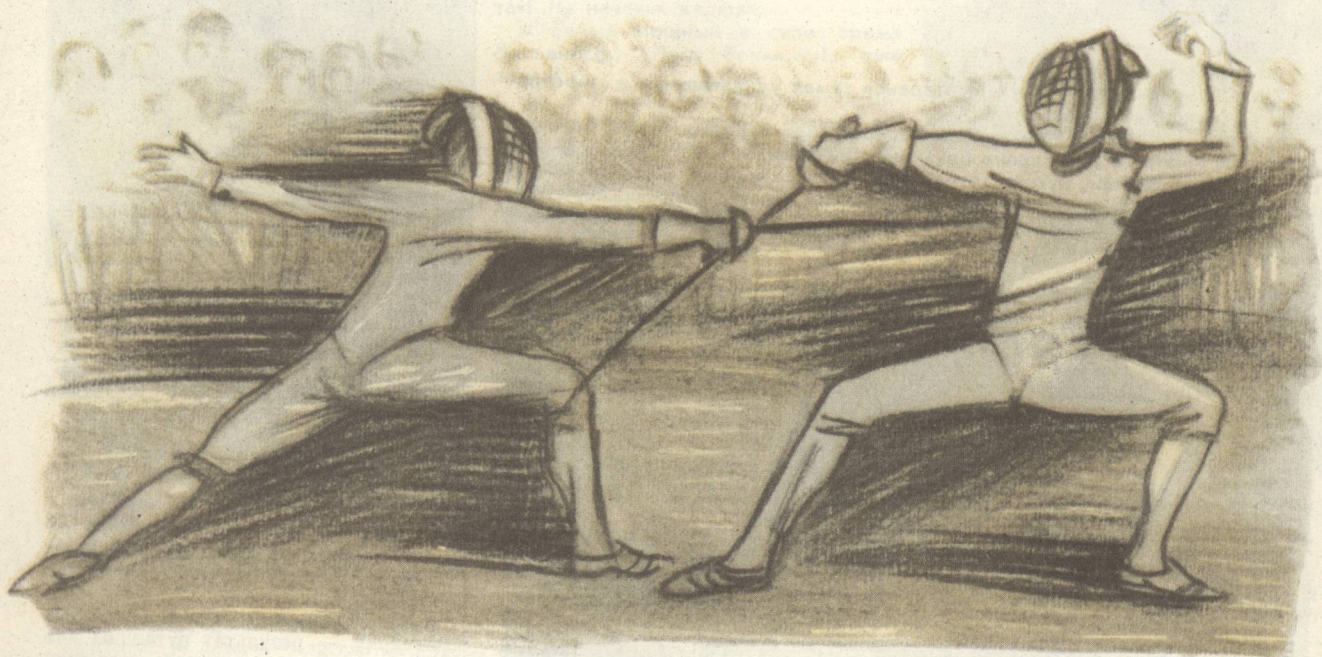

ПЕРВЫЙ БОЙ

Григорий ДЫБЕНКО

РАССКАЗ

Рисунок А. Орлова

Вячеслав Александрович еще не спросил: «К бою готовы?», а я уже знал, как начну этот бой. Мой первый бой. Я брошусь во флешь. Это атака. Стремительная, как стрела.

Я бросился на Самсонова, понесся на него со всей силы и увидел перед собой стенку. Я не мог понять, откуда здесь стена. Повернул-

ся, снял маску. Самсонов стоял посередине зала в боевой стойке. Вокруг все смеялись.

— С открытыми глазами атаковать противника надо, — сказал Вячеслав Александрович. — Продолжайте бой.

Теперь мы ходим в боевой стойке. Совсем как на занятиях. Я делаю шаг к Самсонову,

он отходит назад. Я чувствую, как у меня начинает дрожать левая нога. Еще бы ей не дрожать. Все, кто дрался когда-нибудь на рапирах, знают, что такое левая нога. Это саблисты в боевой стойке стоят сразу на двух ногах, а у рапиристов вся тяжесть тела на левой. И левая нога должна быть готова разогнуться в нужную минуту и бросить тело с вытянутой рукой и с зажатой в ней рапирой вперед, к противнику. Мы все ходим, ходим в боевой стойке. Вокруг снова начинают смеяться. «Ну, атакуй, атакуй», — уговариваю я сам себя и наконец делаю выпад. Самсонов отскакивает, но я тут же подтягиваю левую ногу и делаю еще один выпад, гораздо глубже первого. Самсонов защищается, мой клинок скользит по его гарде. Я колол, принимал защиты, делал выпады и снова возвращался в боевую стойку. Я делал это совершенно автоматически. Слово все, чему учили меня полгода, скапливалось внутри, а теперь вырывалось наружу независимо от меня. А кругом жарница и дышать уже совсем невозможно.

И вдруг бой кончился. Просто Вячеслав Александрович объявил: «Со счетом 3:0 бой выиграл Коля Архипов», и поздравил меня. А я стоял, тяжело дыша, и не удивился бы совсем, если сказали бы, что бой выиграл не я, а Самсонов.

— Руки у тебя хорошо работают, а вот за стойкой следить надо, — сказал Вячеслав Александрович. — Но главное, главное у тебя есть. Помните, что главное в бою? — Вячеслав Александрович посмотрел на всех сразу. — Главное в бою — это злость спортивная. Все время в атаке. Сумей представить, что перед тобой стоит враг. И победить его надо во что бы то ни стало. Вот Коля Архипов молодец. Он сумел представить. А Саша Самсонов растерялся. Так на тренировках хорошо ходил, и выпады у него хорошие, а ни одного укола сделать не смог. Даже не попытался.

Я поискал глазами Сашку Самсонова, но не нашел.

Вячеслав Александрович еще долго говорил о дистанции, передвижении, но я уже ничего не слышал. Все внутри у меня начало дрожать. И я будто слышал, что мне говорят, но к каждой фразе, к каждому слову у меня в голове добавлялось: победил, победил!

— Ты чего улыбаешься? — спросил меня Фимка Райсберг. — Радуешься? Я тоже в следующий раз драться буду, обязательно выиграю.

А я думал о том, как приду домой и сначала ничего не скажу про победу, а потом мы сядем пить чай, и папа спросит: «Ну, как твои дела, фехтовальщик?»

В раздевалке ребята говорили о нашем бое. Все меня поздравляли, смеялись, когда Фимка Райсберг показывал, как я в начале боя мимо Самсонова пробежал и какое у меня лицо удивленное было. И я тоже смеялся со всеми, пока разрядник Малинин не сказал:

— Ты-то ничего — всухую разуделал Самсонова, а он трухля. Ни одного укола нанести не смог. Так струхнул, что вон кепку забыл надеть.

На скамейке лежала самсоновская кепка.

И при виде этой кепки сразу я лицо Самсонова вспомнил, когда он снял маску после боя. Не красное, а бледное. «Поехать к нему надо скорее», — подумал я, видно вслух, потому что Фимка Райсберг тут же засмеялся.

— К Самсонову? Съезди, съезди. А потом он тебе съездит. Он теперь месяц с тобой, наверное, разговаривать не будет.

— А чего ты, Коля, его домой не проводил? — спросил вдруг меня Малинин. — У нас занимался Миронов такой. Он всех, у кого бой выигрывал, домой провожал. Теперь ты давай. Только не надейся, что тебе провожать меня придется. Я тебе бой проигрывать не собираюсь. Я вообще никому проигрывать не собираюсь.

Все засмеялись, а мне было не весело. Я взял кепку Самсонова и выскочил из раздевалки.

Я ехал к Самсонову на трамвае и все думал о нем. Я увидел его первый раз полгода назад. Как-то сразу выделил его из всех ребят, что толпились у входа в зал. У меня так всегда получается: не знаю еще человека, вижу его впервые, а уже чувствую, как мы будем относиться друг к другу.

Он тоже смотрел на меня, а потом побежал по залу. Назвали его фамилию, и он побежал. Подпрыгнул и достал ремень под потолком. Потом подошел к перекладине, подтянулся раз, еще раз, и тут руки его задрожали, а надо было самое меньшее три раза. Он, видно, знал это и начал подтягиваться снова.

— Давай жми, — крикнул я, и Самсонову словно помогли мои слова. Он запрокинул голову к потолку и подтянулся третий раз.

— Ты чего? Чокнулся, что ли? — раздался рядом со мной голос здорового парня. — Его примут, тебя нет.

Но меня приняли, и Самсонова тоже.

— Я очень боялся, что меня не запишут, — сказал мне потом Самсонов. — У меня друзей нет и не было никогда. Потому что я слабый. Понимаешь, я всегда, всюду, был самым слабым. Я вот каждый год жду, что придет новичок в класс и будет он слабее меня. А он не приходит. Приходят все здоровые такие. И сразу все дружат с ними. А со слабыми кому дружить охота. Со мной Абульханов за руку не здороваются. Есть у нас в классе такой Абульханов. Как утром придет, так всем жмет руку, а про меня говорит: «Нельзя ему. Для здоровья вредно. Рука отвалиться может».

— Лучше бы тогда уж в бокс шел.

— Меня б туда не взяли, наверное. Я драться совсем не умею. Ведь я не так слабый, что поднять тяжести не могу, тяжести я поднимаю. А по лицу не могу ударить и вообще никак ударить не могу.

Как-то раз мама меня спросила: «Какой он, твой Самсонов?»

А я вдруг не мог вспомнить, какой он. Только когда в боевой стойке его представил, то вспомнил. Глаза. Он обычно, когда атаковать собирается, такими их огромными делает, что даже через маску заметно.

Я ему говорю:

— Сашка, что же ты в бою делать будешь? У тебя любой противник по глазам поймет, что ты атаковать собираешься.

А он:

— Не знаю, — говорит, — что делать буду. А вообще, когда настоящие мушкетеры в атаку идти собирались, то всегда предупреждали.

Сашка здорово со мной дружить хотел. А потом и мне его не хватать стало. Я и сам не знаю, когда это началось, а только вдруг стал замечать, что сиюю иногда на уроке и о нем думаю. Или в перемену, все бегают вокруг, смеются, а мне чего-то и неинтересно с ними. «Был бы здесь, — думаю, — Самсонов, он бы о мушкетерах рассказал что-нибудь». Он о них кучу историй знал. И где их только вычитывал?

А дома его не оказалось. Я долго нажимал на кнопку звонка, но дверь никто не открыл. Тогда я втиснул кепку в деревянный почтовый ящик.

«Что же с ним могло случиться?» — думал я, когда ехал домой. Представил, как он ходит один по мокрым улицам, и мне стало совсем скверно.

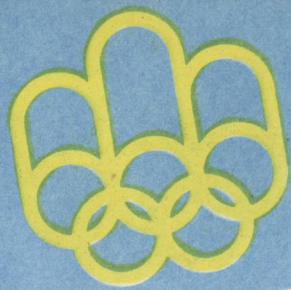
А дома меня ждала записка: «Коля, я на тебя не сержусь. Только на фехтование я больше не приду. Но я не испугался, ты не думай. Я просто не мог тебя колоть».

— Когда он приходил? — крикнул я.

— Кто он? — удивилась мама. — Письмо в почтовом ящике лежало. Папа только что достал. Да ты разденься. Звонил твой тренер, и мы с папой поздравляем тебя с победой.

Он так и не пришел больше в этот зал. А я теперь всегда перед боем буду вспоминать его лицо. И буду прожывать проигравшего противника.

А сейчас... Я снова стою на черной фехтовальной дорожке, протянутой через весь зал. Сейчас меня спросят: «К бою готов?» И я отвечу: «Готов!» И еще через секунду забуду все на свете, буду только атаковать и защищаться. Буду видеть только противника и свою рапиру, которая станет единой с моим телом, мыслями и даже восторженным криком «ола», вырывающимся из горла при атаке. Такое уж колдовство это фехтование, этот спорт.

МЫ — ОЛИМПИЙЦЫ!

Раз в четыре года первого января мы говорим: «Здравствуй, год Олимпийский!» Инсбрук и Монреаль — зимняя и летняя Олимпиада. Белая Олимпиада собирает пока только представителей северных широт. Летние Игры — всемирный форум спортсменов со всех континентов.

Можно искренне позавидовать участникам Олимпийских Игр. Но тем и дороги нам Олимпиады, что и мы с вами тоже принимаем участие в них. Все спортивное движение можно представить в виде пирамиды. Верхняя часть — это рекордсмены, ну, а основание, фундамент, — массовый спорт. И, естественно, уберем основание пирамиды — и она рухнет.

...Ей было 14 лет за 5 лет до Олимпийских Игр в Мехико. Она так же, как и ее сверстницы, мучилась над задачками, волновалась перед экзаменами, ужасно радовалась каникулам. И совсем не думала, что спустя всего 5 лет...

«Изумительно!», «Превосходно!», «Русское чудо!» — все это неслось в эфире над всеми континентами. И все это — в адрес ленинградской школьницы, гимнастки Наташи Кучинской. Переполненный зал в Мехико только и скандировал: «Натали!» Она поражала точностью исполнения трудных элементов, восхищала грациозностью.

И тебе, читатель, сейчас 11, 12, 13 или 14 лет. И как знать, не будешь ли и ты участником XXII Олимпийских Игр, которые состоятся в 1980 году в Москве...

Это будут грандиозные игры. Прежде всего, безусловно вырастут рекорды. Ведь в спорте нет постоянных величин. Даже самое феноменальное достижение через некоторое время будет превзойдено.

Вот несколько прогнозов известных спортсменов уже на ближайшую олимпиаду.

В. БОРЗОВ, СССР, чемпион Олимпийских Игр в Мюнхене в беге на 100 и 200 метров.

— ХОТЯ МЫ СТАЛИ БЕГАТЬ МЕДЛЕННЕЕ, ТАК КАК ЗА НАМИ СЛЕДЯТ ТЕПЕРЬ ЭЛЕКТРОННЫЕ ХРОНОМЕТРЫ, А НЕ СУДЕЙСКИЕ СЕКУНДОМЕРЫ (ВЕДЬ ТЕХНИКА ТОЧНЕЕ НА НЕСКОЛЬКО СОТЫХ СЕКУНДЫ ФИКСИРУЕТ НАШ ФИНИШ), ВСЕ ЖЕ ПОБЕДИТЕЛЬ В БЕГЕ НА 100 МЕТРОВ В МОНРЕАЛЕ, НА МОЙ ВЗГЛЯД, ПРЕОДОЛЕЕТ ДИСТАНЦИЮ ЗА 9,7—9,8 СЕКУНДЫ.

В. КИШКУН, СССР, рекордсмен страны в прыжках с шестом.

— НАШ ПОМОЩНИК ШЕСТ — СОВЕРШЕНСТВУЕТСЯ. БЛАГОДАРЯ ЕМУ, ЧЕМПИОН НА ОЛИМПИАДЕ БУДЕТ ПРЫГАТЬ НА 5,60 ИЛИ 5,70.

И. ШЕВИНЬСКА, Польша, чемпионка Олимпийских Игр, спринтер.

— УВЕРЕНА, ЧТО ВСЕ УЧАСТНИЦЫ ФИНАЛЬНОГО ЗАБЕГА НА 100 МЕТРОВ В МОНРЕАЛЕ «ВЫБЕГУТ» ИЗ 11 СЕКУНД.

В. АЛЕКСЕЕВ, СССР, рекордсмен мира, чемпион Олимпийских Игр.

— КОГДА ГОВОРЯТ: «МОНРЕАЛЬ», — В ГОЛОВЕ ПОЧЕМУ-ТО ВСПЛЫВАЕТ ЧИСЛО 450. ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ В ДВУХ ДВИЖЕНИЯХ ПОДНЯТЬ ИМЕННО СТОЛЬКО КИЛОГРАММОВ.

Дорогой читатель, ты тоже участвуешь в Олимпийских Играх.

Занимаешься ли ты спортом? Сдаешь ли нормы ГТО? Помогаешь ли сооружать спортивные площадки? Рапорты с ответами на эти вопросы ждем от тебя в редакции «Костра».

Разыгрываются 3 комплекта наград — олимпийские сувениры. Кто завоюет их? Узнаем из ваших Олимпийских рапортов. Итоги в конце года.

На конверте писать: «Олимпийский рапорт».

ЛЕТЯЩИЙ

КАЖДЫЙ из нас любит полеты. Вероятно, влечение к ним — глубокая природная потребность. В детстве мы сами летаем во сне, повзрослев, мы учимся водить

планеры и самолеты или смотрим, как это делают другие.

Юрий Овчинников родился, чтобы летать. Судьба привела его не в авиацию, а в фигурное катание. Но и лед послужил для него подходящей площадкой. Специалисты подсчитали, что, ввинтившись в воздух, он пролетает надо льдом более шести метров.

Полеты ему самому доставляют удовольствие, и не меньшее они доставляют публике. Его дар кажется непостижимым даже его товарищам, которые вместе с ним тренируются на катке. Однажды был проведен следующий опыт: фигуристы в тапочках прыгивали с возвышения и тут же отталкивались от пола, специальный прибор фиксировал силу их мышц. Овчинников оказался одним из последних. Но стоило ему надеть коньки, и все его тело устремилось ввысь и он взлетел выше всех.

Об Овчинникове специалисты и публика заговорили давно. Его прыжки поражали всех. Казалось, кроме них, ничто для него не существует. Сейчас это спортсмен с богатой техникой, но полеты остаются его коронным номером.

Спортивная судьба Овчинникова складывается трудно. На первенстве Европы в 1970 году он стал вторым в произвольном катании после Ондreja Непелы, успешно дебютировал на международном чемпионате. Но последующие годы скорее изобиловали неудачами, чем победа-

ми. «Школа» — слабое место — ленинградцев, сторонников артистического катания — постоянно подводила Овчинникова.

К олимпийским играм он подготовил новую произвольную программу на музыку Равеля, включив в нее четыре тройных прыжка. Такого еще никто не отважился делать. Судьи, к сожалению, новаторства его не заметили. Это и не удивительно, он состязался в группе слабейших. Тогда-то Юрий понял, что самый главный враг спортсмена — его собственное сомнение в своих силах, неуверенность в будущем. Он оказался в тупике. Но он знал, что отступить нельзя. Отец его — моряк, приучил Юрия во всяком деле идти до конца, не сворачивать в сторону. Вернувшись из Саппоро неудачником, он дал слово отцу не бросать спорта, не отказываться от борьбы.

Он многое пересмотрел из своего прошлого, пытаясь найти причины своих ошибок. Он понял главное, что нельзя изменять себе, своему характеру. Он снова стал кататься под музыку из «Вестсайдской истории», обогатив программу новыми элементами.

Вот как говорит он сам:

— У меня к прыжкам разное отношение. К одному я подхожу очень жестко, к другому — ласково, к третьему — осторожно. Эти внутренние отношения придают, на мой взгляд, программе теплоту и одушевленность. Я не люблю механического катания, в котором видна зубровка.

Зачастую поражение приносит не меньшую пользу, чем победа. Оно счищает с человека ржавчину самолюбования и успокоенности, оно наглядно показывает ему несовершенство. И вскоре Овчинников с новым пылом ринулся в спортивные сражения.

В 1973 году он выигрывает Малую золотую медаль на чемпионате СССР и повторяет свой успех на чемпионате Европы. В произвольной программе он побеждает таких известных мастеров, как О. Непела, С. Четверухин, Я. Хоффман, Д. Карри.

В конце сезона он получил серьезную травму, и в 1974 году с трудом вернулся в группу сильнейших в Европе. Но в середине этого же года у него начался новый этап в спортивной жизни, когда его тренером стал Алексей Николаевич Мишин. Вообще переход к новому тренеру — всегда большой риск. Это было оправдано тем, что Юрий нуждался не только в наставнике, но и в друге.

Вместе с тренером Мишиным и хореографом Тагуновым он разрабатывает новую композицию на величественную музыку Баха. Оказалось, что ему нравятся не только лихие прыжки, но и сюжет и сильные чувства в фигурном катании.

Выступление Овчинникова на чемпионате СССР в Киеве...

Такого взлета от спортсмена не ожидал никто! Звучала мощная музыка Баха, и в ней парил фигурист, словно планер, подчиняющийся движению воздушных потоков. Судьи были восхищены не меньше зрителей. Шестнадцать оценок из тридцати шести они выставили максимальные — 6 баллов.

Юрий Овчинников был провозглашен новым чемпионом страны.

— Мой принцип в фигурном катании — идти своим путем, не пытаюсь никому подражать, — сказал он тогда журналистам. — ...И очень рад, что именно этот путь привел меня сегодня к высшей ступени пьедестала почета.

**Вадим Нечаев
Оформление
Б. Петрушанского**

„ЛЕНФИЛЬМ“ ГОВОРИТ:

С НОВЫМ

Зимняя встреча
СЕРИЯ

22

Новогодний репортаж
со студии „Ленфильм“

ПОЧТА КИНОКЛУБА

НАША АФИША

ВКЛЮЧАЕМ
ВОЛШЕБНЫЙ ТЕЛЕВИЗОР

В Ленинграде стояла осень. Желтыми ветвями махали деревья за окнами киностудии «Ленфильм», сухие листья усыпали дорожки между павильонами. И тем не менее директор студии Виктор Викторович Блинов сказал:

— Можете поздравить нас с Новым годом!

Читателям нашего киноклуба это, конечно, не покажется странным: фильмы создаются не один день.

— С каким же фильмом нового года вас познакомить? «Синяя птица», знаменитая сказка Метерлинка? Сейчас она ненадолго улетела от нас в Калифорнию. Там студия «XX век Фокс», с которой мы вместе делаем эту картину, занимается монтажом ленты.

А вот еще фильм «Чужие письма». О девятикласснице, девушке угловатой, ершистой. С ней подружилась молодая учительница. Дружба помогает девушке стать лучше, мягче, сердечнее. Этот фильм ставит режиссер И. Авербах.

А может вам интересна «Степанова памятка»? Сценарий написал и ставит наш режиссер К. Ершов по сказам П. Бажова «Хозяйка Медной горы» и «Малахитовая шкатулка»...

А впрочем — некоторые фильмы еще снимаются. Сходите посмотрите!

И мы отправились... в объединение «Электросила». Здесь, в аппаратном цехе на конвейере работает знаменитая

Режиссер И. Усов
репетитрует с актерами

Актриса В. Кособуцкая
Она же в гриме Бабы-Яги

Гример готовит к съемкам
Кота—М. Боярского

Оформление Г. Никеева

ГОДОМ!

в стране бригада. Ее бригадир Степан Степанович Витченко был военным, а когда ушел в отставку, то собрал на «Электросиле» «трудных» подростков и создал из них образцовую бригаду. Сейчас эта бригада носит имя 50-летия ВЛКСМ, имеет грамоты Центрального Комитета комсомола.

Но в этот день за конвейером сидели не ребята из бригады Витченко, а другие — те, кого пригласили сниматься в фильме «Полковник в отставке»

Идет съемка фильма «Полковник в отставке» В центре группы подростков вы видите их наставника, бывшего полковника. Его роль исполняет заслуженный артист Украинской ССР Николай Гринько

Маши». Фильм — цветной и музыкальный, очень много в нем песен, танцев — все персонажи поют и танцуют. Снимаются в нем, кроме взрослых актеров, бойкая дошкольница Наташа Симонова (Маша) и тихий задумчивый второклассник Юра Нахратов (Витя, Машин друг), который все время, пока не снимался, читал не отрываясь журнал «Наука и жизнь».

(режиссер И. Шешуков). Почти все юные актеры — учащиеся профтехучилищ. Будущий резчик-реставратор, будущий чеканщик, мраморщик-гранитчик, регулировщик АТС... Но работать на конвейере ребята умеют по-настоящему. До начала съемок их научила этому бригада и сам бригадир. Аню Гуляренко, единственную в картине девочку, Степан Степанович даже звал в бригаду.

С «Электросилы» мы отправились на съемку сказки. Что за праздник Новый год, да без волшебства?!

Режиссер И. Усов (он ставил фильм «Мой добрый папа») репетировал с актерами «Новогоднего приключения

В примерной мы увидели седую и злую Бабу-Ягу — ее играет молодая и веселая артистка ленинградской оперетты Валентина Кособуцкая — и хитрого Кота (артист Михаил Боярский).

Кот сказал нам, что «Новогодние приключения» выйдут в эфир по первой программе Центрального телевидения 31 декабря и 1 января, а это значит, что из всей огромной киностудии «Ленфильм» они первыми скажут ребятам «С Новым годом!»

И Кот важно покрутил свои роскошные усы.

Беседовала Г. ГЕОРГЕ
Снимал Е. Синявер

ВКЛЮЧАЕМ
НАШ
ВОЛШЕБНЫЙ
ТЕЛЕВИЗОР

Сегодня все члены кино клуба собираются вокруг нашего ВОЛШЕБНОГО ТЕЛЕВИЗОРА.

Поплыли по экрану строгие неяркие северные просторы. Окраина нашей Родины. Колыма...

А вот юноша дрожащим от волнения голосом декламирует: «Вороне где-то бог...» — идут экзамены в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии.

А на следующих кадрах — маленький мальчик и старый доктор, улыбаясь, разговаривают друг с другом...
Сегодня на нашем телеэкране —

ЧЕЛОВЕК С КИНОКАМЕРОЙ

Вы уже привыкли к тому, что в титрах первым всегда ставится имя автора сценария.

Вторым в титрах назван режиссер. Третье имя в титрах — оператор, человек, в чьих руках кинокамера.

А вот в кино, о которых сейчас пойдет рассказ, титры выглядят иначе. В них написано коротко: «Автор фильма Владислав Виноградов». Он и сценарист, и режиссер, и оператор. Конечно, ему помогают товарищи по творческой бригаде: звукооператор, художник, редактор. Но Виноградов сам придумывает план будущего фильма и сам снимает его.

Все началось с фотоаппарата.

В день рождения бабушка подарила ему «ФЭД». С тех пор Слава не выпускал из рук скрипящий коричневый футляр. Скоро были сфотографированы все родственники и друзья.

Слава видел, как по-разному выглядят один и тот же предмет при электрическом свете и на солнце, в рассветных лучах и при вечерних сумерках. А как меняется человеческое лицо в задумчивости, радости, гнев!

Дед был художником. Однажды он посмотрел снимки внука и сказал ему, что есть в Москве институт, где готовят операторов кино.

И Слава, окончив школу, поехал держать экзамены во Всесоюзный Государственный институт кинематографии. Конкурс был пятьдесят человек на место. Но все же он стал студентом. Его приняли в мастерскую профессора Леонида Васильевича Косматова — знаменитого советского оператора.

«Глаза — зеркало души, — любил повторять мастер. — Старайтесь выявить глаза! Только не высвечивайте их нарочно! Выбирайте незаметно такое положение камеры, чтобы вам удалось заглянуть в глаза...»

После окончания института Владислава направили работать в Ленинград, на студию телевидения. Захлестнула работа. Один художественный фильм, второй, третий... На съемках декораторы воздвигали фанерные стены, бутафоры ставили на стол утварь из папье-маше, гримеры накладывали тон на лицо актрисы, увеличивали краской глаза, меняли прическу. Владислав снял эти фильмы превосходно, молодого оператора хвалили.

Но мечтал он о другом.

Виноградов снял свой первый авторский фильм о реставраторах Кижей — «Кузьмич и другие». И с этого момента окончательно ушел в кинодокументалистику.

Где отыскивает он темы для своих фильмов? Ответить на этот вопрос не трудно: в жизни.

Каждый год десятого февраля люди приходят в последнюю квартиру Пушкина, в Ленинграде, на Мойке, 12. Известные современные литераторы читают здесь стихи Пушкина, рассказывают о поэте. Традиция не была нарушена даже в лютую блокадную зиму. Из этого факта родился фильм «10 февраля, в 3 часа пополудни...»

Давно хотелось сделать картину о тех, кто мечтает стать артистом. Тысячи мальчиков и девочек и не подозревают, что в этой профессии есть свои сложности, стать артистом может далеко не каждый, но нет, они рвутся только в артисты.

Летом Виноградов пришел со своей камерой на вступительные экзамены в Театральный институт. День за днем он наблюдал, как вчерашние школьники перед приемной комиссией читали басни, стихи, танцевали, пели, играли отрывки из спектаклей. Так появился фильм о выборе своего места в жизни, о таланте, этой единственной мере в искусстве.

С ручной кинокамерой «Конвас»

Кадры из фильма „Доктор!“

Владислав Виноградов отправился в путешествие по странам Балтийского моря. На теплоходе познакомился с Евгением Николаевичем Моряковым. И уже не смог не снять киноленту об этом человеке. Так возник телевизионный документальный фильм «Токарь».

Вместе со звукооператором и ассистентом Виноградов прошел по Колымскому тракту, карабкался по кручам сопки, помогал лошадям, навьюченным съемочным багажом. Поднялись к семидесятой широте, вышли на побережье Ледовитого океана, к золотому прииску «Ленинградский».

А через три месяца в переполненном просмотровом зале Виноградов показывал новую ленту «Золото».

Мощная струя гидропушки выносила каменные глыбы, застилая все вокруг пеленой брызг. Сквозь белую мглу шли ревущие бульдозеры с включенными фарами, и напряженное лицо водителя напоминало лицо танкиста в бою...

Золотоискатели и золотодобытчики говорили каждый о своем и по-своему, но суть была общей:

— Не золото стоит над нами, а мы — над золотом... Оно для нас — полезное ископаемое, такой же металл, как любой другой.

Каждый, даже короткий двадцатиминутный фильм — месяцы раздумий, бессонных ночей, кропотливого труда.

Вот фильм «Доктор!», посвященный знаменитому детскому врачу, профессору Александру Федоровичу Туру.

Сколько детей вылечил за свою жизнь А. Ф. Тур?! Сто тысяч? Двести? Или еще больше?

Неделями Виноградов снимал доктора в клинике: обходы палат, беседы с больными детьми.

Александр Федорович казался человеком, который никогда никуда не спешит. Но что бы он ни делал — время от времени он поглядывал на циферблат больших карманных часов.

И Виноградов подметил это, провел сквозь весь фильм тему времени, которого в жизни человека как будто и достаточно, и вместе с тем — до обидного мало.

— В чем секрет документальной съемки? — Виноградов улыбается. — В терпении и выдержке. Любая съемка состоит из длительного ожидания: ждешь, чтобы собеседник был в нужном мне настроении, чтобы свет был такой, какой требуется, чтобы природа была в определенном состоянии... В общем — ловишь счастливые мгновения... Словно снайпер в засаде — ждешь, когда нажать кнопку кинокамеры...

Современная съемочная техника позволяет кинокамере быть незаметной, находиться в отдалении от человека, которого снимают. Не мешать ему делать свое дело.

Съемка длится четыре, пять, шесть часов подряд, человек с камерой все время на ногах, слух и зрение предельно обострены. И, конечно же, оператор не просто ждет, когда включить камеру. Он работает с людьми, которых снимает, стремится создать у них желаемое настроение, он умеет «разговорить» собеседника, завоевать его доверие, вызвать к откровенности. То, что делает Виноградов на съемке, объединяет в себе работу кинематографиста и журналиста.

И вот — съемочный период окончен. Начинается монтаж.

В комнате, где установлен монтажный стол, — груды круглых металлических коробок. В одних куски киноленты с отснятыми кадрами, в других — рулоны широкой коричневой пленки с магнитной звукозаписью — речи, музыка, шумы.

— Это — самое сложное, — говорит Виноградов. — Из всего, что снято, собрать картину. Из тысячи метров киноленты выбрать всего пятьдесят, но склеить куски так, чтобы все соединилось по смыслу. Сокращать, где только можно, но не отклоняться от главного. Если мысль перескакивает с одного на другое, картина будет напоминать езду по ухабистой дороге...

Монтаж в кино чем-то похож на труд стихотворца. Постепенно, из множества черновиков складывается стихотворение.

Так же рождается и кинофильм.

Ю. ГОЛУБЕНСКИЙ

В одном из выпусков киноклуба мы рассказали вам о картине киностудии «Ленфильм» «В то далекое лето».

Киноклуб получает письма, в которых ребята делятся своими впечатлениями о фильме.

МНЕ ПОМОГАЕТ ЛАРА МИХЕЕНКО

Раньше у меня был плохой характер. Но, посмотрев фильм «В то далекое лето», я решила изменить свой характер. Сперва у меня не получалось, но однажды вечером мы с подружкой обдумали картину. Я долго не могла уснуть, все думала о Ларе. Ведь вон она какая смелая! А я смогу ли быть такой? Неужели не смогу?

Теперь я изменилась. Совсем другим человеком стала — даже мама удивляется. И если я сделаю что-нибудь плохое, то вспоминаю Ларису и исправляю свою ошибку.

Фая Ямалетдинова,
ст. Туймазы

ЕЕ КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

То далекое лето... Начались длинные и веселые школьные каникулы. Тихая речка, высокое небо, хорошие подружки, веселые песни. Вот только жена дяди Трофима все время ворчит, невзлюбила девочку. За что? Дядя отмалчивается. Через месяц он станет старостой

в селе и наденет на рукав повязку с ненавистным фашистским знаком.

А она с бабушкой будет жить в сарае, днем работать, вечером с замиранием сердца слушать злобный лай собак.

Ночь. Тихо встает бабушка с кровати, достает свернутый в комочек пионерский галстук внучки. Сейчас он опасен: если фашисты найдут его, для Ларисы это может плохо кончиться. Вот уже пламя тронуло лоскут красного сатина. «Бабушка! Что ты делаешь?!» — Лариса срывается с кровати и выхватывает из огня галстук.

«Внученька, ну давай хоть закопаем его...»

«Нет, бабуля, закапывают только мертвых, а галстук живой, живой!»

Потом Лара уйдет к партизанам, будет помогать раненым. Рискуя жизнью, придет к своей бабушке, хорошо знающей лечебные травы, за помощью.

Ей было 13. И она отдала эти 13 лет нам, эта маленькая девочка с большим, добрым и смелым сердцем.

Я, девчонка семидесятых, не видела войны, но и сейчас, че-

рез 30 лет, когда смотрела этот фильм, чувствовала ее кровавый холод.

Фильм заставляет задуматься сегодняшних девчонок и мальчишек: «А я смог бы?», «А смогла бы я?»

Да, галстук живой, в нем клятва, что давала Лариса Михеенко, вступая в пионеры, в нем то заветное, что было у нее за коротенькую жизнь.

В нем — завет нам, сегодняшним пионерам и комсомольцам, от пионеров-героев, от всех, кто в войну стал солдатом Родины.

Марина Бережная,
Ленинград

НАША АФИША

НОВЫЙ ФИЛЬМ

Эти фильмы вы не увидите в кинотеатре. Они не пойдут на экранах телевизоров. Вам покажут их в школе, прямо на уроке.

Три первых фильма — «Настоящий товарищ», «Наши добрые дела», «О смелости» — сейчас заканчивает на киностудии

«Леннаучфильм» режиссер Валентина Матвеева и оператор Геннадий Переверзев. А будет таких лент много.

Прежде учительница читала по книжке рассказы, и вы потом писали изложения. А теперь на помощь учительнице пришло кино. Вы увидите рассказы на экране.

ПОМОЩЬ ПТИЦАМ

Несколько лет зимой у меня кормятся птицы. Они едят крупу, булку, пшено. Сало я подвешиваю к веткам. Соленое сало не даю, потому что птица, поклевав соленого сала, захочет пить. Она клюет снег и простужается.

Каждую зиму к нам прилетает синица и стучит клювом в стекло. Она как бы говорит: «Принимайте гостей!» Только мы подвесим сало и насыплем еду в кормушку, как из леса прилетает целая стайка синиц. Синицы поедят, сядут на дерево под нашим окном и зашвистят на разные лады.

*Витя Тихомиров,
поселок Красово,
Ленинградская область*

ЧЕЙ ДОМ?

Настала зима. Улетели перелетные птицы, а зимующие искали себе заброшенные гнезда для ночевки. Но есть птицы, которые не покидают своих гнезд и ночуют там всем выводком. Это — ремезы.

Однажды квартира ремезов оказалась занятой. Один ремез полез было в гнездо, но сидевший там крапивник долбанул его в лоб. Однако январский холод давал о себе знать, и, наконец, один из ремезов закрыл глаза и полез в гнездо. Но крапивник вытолкнул ремеза и сам выскочил наружу и начал преследовать его на полянке. Остальные ремезы не упустили момент — все юркнули в гнездо. Вскоре туда ворвался тот ремез, что удирал от крапивника. За ним влетел и крапивник. Но удивительно — там стало тихо. Решили наверное: чем теснее, тем теплее... Однако потасовки по вечерам между ремезами и крапивником продолжались всю зиму...

*Равиль Лайтыпов,
Ижевск, Удмуртская АССР*

Раздел ведет писатель **Н. СЛАДКОВ**

Оформление **Т. Соловьевой**

Тихо в лесу. Все замерло под белым покрывалом. Спят деревья, склонив отяжелевшие от снега ветви. Укрылись в норах звери. Не слышно голосов птиц... Но прислушайтесь, приглядитесь получше: природа и зимой не спит, жизнь продолжается.

Этот выпуск «Зеленых страниц» сделан по материалам наших юнкоров. Уж они-то умеют подметить все интересное из жизни природы.

КАК Я ПОМОГ ВОРОБЬЯМ СТРОИТЬ ДОМ

Каждую зиму у нас кормятся воробьи. Однажды я увидел во рту у воробья кусочек ваты. Он нес его для гнезда. Я захотел помочь воробьям строить гнезда. Повесил кусочки ваты на веточку, к которой мы с мамой привязываем кусочки сала для птиц. Веточка эта прибита к наружной раме окна.

Вернувшись из школы, я посмотрел на веточку: ваты там не было. Я снова развесил вату и стал наблюдать. Чтобы воробьи меня не заметили, я взял большой картон и проделал дырки для глаз. Сажу за картоном тихо-тихо. Воробьи сели вокруг веточки, чирикают и ждут. Наконец, один воробей взлетел на ветку и клюнул вату. Тогда и другой подлетел, схватил вату и улетел... Потом третий, четвертый... Потом я уронил картон и воробьи разлетелись...

Сейчас, когда я сел, чтобы записать все происшедшее, воробьи сидят у окна и ждут, когда я уйду из комнаты, чтобы они могли снова таскать вату...

*Всеволод Андрианов,
5-й класс, Новгород*

«Я хочу взять для воспитания щенка-овчарку. Что нужно читать о воспитании четвероногого друга?»

*Ира Листопадская,
г. Бердск*

Тук-тук, дорогая Ира! О воспитании и дрессировке собак ты можешь прочитать в следующих книгах и журналах:

1. Михайловский А. В. ВОСПИТАНИЕ ЩЕНКА. М., ДОСААФ. 1971
2. Твой друг. СБОРНИК ПО СОБАКОВОДСТВУ. М., ДОСААФ. 1973
3. СЛУЖЕБНАЯ СОБАКА. Учебное пособие. М., ДОСААФ. 1972
4. Рябинин В. С. ВОСПИТАЙ ДРУГА. Юный натуралист, №9—10, 1971

«Я с детства мечтаю стать дрессировщиком и поэтому воспитываю в себе выдержанность, терпение и мужество. Пока еще я дрессирую моих кроликов, и они меня почти слушаются. Я уже учусь в седьмом классе и очень люблю животных. Я никак не могу найти книги про дрессировку животных. Пожалуйста, помогите!»

*Саша Карнов,
Кировская область*

Тук-тук, дорогой Саша!

О поведении животных читал я хорошую книгу английского автора. Советую и тебе ее прочитать. Ты узнаешь, какие животные легче поддаются дрессировке и как их дрессировать. Называется книга «Поведение животных», автор Н. Тинберген. Книга выпущена издательством «Мир» в 1969 году, в Москве.

Тук-тук! Довожу до сведения всех, кто желает заняться дрессировкой животных, что весьма подходящие для содержания дома животные: белые крысы и мыши, хомячки, морские свинки, бурундучки, белки-летяги, суслики. Хомячков лучше всего содержать в аквариумах, так как сетку они могут прогрызть и убежать. Морских свинок, летяг можно держать в деревянных клетках, а остальных грызунов — только в металлических.

**СТАРЫЙ ДЯТЕЛ,
ЗАВ. СПРАВОЧНЫМ ОТДЕЛОМ**

ГОЛУБИ

На голубятне у наших голубей вывелись птенчики. Было это так. Утром я прибиралась у Байки и Черзы в гнезде.

Вдруг под перьями у Черзы я заметила маленькую головку с большим пивком. Птенчиков было два. Росли они очень быстро, и вскоре у них появились перья. Сначала я удивилась: как голуби-родители кормят своих детей? Как-то я открыла дверцу и увидела: Байка раскрыл клюв, а голубята сунулись своими клювами к нему. Птенцы очень пищали. Я боялась часто наведываться к ним, чтобы не пугать. Однажды я тихонько поднесла палец к птенчику, но быстро отдернула руку: голубенок распушился и клюнул мой палец...

Когда птенцам было по две недели, Черза снесла еще одно яйцо...

*Фагима Тагирова,
г. Сибай, Башкирская АССР*

Это
мои
Байка
и Черза

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В 1976 году «Зеленым страницам» требуются юные художники, фотографы и рисунки животных, растений и насекомых направлять Ученому Секретарю «Зеленых страниц» — ТУШКАНЧИКУ.

ВЕРНОСТЬ

ИЗ ДНЕВНИКА ЭНТОМОЛОГА

А. БАТУЕВ

В юннатском кружке Дома пионеров у меня занималась ученица Валя Кулачкова. Она увлеченно работала и уже была награждена Министерством сельского хозяйства за наблюдения над сосной.

Однажды Валя сказала мне, что может достать грену (яйца) тропической бабочки — китайской дубовой сатурнии и палочка — экзотического насекомого из отряда приведеневых.

Валя сдержала слово, но это произошло 22-го июня 1941 года, когда фашисты напали на нашу страну. Началась война. Все разом изменилось. Из жизни ушли покой, тишина, радость. И подарок Вали уже не мог вызвать былого интереса.

Я невольно задал себе вопрос: а доживу ли я до того дня, когда вылетит первая исполинская бабочка? И на каком месте оборвется мой дневник?

Прощаясь, Валя сказала: «Вы счастливый человек, прожили уже жизнь, а каково нам, кто ее только начинает?!» Ей, семнадцатилетней, казалось, что я уже достаточно пожил. Увы! Наверное, и до ста лет мы так же любим жизнь.

Валя ушла, а я занялся подарком. Яйца тропической бабочки не отличались от грен наших шелкопрядов. А вот у палочников они имели форму крошечной фляжки, слегка сплюсненной с боков, с горловиной и даже как бы с пробочкой. Они настолько не походили на яйца насекомого, что их скорее можно было принять за семена. Лучший корм для палочников — традесканция.

Я вспомнил, что на Петроградской стороне у моих знакомых я видел горшочки с этим растением, и поспешил к ним.

— Берите хоть все, — предложили они. — Теперь это никому не нужно.

Я возвращался домой. Вечерело. Кончался самый длинный день и начиналась самая короткая ночь. По улицам пронеслись военные машины, проходили воинские подразделения, словно каких-то гигантских серебристых чудовищ, вели баллоны воздушного заграждения. Ленинград готовился к первой военной ночи. Он

был как всегда прекрасен, и тяжело было думать, что сюда придут смерть и разрушение.

Наконец наступила ночь. В воздушное пространство над городом вторглись вражеские самолеты. Захлебываясь, били зенитки.

До конца августа в городе бомбежек не было, но тревоги объявлялись часто.

29 августа через Мгу ушел последний эшелон из Ленинграда.

Давно из грены вылупились крошечные черные личинки. После первой личинки они сбросили мрачный наряд и стали нежно-желтого цвета. Они быстро росли и становились все наряднее. Их тело покрывали цветные помпоны, окруженные ресничками. Лишь в конце августа появились на свет, точно чертики из живых ниток, шестиногие крошки палочники. Шелкопрядов было сто двадцать пять, а палочников — пятьдесят шесть.

С питанием палочников хлопот не было — подаренной традесканции хватало, а вот прожорливые гусеницы сатурнии приводили меня в отчаяние.

Я работал на оборонных работах — рыл окопы, строил пулеметные гнезда — и не успевал носить им корм в нужном количестве, но меня выручил мой тринадцатилетний друг — сосед Шурик. Мальчик регулярно стал приносить дубовые венки.

Но вот настало время окукливания. Исполинские гусеницы длиной в 9 сантиметров стали запрягаться в продолговатые коконы. В начале постройки кокона за гусеницей можно было наблюдать, но незадолго до превращения в куколку она замазывала паутину изнутри и кокон становился непроницаемым.

Наступила осень. Как-то вечером я стоял, опершись спиной о кафельную печь. В репродукторе выла сирена — еще одна тревога. И вдруг раздался страшный грохот. Земля содрогнулась. Наш дом словно присел, и кафельная печь с силой толкнула меня, отбросив на середину комнаты. Где-то рядом разорвалась бомба весом в тысячу килограммов.

С этого дня каждый вечер на город

сыпались бомбы. Выли сирены, непрерывно били зенитки. Мы научились по вою бомб угадывать, куда они упадут. Спать по ночам стало невозможно.

Фашисты находились за четыре с небольшим километра от Кировского завода и отсюда вели артобстрел города. Как только начинался огневой налет врага, радио предупреждало: «Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение транспорта прекратить, пешеходам укрыться!»

Как ни странно, артиллерийский обстрел не действовал на меня никак. Я мог спокойно заниматься своим делом, а бомбежки вызывали крайнее напряжение и подавленность. И вот в эти ужасные дни и родилась первая сатурния — гигантская красновато-оливковая бабочка с оливковым оттенком.

Как радовался Шурик, увидев рядную экзотическую бабочку. Она не только красива, но ее разведение имеет большое промышленное значение — из ее коконов делают ткань — чесучу. С каждым днем бабочек становилось все больше. Пока в комнате горел свет (окна были замаскированы темными шторами), бабочки спали. Свет гасили — и сатурнии начинали кружиться по комнате. Не раз приходившие к нам знакомые оказывались застигнутыми бомбежкой. «Что это шелестит?» — с беспокойством спрашивали не посвященные в наши энтомологические занятия друзья. «Это летают бабочки», — отвечал я, и каждый раз мое пояснение вызвало недоуменный вопрос: «Бабочки?!»

После отбоя воздушной тревоги зажигался свет, и на абакур пикировали гигантские палевые бабочки. Эффект был неизменный! Потрясенные невиданным зрелищем люди на какое-то время забывали об ужасах войны, с интересом рассматривали ажурный рисунок фигурных крыльев, достигавших в размахе пятнадцати сантиметров. К сожалению, век этих бабочек очень недолгий, так как, не имея ротовых органов, они не питаются. Наши отечественные бабочки ванессы, вылетевшие из куколок в августе, зимуют и, проснувшись на следующую весну, иногда доживают до конца июня, а сатурнии живут от четырех до восьми дней! Целый месяц нашу безрадостную жизнь скрашивали чудесные исполинские бабочки. Но в квартире становилось все холоднее, а бабочек все меньше.

Несмотря на ранение, болезнь, голод, я продолжал вести свой энтомологический дневник. Уже по ночам замерзала вода. Казалось, тропические бабочки все погибли, но стоило затопить «буржуйку», и опять слышался шелест крыльев — очолевшие от холода бабочки оживали. Шелкопряды отложили грену, и второе поколение сатурний появилось в моей комнате, но им не суждено было вырасти — пришла зима. А палочники продолжали «держаться».

Кругом гибли люди. Из четырнадцати человек, которых сроднила война, нас осталось только четверо, в

том числе и Шурик. Казалось бы, совсем недавно мы рыли окопы, дежурили на крыше, тушили зажигалки, вместе слушали сообщения Совинформбюро, разбирали разрушенные здания, но неумолимый голод делал свое страшное дело. Мы превратились в тени.

Нашей основной пищей стал столлярный клей. Его сперва размачивали, мыли, клали в подсоленную воду и, добавив туда перца, лаврового ли-

Один палочник был еще жив. Последний из пятидесяти шести! Мы с мамой назвали его «Невидимка», так хорошо он умел маскироваться.

Как он, житель тропиков, перенес зиму в почти неотопляемом помещении — непонятно. В марте из-под снега появились первые цветы мать-и-мачехи, и Невидимка их охотно ел. В апреле мне повезло — я достал горшочек с плющом. Палочник отгрыз лист и маскировался на стебле, укреп-

успешно. Однако проходило несколько дней, и я вновь находил его обновленным, перелинявшим, на старом месте.

Двенадцатого июля 1942 года мы с мамой должны были эвакуироваться из Ленинграда, и вот Невидимка снова исчез. На этот раз я искал особенно тщательно, но так и не нашел беглеца.

Нелегко оставлять родной дом. А то, что Невидимка исчез в такой мо-

ста и горчицы, варили — и это казалось вкусным, а клейстер из отрубей считался за редкое лакомство. Водопровод и канализация не работали, электричества не было. Мы опухали от голода, спали в зимних пальто. Но несколько экземпляров дубовой сатурнии я расправил, и теперь, когда я вижу этих бабочек в своей коллекции, мне не верится, что эта филигранная работа сделана в те страшные дни блокады при свете коптилки.

В городе не осталось ни голубей, ни воробьев, ни собак, ни кошек. Зима подходила к концу, наступил март.

пившись задними ногами и отклонив все тело под углом в сторону в виде отростка. Усики складывались, конечности убирались в специальные пазы, и насекомое действительно, как привидение, исчезало, превратившись в зеленый отросток.

Ни одному нашему знакомому за три месяца ни разу не удалось найти хитрого Невидимку, хотя мы предупреждали, что на плюще сидит насекомое длиной в 8 сантиметров, чуть потоньше сигареты. Самое удивительное, что на линьку палочник покидал свое растение и исчезал неизвестно куда. Я много раз искал его, но без-

мент, особенно огорчало нас — ведь он прожил с нами всю эту страшную зиму, и теперь его ждала голодная смерть.

Возможно, найдутся скептики, которые скажут, что в суровые дни войны всякие там таракашки и пташки это вздор и сантименты, но это неверно. Призвание до самой смерти остается призыванием, и добрые чувства к живому не исчезают из-за того, что кругом грохочет война.

Рисунки
В. Бродского

КАК СДЕЛАТЬ ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ

Для изготовления подзорной трубы нужны линзы. Еще нам понадобятся: клей, бумага, картон, гладкая палка.

Подзорная труба состоит из двух трубок с линзами — окуляра (1) и объектива (2). Для окуляра возьмите линзу —16, —20 диоптрий, для объектива +4, +6 диоптрий. Если вы купите готовые линзы в магазине фототоваров, то на пластмассовом футляре обычно цифрой указывается степень увеличения. Например, 2,5* обозначает, что лупа увеличивает в два с половиной раза. Чтобы узнать число диоптрий, нужно 2,5 помножить на 4 ($2,5 \times 4 = 10$). Следовательно, эта лупа имеет 10 диоптрий. Лупу можно использовать вместе с пластмассовым ободком, срезав выступ, скрепляющий ободок с футляром.

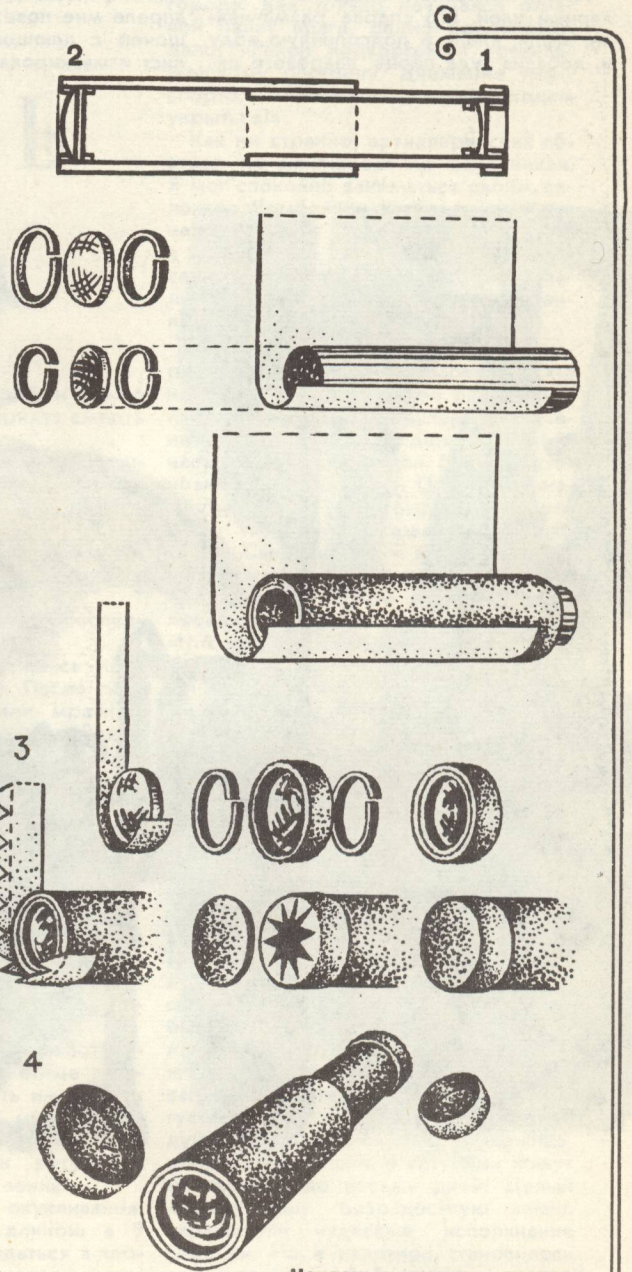
Склейте трубку по диаметру линзы окуляра. Клеить лучше из бумаги. Подберите круглую палку с гладкой поверхностью. Оберните ее один раз черной бумагой. Свободный край приклейте, но так, чтобы не испачкать клеем палку-шаблон. Один край трубки должен немного выступать за край палки. Разложите длинный лист бумаги шириной по длине уже склеенной трубки. Смажьте лист жидким клеем и накрутите его в несколько слоев на трубку на палке. Следите, чтобы бумага накатывалась плотно, без морщин. Просушив первую трубку — будущий окуляр (1), — на нее же накрутите и вторую в той же последовательности (слой черной бумаги, несколько слоев белой). Когда и вторая трубка — объектив (2) — просохнет, обе трубки осторожно снимите с палки-шаблона.

Если линза объектива окажется меньше диаметра трубки? Возьмите проклеенную полоску (более широкую, чем край линзы) из бумаги и накрутите на линзу, пока диаметры не совпадут. Чтобы укрепить линзы в трубках, вырежьте тонкую полоску (3—5 мм) из картона. Приклейте ее внутри трубки кольцом в один или несколько слоев, чтобы линза не смогла пройти сквозь кольцо. Вставьте плотно, до упора, линзу и приклейте еще одно кольцо. Теперь линза будет плотно сжата кольцами.

Линза окуляра ставится в трубку несколько глубже линзы объектива, чтобы боковой свет не попадал в окуляр и, отражаясь, не мешал наблюдению.

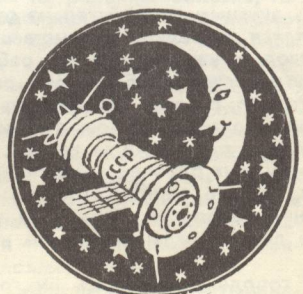
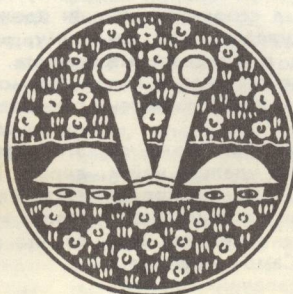
Чтобы стекла не пылились и не царапались, сделайте колпачки. Как сделать колпачок, видно на рис. 3. Теперь покрасьте подзорную трубу. На рис. 4 подзорная труба в готовом виде. Трубку окуляра натрите воском, чтобы движение раздвигаемых и сдвигаемых трубок было плавным.

При наблюдении в подзорную трубу края видимого изображения могут быть размытыми, нечеткими. Чтобы избежать этого, на объектив наложите диафрагму (5) из черной бумаги с очень узким ободком. Слишком уменьшать отверстие не следует, так как диафрагма уменьшает количество света, попадающее в объектив, и изображение темнеет.

И. БОРОДИН

Чертеж и рисунки автора

ВСТРЕЧА С КУБИНСКИМ „ПИОНЕРОМ“

Гавана. Редакция журнала „Пионер“

PIONERO

semanario infantil 530

EN ESTE NUMERO

Un perrito sacalengua... Un perrito sacalengua... Un perrito sacalengua... Un

Мы идем по широкой Гаванской набережной, о невысокий парапет которой с веселым шумом разбиваются океанские волны. Ветра почти нет, и океан настроен мирно и благодушно. Но бывают дни, когда волны заливают набережную и достигают первых этажей нарядных высотных зданий.

Мы решили добраться до редакции пешком и посмотреть на жизнь города и его людей. Но, чтобы не забраться слишком далеко, не заблудиться, пытаемся разузнать, как короче добраться до редакции. Как раз впереди, на школьной игровой площадке, отгороженной от набережной высокой сеткой, играют ребяташки. Заметив туристов, они первые приветствуют нас и просят сфотографировать. Спрашиваем, не знают ли они, как пройти до редакции «Пионера». Конечно, знают. И наперебой принимаются объяснять. Самый бойкий вызывается немного проводить нас.

Сворачиваем на 23-ю улицу — в Гаване многие улицы имеют цифровые названия.

Pase de Lista

3 SALUDO DE LA UPC A LAS FAR Y EL MININT

A los que día a día, fusil en mano, hacen posible el avance victorioso del Socialismo en nuestra Patria.

4 EL QUE DIVIDE AL MUNDO

¿Dónde está el punto que divide al mundo en dos mitades?

5 JABON VEGETAL

Era el utilizado hace muchos, muchos años.

6 EL ARBOL QUE GUSTABA AL PRESIDENTE

Al verlo tan florido, el presidente dijo...

7 LOS MAS PEQUEÑOS

Hay en Cuba tres animales que son los más pequeños del mundo en sus especies respectivas.

8 y 9 JUEGA Y CONSTRUYE

10 COMO HACER

¿Quieres fabricar un lindo gato?

HISTORIETAS:

2 LOBO Y LOBITO

12 EL INCORPOREO

16 FAN FAN

Обложка одного из номеров журнала

„ПЕЙЗАЖ С ПАЛЬМОЙ“
Канелья Давид Эрнесто, 11 лет

„УБОРКА УРОЖАЯ“
Лусандро Мулет Тонте, 10 лет

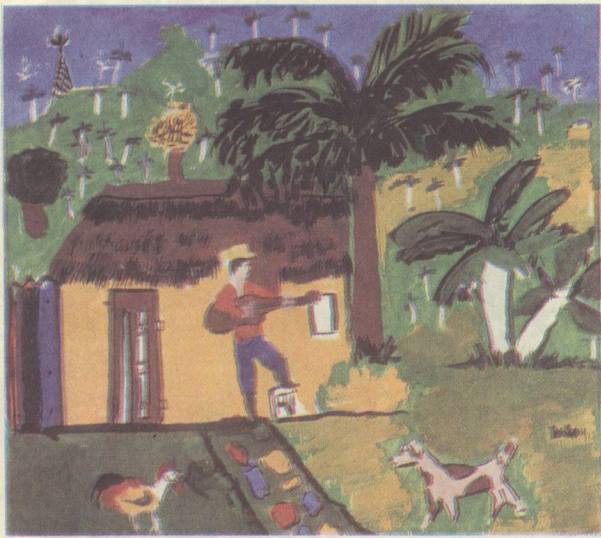
И вот впереди среди зелени я замечаю яркую вывеску «Пионера». Это как раз то, что мы ищем. На втором этаже небольшого уютного дома нас принимает редактор еженедельника и сотрудники редакции. Нам подают стаканы с ледяной водой и крошечные чашечки чудесного кубинского кофе. Завязывается непринужденная беседа. Мы смотрим первые номера журнала. «Мысль о создании печатного органа для детей, — рассказывает главный редактор, — появилась после свершения революции и установления народного правительства на Кубе. Небольшой коллектив редакции «Пионера» скудными средствами, не имея опыта, старался сделать журнал интересным и близким для детей, совсем маленьких и школьников среднего возраста. С 1961 года — выхода первого номера — и до 1972 он внешне был похожим на ваш журнал «Костер». Но с 1972 года изменился и стал издаваться в виде толстой красочной газеты».

Еженедельник очень популярен среди детей, и они с нетерпением ожидают появления каждого номера. Дети присылают свои рисунки и стихи. Несколько таких рисунков редакция журнала любезно передала нам для «Костра». В них отражается жизнь кубинских школьников, их увлечения. Они рисуют свою школу, море и пароходы, недавние события героической революции и ее легендарных героев.

Перед уходом я пообещала, что с удовольствием передам школьникам Советского Союза приветы кубинских друзей и в следующую нашу встречу привезу рисунки и письма советских школьников.

Инна ГЕРАСИМОВА

Вырезать странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку.

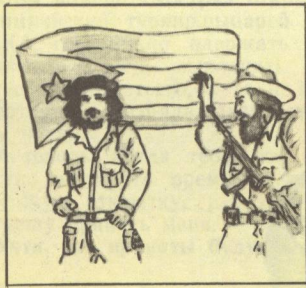
„МОЙ ДРУГ ХОСЕ“
Рауль Баланса, 12 лет

Кубинский журнал „Пионер“ предназначен для совсем маленьких и для детей школьного возраста. Кубинские ребята присылают в редакцию свои стихи, рисунки, заметки.

„ВСАДНИК“
Хемес Перес Пилар Мария

8

Как
ЧЕ И КАМИЛО

Отдам свои силы
Борьбе за свободу,
Как Че и Камило,
Герои народа.

Мисаэль Родригес,
8 лет

Камило Сьенфуэгос и Че Гевара—герои кубинской революции. Камило погиб на море. Че был убит в бою.

ДЕРЕВО, КОТОРОЕ ТАК ПОНРАВИЛОСЬ
ПРЕЗИДЕНТУ

„У кубинцев есть самое красивое дерево в мире“,— эти слова, полные откровенного восхищения, произнес президент Чили Сальвадор Альенде, когда приезжал с визитом на Кубу. Фрамбойан попал на Кубу с Мадагаскара— острова в Индийском океане. Это дерево средней величины с раскидистой кроной. Знаменит фрамбойан своими алыми цветами, которые покрывают дерево в период с апреля по июнь. Слово „фрамбойан“ означает „пламенеющий“. Плоды фрамбойана — огромные, черные, с семенами внутри. Желтоватая древесина используется для различных поделок.

4

5

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЁК»

КАМИЛО СЬЕНФУЭГОСУ

Того человека в сомбреро
Скрыл навсегда океан,
Но будет всем нам примером
Храбрый из партизан.
Мы помним тебя, Камило,
Герои сильнее смертей,
Большим твоим сердцем было,
Ты очень любил детей...
И вот приходим на берег,
Тебе мы несем цветы,
В Кубу счастливую верим
Так же, как верил ты.
Знай, что на Кубе новой
К борьбе за свободу и мир
Мы будем всегда готовы,
Как ты мечтал, командир.

*Франсиско Мартинес,
12 лет*

2

2—3 грамма. У „бабочки“ крепкие зубы, питается она насекомыми. Как и все летучие мыши, она издает ультразвук, не воспринимаемый человеческим ухом. Ультразвук, наталкиваясь на препятствия и возвращаясь к летучей мыши, предупреждает ее об опасности. Когда „бабочка“ попадает в беду, она издает крик о помощи. По этому сигналу прилетают сотни ее товарищей.

Лягушка-лилипут

Длина этой лягушки 11 миллиметров, то есть она величиной примерно с копейку, вокруг тела идет белая полоса. Она откладывает яйца не в воду, как остальные лягушки, а в кору деревьев, и из них вылупляются не головастики, а полностью сформировавшиеся лягушата. Питается лягушка москитами, мушками.

*Перевод с испанского
Марины ПАЛЬЧИК*

7

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ

На Кубе живут три самых маленьких в мире животных: птица колибри, лягушка-лилипут и летучая мышь „бабочка“.

Колибри

Колибри — самая маленькая птица в мире. Самец имеет в длину около 64 миллиметров, самка на 1 миллиметр больше. Птица обладает способностью вертикально взлетать вверх и опускаться. Оперение необычайно ярко: у самца перья красного, белого и голубого цвета, у самки — белого и зеленого.

Летучая мышь „бабочка“

Эту летучую мышь называли „бабочкой“ за ее величину. Длина ее тела 3 сантиметра, а вес

6

ПАМЯТИ ЧЕ ГЕВАРЫ

День в октябре был ясный.
Выстрел — и солнце погасло,
Солнце, светившее ярче
Того, что в небе горит,
Сердце погасло горячее —
Че был убит.

*Росендо Мигель Лопес Торренс,
10 лет*

3

ИЗВЕСТНО ЛИ ТЕБЕ?

Что АРЧЕБЕК — это Армия Рыцарей Черно-Белых Клеток, что арчебековцы, выполняя боевые задания шахмат-адмирала, постигают тайны мудрейшей из игр и достигают в ней такой силы, что становятся чемпионами класса, школы, а то и города.

Известно ли тебе?

Что двери Арчебека открыты для всех — для мальчиков и девочек, для первоклассников и десятиклассников, для разрядников и новичков, что принимаются даже не умеющие играть — их зачисляют в отряд оруженосцев.

Известно ли тебе?

Что в этом году, в этом месяце, в этом номере «Костра» открывается Олимпийский турнир рыцарей АРЧЕБЕКА, где можно одержать немало славных побед, выполнить норму четвертого, третьего, а то и второго спортивного разряда, завоевать диплом и приз.

А теперь, когда тебе все это известно, не трать времени: доставай почтовую открытку, ручку и пиши: «Прошу принять меня...»

Учи, что приняты будут все!

3 ВОПРОСА ШАХМАТ-АДМИРАЛУ

— Как будет проходить в АРЧЕБЕКЕ Олимпийский турнир?

— Очень просто: рыцари будут исполнять мои приказы, рапортовать и набирать очки. Лучших я представлю к спортивному разряду и к награде.

— За сколько очков будет давать разряд?

— Получить разряд (4-й, 3-й и 2-й), завоевать диплом и приз — все это можно будет в финале (август—октябрь). Тогда я и объявлю разрядные нормы. А попадут в финал те, кто в отборочных состязаниях

(январь—июль) наберет 40 очков из 70 (14 задач по 5 очков).

— Будет ли сообщаться олимпийцам, верен или нет их рапорт?

— Не будет. Каждый участник обязан сам вести учет правильности своих решений. В этом ему поможет «Бюро самопроверки», где будут печататься верные ответы.

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Итак, первый тур Олимпийского турнира, первые боевые задания.

Шахматисты! Найдите в этих задачах мат в два хода (автор — Александр Гришин, Ермоловка) —

А. Белые: Крf4, Фа2, Лh8, Кf7; черные: Крг7.

Б. Белые: Крс2, Фб3, Ле3, Са8; черные: Крf2.

Шашкисты! Найдите в этих концовках победную комбинацию белых (автор — Н. Митрофанов, Ленинград) —

А. Белые: а1, б2, б4, с3, d2, е1, f2, черные: а5, а7, с7, d4, е5, е7, h2.

Б. Белые: а3, d4, е3, f2, f4, h4; черные: а7, б4, б6, с5, с7, е7, h6.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Ты еще не умеешь играть? Тогда получи первое боевое задание.

1. Узнай, как называются фигуры и как они ходят.

2. Узнай, что такое шах, мат и пат.

3. Сам придумай, нарисуй и пришли на имя шахмат-адмирала три положения — а) с шахом, б) с матом, в) с патом.

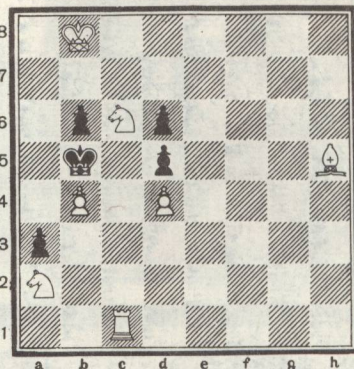
КОМИТЕТ „ВОПРОС — ОТВЕТ“

— Как выполнять задание «Найти мат в два хода»? — спрашивает Дима Полянский из Днепропетровска.

— Найти мат в два хода это зна-

чит найти такой ход белых, после которого, как бы черные ни ответили, они получат мат.

Для примера — задача Юрия Башлыкова (Белово).

Надо найти мат в два хода. Перепробовав разные возможности, обнаруживаем, наконец, верный ход 1. Лb1! Записываем:

- 1. Лb1! и если Кра6, то 2. б5Х,
- »—» и если Кр:с6, то 2. Се8Х,
- »—» и если Кра4, то 2. Кс3Х,
- »—» и если Крс4, то 2. Се2Х.

Итак, при любом ответе черных им будет мат. Значит, задача решена! Ее решает ход 1. Лb1!

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпийцам и оруженосцам отослать рапорты до 1 марта.

§ 2. Рапорт писать на почтовой открытке.

§ 3. Каждый новенький должен выбрать для себя пароль (любое слово или фразу). У прошлогодних финалистов — пароль финала.

§ 4. Успешного вам старта, олимпийцы!

Шахмат-адмирал Ферзэбери

ОЗАДАЧЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Французский писатель Анатоль Франс принимал на работу машинистку, рекомендованную ему кем-то из друзей.

Писатель спросил девушку:

— Я слышал, вы неплохо стенографируете.

— Да. Сто тридцать слов в минуту...

— Сто тридцать слов в минуту?! Но, дорогая, где я их вам возьму?

Рисунки А. Курушина

ОТВЕРГНУТЫЙ ДАР

Вождь латинян Маний Курий ел репу, когда послы соседнего племени сабинян принесли ему в дар золото.

— До тех пор, пока я буду питаться репой, — сказал Курий, — я не буду нуждаться в золоте.

СОСУД ЗЛОСЛОВИЯ

Один чужестранец во время пира наговорил немало дерзостей спартанскому царю Лизандру.

— Извергни еще парочку проклятий, — сказал Лизандр, — и, может быть, в конце концов ты избавишься от язвительных слов, которыми переполнен.

СОДЕРЖАНИЕ

Любить то, что ты делаешь интервью с Героем Социалистического Труда, рабочим Е. Моряковым	1
Портфель для Настеньки повесть И. Сабило рисунки А. Слепкова	3
Барабан журнал юнкоров	14
Три детали очерк Б. Вахрамеева оформление Н. Андреева	18
Жизнь комиссара очерк Г. Гоппе рисунки А. Гетманского	20
Заморские встречи рассказы И. Черняка рисунки В. Топкова	24
Нечерная земля заметки Е. Швецово́й, Д. Дымова и Л. Потаповой рисунки Ю. Иванова	28
Наш „Пионерстрой“ Зайце́мобиль рассказ Ю. Дружникова рисунок Ю. Клыкóва	34
Леона́рдо да Винчи очерк Д. Норина	38
Новости науки и техники составитель В. Четкарев оформление А. Януса	42
Морская газета Первый бой рассказ Г. Дыбенко рисунок А. Орлова	44
Летящий очерк В. Нечаева	46
Киноклуб	49
Зеленые страницы	50
Верность очерк А. Батуева рисунки В. Бродского	54
Встреча с кубинским „Пионером“	56
Уголёк журнал для малышей	59
Арчбек шахматы и шашки	61
На обложке рисунок В. Топкова	63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия: Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76.
Рукописи и фотографии не возвращаются.
М-22356. Сдано в набор 6/Х 1975 г. Подписано к печати 1/ХІІ 1975 г. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 8+обл. Уч-изд. л. 8,8. Тираж 560 000 экз. Заказ 1415. Цена 25 коп.
Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, Кронверкская ул., 7.

Составил
и оформил
В. УФЛЯНД

Откуда взяты эти строки и есть ли какие-нибудь соответствия между этими стихами и представленными здесь рисунками?

...Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,

Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12

Демьяша одет конусом, Гном — пирамидой, Сиволапыч — параллелепипедом, Хуссейн — цилиндром.

Магический квадрат.

11	12	7
6	10	14
13	8	9

Ребус Индиры Цогоевой.

$$\begin{array}{r} 7 + 6 = 13 \\ 3 - 2 = 1 \\ \hline 4 \times 3 = 12 \end{array}$$

Хоккейно - математический ребус. Одно из возможных решений.

$$\begin{array}{r} 7342 \\ + 7342 \\ \hline 14684 \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 6208 \\ 6238 \\ 75425 \\ 10695 \\ \hline 98566 \end{array}$$

Ребус Петровых. Одно из возможных решений.

Кроссворд «ГОРОДА». Составил Канат БАРАНБАЕВ из с. Астраханка Целиноградской области.

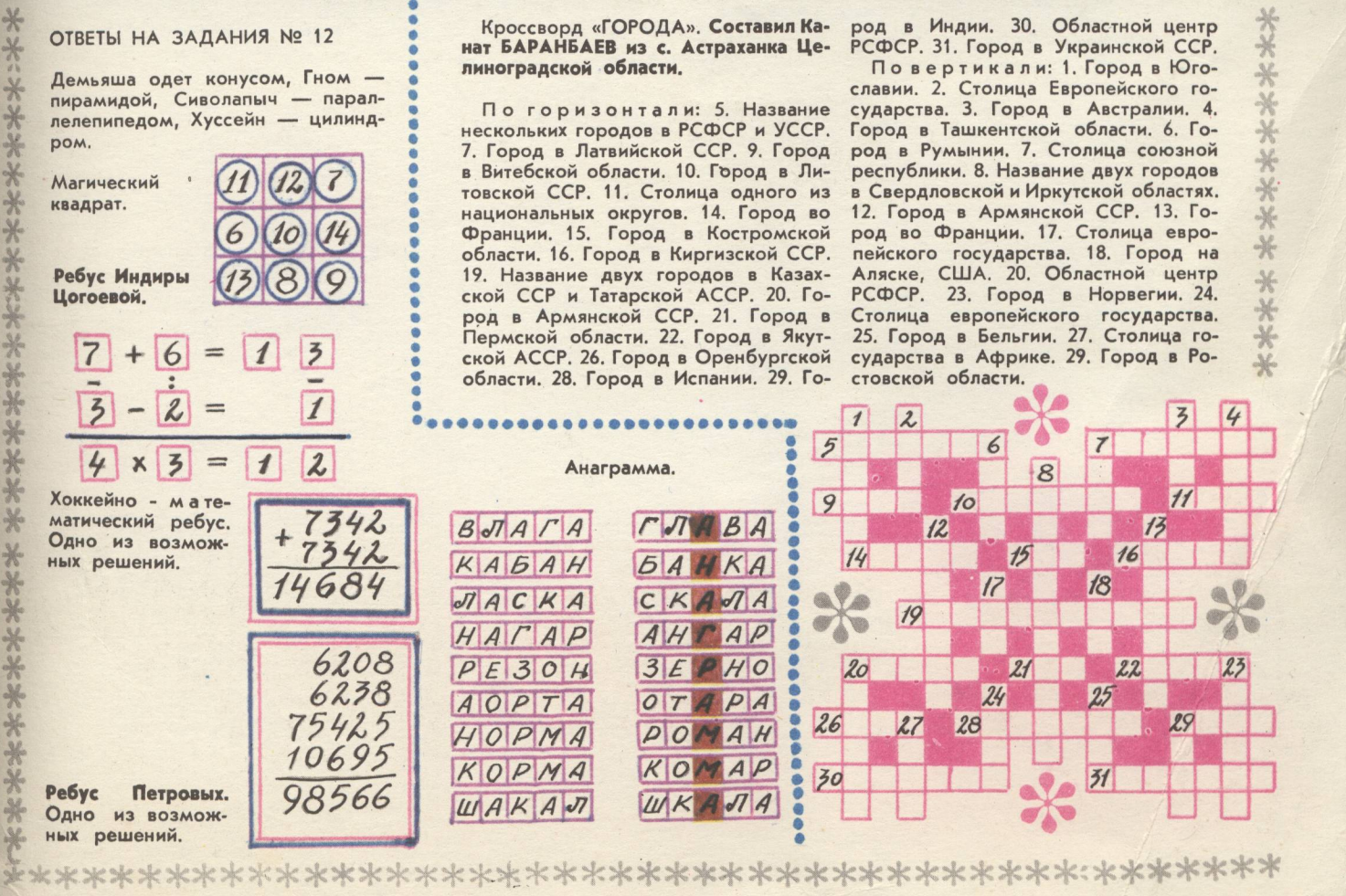
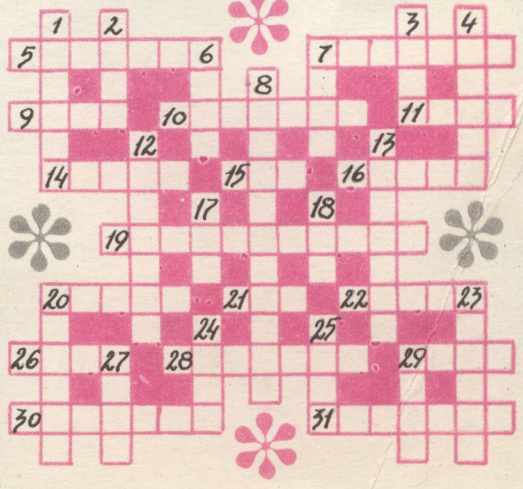
По горизонтали: 5. Название нескольких городов в РСФСР и УССР. 7. Город в Латвийской ССР. 9. Город в Витебской области. 10. Город в Литовской ССР. 11. Столица одного из национальных округов. 14. Город во Франции. 15. Город в Костромской области. 16. Город в Киргизской ССР. 19. Название двух городов в Казахской ССР и Татарской АССР. 20. Город в Армянской ССР. 21. Город в Пермской области. 22. Город в Якутской АССР. 26. Город в Оренбургской области. 28. Город в Испании. 29. Го-

род в Индии. 30. Областной центр РСФСР. 31. Город в Украинской ССР.

По вертикали: 1. Город в Югославии. 2. Столица Европейского государства. 3. Город в Австралии. 4. Город в Ташкентской области. 6. Город в Румынии. 7. Столица союзной республики. 8. Название двух городов в Свердловской и Иркутской областях. 12. Город в Армянской ССР. 13. Город во Франции. 17. Столица европейского государства. 18. Город на Аляске, США. 20. Областной центр РСФСР. 23. Город в Норвегии. 24. Столица европейского государства. 25. Город в Бельгии. 27. Столица государства в Африке. 29. Город в Ростовской области.

Анаграмма.

ВЛАГА	ГЛЫВА
КАБАН	БАНКА
ЛАСКА	СКАЛА
НАГАР	АНГАР
РЕЗОН	ЗЕРНО
АОРТА	ОТАРА
НОРМА	РОМАН
КОРМА	КОМАР
ШАКАЛ	ШКАЛА

Стучат часы на Спасской башне.
Кружит снежинок хоровод.
Уходит добрый год вчерашний —
Идет навстречу Новый год.

Повсюду дел больших громада
Его зовет и нас зовет.
Мы все вокруг одна бригада,
А бригадиром — Новый год!

